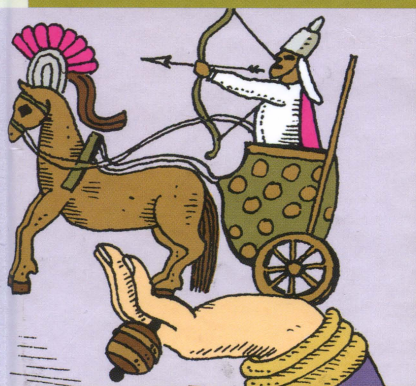

история/география/этнография

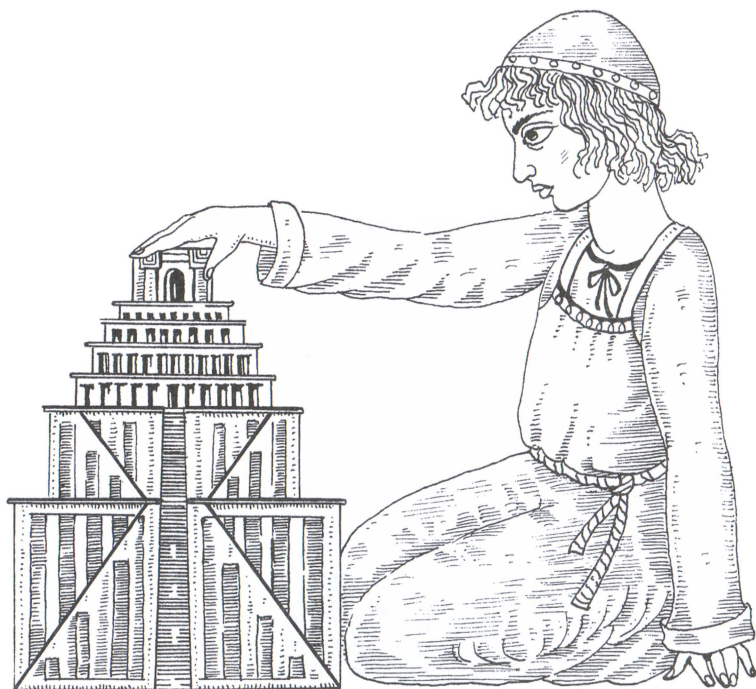
Виталий Белявский

Вавилон
легендарный
и Вавилон
исторический

Ломоносовъ
издательство

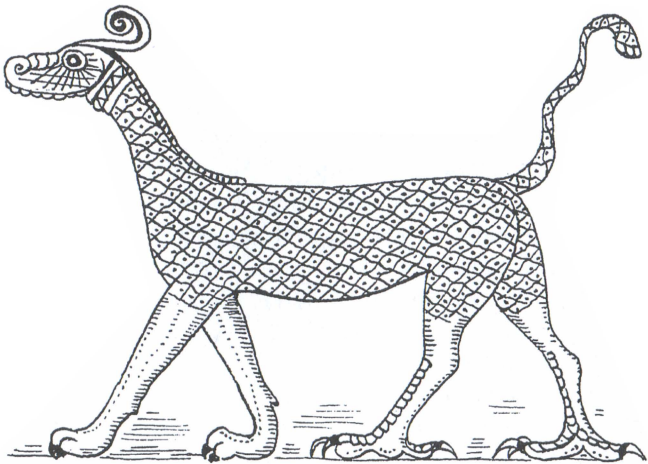

Виталий Белявский

Вавилон легендарный
и Вавилон
исторический

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 903
ББК 63.3(0)31
Б44

*Создано
Виталием & Кэли*

Иллюстрации И. Тибиловой

От автора

Вавилон... У каждого из нас это имя ассоциируется с Вавилонской башней, Вавилонским столпотворением, смешением языков, Висячими садами Семирамиды, царем Навуходоносором, Вавилонским пленом, пиром Валтасара и знаменитыми словами «мене, мене, текел, упарсин», символизирующими неотвратимость судьбы и бренность земного величия.

Обо всем этом мы слышали в школе, читали и читаем в книгах, журналах и газетах, часто говорим сами. А почему? Вавилон... Да ведь это же экзотика, дремучая древность, перепутанная со сказкой! И все-таки нет человека, который ничего не знал бы о Вавилоне и сам не поминал бы Вавилонское столпотворение, понимая под этим выражением не столько строительство Вавилонской башни, сколько величайший беспорядок. Один из героев французской кинокомме-

дии «Дьявол и десять заповедей» говорит: «Когда перестают соблюдаться законы, то это уже почти Вавилон». Вавилон буквально вошел нам в плоть и кровь.

А каким он был на самом деле? Да и было ли пресловутое Вавилонское столпотворение или все это вымысел? Вот об этом и рассказывается в предлагаемой вниманию читателей книге. В ней речь пойдет не о Вавилоне вообще, а о Вавилоне эпохи столпотворения, когда жил Навуходоносор и пировал Валтасар, о событиях двадцатипятивековой давности. Но сначала немного о месте действия и предыстории нашей истории.

Все это происходило в стране, которая ныне зовется Ирак. Так ее назвали арабы, поселившиеся в ней в VII в. н.э. Она расположена между реками Евфрат и Тигр. Поэтому еще в древности евреи дали ей имя Сennaар, то есть Двуречье, а греки — Месопотамия, то есть Междуречье. Южное Двуречье представляет собой плоскую равнину, образованную речными наносами. Здесь, а также в Египте, расположенном в нижней долине Нила, в конце IV тысячелетия до н.э. впервые родилась цивилизация.

В обиходе мы часто употребляем слова «цивилизация» и «культура» как синонимы, что, строго говоря, неверно. Культура возникла вместе с человеком и будет существовать столько же, сколько и род человеческий. А цивилизация родилась всего 5000 лет тому назад и представляет определенный этап и истории человечества. Для цивилизации характерны общественное разделение труда, раскол общества на антагонистические классы, эксплуатация человека человеком и наличие государства.

Создателями цивилизации в Южном Двуречье были шумерийцы, народ, остающийся до сих пор загадочным во многих отношениях. Так, например, не известно, откуда они пришли в эту страну. Шумерийцы и поселившиеся севернее их аккадские семиты дали Южному Двуречью название страны Шумер и Аккад¹. Это случилось приблизительно в конце V тысячелетия до н.э.

Шумерийцы, которым принадлежала ведущая роль, явились в низовья Тигра и Евфрата, будучи уже знакомыми со скотоводством, земледелием и металлом, то есть с теми достижениями в области производства, которые подгото-

вили рождение цивилизации. Более того, шумерийцы были одними из пионеров, впервые приручивших быка и научившихся добывать и плавить металл. Об этом свидетельствуют шумерийские слова «(н) гу (д)» — «бык» и «уруду» — «медь», заимствованные многими языками мира.

Южное Двуречье в то время представляло собой гиблое место. Шумерийцы и аккадцы попали сюда не по доброй воле, а под натиском более сильных соседей. Здесь им пришлось вступить в борьбу с грозными силами природы. Отголоском этого единоборства людей со стихией является широко известная легенда о всемирном потопе, вошедшая в состав шумерийского «Эпоса о Гильгамеше» и заимствованная оттуда Библией. Люди победили природу. Построив ирригационную систему, они отделили сушу от воды. Буквально создали своим трудом страну из смертоносных плавней, болот, джунглей и пустыни.

В ходе борьбы с природой шумерийцы и аккадцы развили свои производительные силы и создали невиданные доселе источники общественного богатства. Они изменились сами и изменили в корне свое общество. У них возникли новые производственные отношения, возник новый способ производства материальных благ, положивший начало цивилизации.

Это был тот способ производства, который К. Маркс в свое время назвал «азиатским», так как обнаружил его следы у некоторых народов Азии (в частности, в Индии). В XX в. сильные пережитки азиатского способа производства обнаружены и исследованы у народов Тропической Африки². Он существовал как первая ступень в становлении цивилизации в Древнем Египте (эпохи архаическая, Раннего и Старого царств в IV—III тысячелетиях до н.э.), в крито-микенском обществе, у эллинов до VIII—VI вв. до н.э., в Италии и раннем Риме до IV в. до н.э., в Испании, Галлии и Британии до римского завоевания, в Древней Индии (культура Хараппа, ведическая эпоха) и Древнем Китае (периоды Ся, Шан-Инь, Си-Чжоу), у многих кочевых народов Старого Света (скифы, хунны, тюрки, монголы и др.), скандинавов эпохи викингов, полинезийцев, инков, майя и мексиканцев в древней Америке и т. д. Азиатский способ производства ныне уже нельзя считать только «азиатским». Это универсальный историче-

ский этап, через который так или иначе прошли все цивилизованные общества. Поэтому эту первую общественно-экономическую формацию цивилизации лучше называть архаической формацией.

Каждое архаическое общество в зависимости от условий своего происхождения и существования, а также стадии развития имело индивидуальные черты. Но все они имели и общее, что позволяет относить их к одной и той же формации. Основу их экономики составляло единство земледелия (или скотоводства) и промышленности, нерасчлененное единство города и деревни, что порождало соответствующие производственные отношения, выразившиеся в определенном типе отношений собственности.

Архаическое общество знало классовый антагонизм и эксплуатацию человека человеком. В состав общины, являвшейся собственницей основного средства производства — земли, входили только члены племени-завоевателя, тогда как покоренное им население лишалось собственности и само становилось собственностью победителей. В архаическом обществе друг другу противостояли два класса: родовая аристократия, составлявшая общину, которая сохраняла родоплеменную организацию, и побежденные чужаки, оказавшиеся на положении клиентов и рабов, ряды которых непрерывно пополнялись пленными и пришельцами, порвавшими по тем или иным причинам связи со своим племенем. Это — эвпатриды и демос в древней Аттике, спартиаты («равные») и периеки и илоты в Спарте, патриции и плебеи в раннем Риме, длинноухие и короткоухие на острове Пасхи, «белая» и «черная» кость у монголов, варны в древней Индии и т. д. В Шумере эти классы-сословия назывались «большими людьми» (*lú-gu-la*) и «подлым человеком» (*ukú*).

Архаический строй создал невиданные дотоле производительные силы и производительную силу труда. Это была героическая эпоха, эпоха взлета творческой активности людей. И чем больше мы узнаем об этой эпохе, тем сильнее наше изумление. В самом деле, как не изумляться, если при раскопках находят гальванические батареи, которыми пользовались шумерийские умельцы для золочения? А разве не достойно удивления зрелище, свидетелями которого стали

Тур Хейердал и его спутники на острове Пасхи: 12 островитян, потомков длинноухих и короткоухих, за восемнадцать дней с помощью трех бревен, каната и традиционных знаний, унаследованных от предков, поставили один из каменных колоссов, повергнутых около трех веков назад, тогда как инженеры XX в. долго и бесплодно ломали голову относительно техники, которой располагали творцы этих статуй?

Великие египетские пирамиды и гробницы шумерийских царей I династии Ура, дворец-лабиринт в Кноссе на Крите и циклопические постройки Эллады, этрусские толосы и скифские курганы, дороги инков и теокалли майя и аштеков, гигантские руины Зимбабве и Баальбекская терраса, истуканы острова Пасхи и искусство Бенина — вот некоторые памятники архаического общества, вызывающие восторг и восхищение. Не менее впечатляющими были достижения человечества в эту эпоху и в области духовной культуры. Именно в это время возникла письменность, появились «Эпос о Гильгамеше», «Илиада» и «Одиссея», «Рамаяна» и «Махабхарата», «Шу-цзин» и «Ши-цзин», Веды, скандинавские саги и греческая мифология. Все эти сокровища культуры, предмет гордости рода человеческого, были созданы на заре цивилизации. На заре *нашей* цивилизации *нашими* предками, а не какими-то таинственными пришельцами из далеких миров внеземных цивилизаций, о которых ныне частенько приходится читать в популярной «историко-космической» литературе.

Архаический строй в Шумере погиб под бременем собственных противоречий, под ударами социальной революции и завоевателей. И вслед за ним постепенно исчез и шумерийский народ, ассимилировавшийся среди семитов, наводнивших страну. В Южном Двуречье восторжествовал античный способ производства, речь о котором пойдет ниже. Это тот строй, который обычно именуют рабовладельческим и который хорошо известен по Греции и Риму эпохи классической древности. Но Южное Двуречье развивалось в условиях, отличных от условий существования греко-римского общества. Шумер и Аккад долгое время были островом в окружении народов, продолжавших жить в условиях архаического строя и непрерывно вторгавшихся в Двуречье. Это были прежде всего племена амореев, которые вместе

с эламитами разгромили шумерийское государство III династии Ура и завоевали страну, основав на ее территории ряд государств. В первой половине XVIII в. до н.э. Хаммурапи, царь Вавилона, одного из государств, созданных амореями, вновь объединил страну, которая позже получила у греков название Вавилонии по имени Вавилона, ставшего отныне политическим центром Южного Двуречья, страны Шумера и Аккада.

Амореи в период завоевания Шумера и Аккада были народом, только что перешедшим от родового строя к цивилизации. Но, став господами страны, они очень быстро испытали на себе могучее воздействие ее развитой цивилизации. Их владычество не остановило развития античного общества в Южном Двуречье, но все же привело к оживлению и возрождению некоторых пережитков архаического строя. Об этом свидетельствуют знаменитые Законы вавилонского царя Хаммурапи (1790 г. до н.э.).

Эти законы юридически оформили новые отношения собственности и провели четкую грань между свободными и рабами — основными классами античного общества. Но вместе с тем сохранилось деление класса свободных на сословия «людей» (*awilum*, *mag-awilim*) и «склоненных» (*muškenum*). «Людьми», то есть аристократами, обладавшими всей полнотой гражданских прав, были потомки вавилонских амореев-завоевателей, а «склоненными», мушкенумами, плебсом, — местное свободное население, покоренное вавилонянами, потомки аккадских семитов и семитизированных шумерийцев, которые как раз и были носителями новых античных отношений.

Законы Хаммурапи продолжали сохранять силу на протяжении всей вавилонской истории. Но вавилонское общество менялось, и вместе с ним менялась интерпретация законов. Отмирали те нормы права, в которых подчеркивалось различие между авилумами и мушкенумами, а также содержались другие архаические пережитки, но продолжали жить и развиваться нормы, санкционировавшие античные порядки.

Господство амореев пало в 1595 г. до н.э. На смену им пришли новые варварские господа — касситы. Их владычество продолжалось до 1176 г. до н.э. и тоже сопровождалось реци-

дивами архаических порядков. Но и касситы не смогли повернуть вспять развитие вавилонского античного общества.

Тем временем окружающий мир изменился. Античный строй победил в соседних странах Передней Азии, в первую очередь в странах Благодатного полумесяца³. Вавилония перестала быть изолированным островом. Ее античное общество достигло зрелости. И с конца VIII в. до н.э. в нем появились первые симптомы надвигавшегося кризиса, которые отчетливо дали о себе знать в последующие два столетия. Этому периоду и посвящена настоящая книга.

Итак, речь пойдет о событиях и людях двадцатипятивековой давности. Откуда же мы знаем о них? Впрочем, то, что на территории Ирака много десятилетий подряд ведутся раскопки, общеизвестно. Скажу лишь о том, что знают далеко не все.

Посетители Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве и Эрмитажа в Санкт-Петербурге обычно не задерживаются возле витрин, в которых выставлены невзрачные таблички из высохшей или обожженной глины, покрытые плохо разборчивой клинописью. Но этим табличкам по две — пять тысяч лет. Когда с середины прошлого столетия начались раскопки развалин городов Шумера и Аккада, Ассирии и Вавилонии, эти таблички находили целыми грудями. В настоящее время общее число таких табличек, хранящихся во многих музеях и собраниях мира, достигает полумиллиона.

Таблички содержат литературные, религиозные, научные тексты, надписи царей, но подавляющая масса их представляет собой деловые документы — векселя, расписки, накладные, арендные контракты, купчие, бухгалтерские счета, судебные протоколы и решения, свидетельские показания, письма делового и частного характера. Каждый такой документ, написанный сухим юридическим языком по стандартному формуляру, взятый в отдельности, честно говоря, способен нагнуть зеленую тоску даже на специалиста. Но стоит установить связь между разрозненными документами и поближе познакомиться с упоминаемыми в них лицами, как картина резко меняется. Документы начинают говорить в полный голос. Люди седого Вавилона предстают перед

нами как живые со своими радостями и печальями, успехами и неудачами, делами и помыслами.

Таким образом, мы знаем об эпохе Вавилонского столпотворения со слов самих вавилонян, которые писали, не подозревая, что рассказывают о себе отдаленным потомкам многое такое, о чем предпочли бы умолчать. Но о Вавилоне и Вавилонском столпотворении люди не забывали никогда и помнили задолго до того, как нашли глиняные таблички и вновь научились читать клинопись. Многие поколения читали о Вавилоне и его чудесах в Библии и у греко-римских писателей — Геродота, Ксенофонта, Диодора, Арриана, Страбона и др. Рассказы эти восходят к людям, которые собственными глазами видели Вавилон и общались с вавилонянами. Это показания очевидцев, каждый из которых воспринимал виденное, испытанное и слышанное по-своему, в соответствии со своим характером, настроением и отношением к Вавилону и вавилонянам.

В работе над книгой использованы все эти источники. Разумеется, на ее страницах нет возможности даже приблизительно охватить весь огромный материал о Вавилоне эпохи столпотворения. Да я и не ставил перед собой подобной задачи. Моя цель гораздо скромнее: не снижая научного качества работы, дать общедоступный очерк политической, социально-экономической и культурной истории вавилонского общества на протяжении двухсот с небольшим лет, с 689 по 482 г. до н.э., — периода, который получил в науке название нововавилонского, или Нового Вавилона, рассказать, как жили и чем занимались люди того времени, населявшие Вавилонию. Насколько мне удалось справиться с этой задачей, пусть судят читатели.

В заключение я считаю своим долгом поблагодарить Тимофея Исаевича Шаргородского и Дмитрия Григорьевича Редера, оказавших мне большую помощь в работе над этой книгой.

Глава 1 Рождение нового Вавилона

Эсагилу, дворец богов, и ее святилища, Вавилон, привилегированный город, его стену Имгур-Эллиль и его вал Немет-Эллиль я велел отстроить заново от их оснований до их зубцов, сделал их больше, выше и прекраснее, чем прежде.

Из надписи Асархаддона, царя Ассирии

Зимой 689/88 г. до н.э. страшная весть потрясла все страны и народы от берегов Средиземного моря до долины Инда, от суданских саванн и песков Сахары до причерноморских степей и седого Кавказа: Вавилон, пуп земли, перестал существовать.

За несколько тысячелетий своей истории Древний Восток несчетное число раз видел, как возникали, расцветали и гибли без следа не только города, но целые страны и народы. Проходили века, сменялись цари и завоеватели, однако ни один из них не смел поднять руку на Священный Вавилон и его храм Эсагилу. И вот Вавилона не стало. Он стерт с лица земли. Что же произошло? Какой ужасный ураган обрушился на райские сады богатейших в мире долин Евфрата и Тиг-

ра? Чтобы ответить на эти вопросы, придется хотя бы кратко познакомить читателя с историей Передней Азии за полувековое столетие, предшествующее гибели Вавилона.

История цивилизации на Ближнем Востоке к этому времени насчитывала две с половиной тысячи лет. За этот срок население Египта и стран Благодатного полумесяца создало огромные богатства, самую передовую и блестящую культуру в мире, но не обрело ни счастья, ни покоя. Все блага цивилизации составляли достояние немногих, а уделом остальных были рабство, беспросветный каторжный труд и нищета. Имущественное неравенство и острые социальные конфликты подрывали силы цивилизованных обществ. К середине VIII в. до н.э. все великие державы Ближнего Востока находились в состоянии глубокого упадка.

Гордой державы египетских фараонов не существовало. О ее былом величии напоминали лишь пирамиды и грандиозные храмовые ансамбли Карнака и Луксора возле египетских Стовратых Фив. Территория Египта была раздроблена на множество княжеств-номов, в которых правили ливийские князьки. Они опирались на ливийское воинство и вместе с египетскими жрецами эксплуатировали поработенный народ. В 716 г. Египет был завоеван нубийцами.

Мелкие государства Сирии, Финикии и Палестины тоже переживали тяжелые времена. Они непрерывно воевали между собой. А внутри каждого из них шла напряженная борьба между бедными и богатыми, рабами и господами. О том, что представляло собой тогда одно из этих государств — Иудея, пророк Исаия говорил: «Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места; язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши на ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими»⁴.

Могучая Ассирия, которая всего столетие назад являлась грозой Передней Азии, в середине VIII в. до н.э. находилась в состоянии упадка. Силы ассирийской армии были истощены массовым разорением граждан-землевладельцев, на плечах которых лежало бремя военной службы. Ассирийская знать обладала колоссальными богатствами, награблен-

ными в соседних странах, но военная мощь страны падала. Ассирия теряла свои завоевания в Сирии, а с севера ее теснили цари Урарту.

В 745 г. до н.э. в Ассирии произошел дворцовый переворот. Трон захватил царь Тиглатпаласар III. Он провел ряд важных реформ, которые оказали огромное влияние на судьбы Ближнего Востока, в том числе и Вавилонии. Тиглатпаласар III открыл доступ в армию ассирийской бедноте, отстраненной ранее от военной службы из-за отсутствия достаточного имущественного ценза. Отныне солдат стали вооружать и содержать за счет государства. Благодаря этому в Ассирии резко возросла политическая роль демократических слоев, олицетворением которых сделалась армия. С этого времени ассирийская армия перестала быть гражданской милицией и превратилась в постоянное профессиональное войско. Новая ассирийская армия на протяжении целого столетия не знала равных себе по боевой мощи. Опираясь на нее, Тиглатпаласар III (745–727 гг.) и его преемники Салманасар V (727–722 гг.) и Саргон II (722–705 гг.) в короткий срок покорили Сирию, Финикию, Палестину, восточные области Малой Азии, западные районы Ирана, а также Вавилонию.

Не менее важное значение имело изменение отношения к завоеванным странам. Ранее ассирийцы, как и прочие завоеватели, ограничивались тем, что грабили и облагали данью покоренные народы, истребляли непокорных, но, как правило, не лишали их самоуправления. Тиглатпаласар III впервые приступил к превращению завоеванных стран в провинции, включаемые в состав Ассирийской империи. Теперь ассирийцы насаждали у побежденных ими народов свое управление, свою администрацию. А чтобы раз и навсегда сломить их способность к сопротивлению, они прибегали к так называемой политике «насаху»⁵.

То, что она собой представляла, лучше всего показать на примере. Так, например, в 722 г., овладев Самарией, столицей Израиля, ассирийский царь Саргон II угнал израильский народ в плен и расселил его в разных районах Северной Месопотамии и на границе с Мидией. Вместо израильтян в Самарию переселили пленных вавилонян и сирийцев из Хамата. Покоренный народ таким образом отрывался от род-

ной почвы с корнем. Пленники, как те, которых угоняли, так и те, которых пригоняли на их место, оказывались в чуждом окружении, оторванными от своих народов, лишенными организации и возможности сопротивляться победителям. Чтобы уцелеть в новой обстановке, они волей-неволей вынуждены были держаться за своих поработителей-ассирийцев. Так ассирийцы обеспечивали свое господство над завоеванными странами.

Однако политика «насаху» имела одно важное последствие, которое завоеватели не предвидели. Ассирийцы целое столетие тасовали и перемешивали покоренные народы Передней Азии. Стирая этнические различия, они превратили все население своей империи в безликую массу, стянутую железным обручем ассирийского ига. Сами ассирийцы, никогда не отличавшиеся большой численностью, растворились среди покоренных, которые говорили главным образом на арамейских диалектах. В итоге произошла арамеизация населения Передней Азии⁶.

Не менее сложная обстановка царил в соседней Вавилонии. В стране было неспокойно. Знать Вавилона, Барсиппы, Сиппара, Ниппура, Урука, Ура и других городов утопала в роскоши, а народ стонал под гнетом нищеты. В руках аристократии находились громадные земельные владения и богатства храмов вавилонских городов. Многие аристократы были собственниками латифундий, возникших за счет разорения мелких и средних землевладельцев. Аристократия освободила себя от всех обязанностей и повинностей в отношении государства, но зато присвоила все права и привилегии гражданства.

Аристократия захватила экономическое и политическое господство в обществе, низвела царей до роли марионеток, лишенных реальной власти. Тем самым аристократия обескровила Вавилонское царство, которое фактически перестало существовать. Страна находилась в состоянии политической раздробленности и хаоса. Между вавилонскими городами происходили непрерывные столкновения. Отдельные кланы аристократов постоянно враждовали друг с другом. Вавилония была беззащитна перед своими хищными соседями Ассирией и Эламом и халдейскими племенами.

Халдеи, народ семитского происхождения, вышедший из Аравии, в XI в. до н.э. завладели значительной частью Вавилонии, основав на ее территории множество племенных княжеств. Наиболее крупными из них были Бит-Якин (Страна Моря), Бит-Дакури, Бит-Амуккани, Гамбулу, Пукуду. Вавилонские города оказались в халдейском окружении. Халдейские поселенцы проникли и на их территорию. Вавилонская аристократия использовала военную силу халдеев и тем самым вопреки своему желанию поощряла их к дальнейшим захватам. С течением времени халдеи сильно вавилонизировались. Их князья неоднократно завладевали Вавилоном и присваивали себе титул вавилонских царей. Вавилонская аристократия избавлялась от них тем, что натравливала одного князя на другого или обращалась за помощью к Ассирии и Эламу.

Как раз во время царствования Тиглатпаласара III в Ассирии вавилоняне обратились к нему за помощью против халдеев, захвативших их города. Тиглатпаласар III в 729 г. освободил Вавилон и под именем Пулу сам занял его царский престол. Вавилон на правах личной унии вошел в состав Ассирийской империи.

Это событие оказалось роковым для обоих государств. У ассирийцев Вавилония, в отличие от прочих завоеванных стран, не считалась чужеземной. Вавилоняне и ассирийцы были народами-братьями, неразрывно связанными общностью происхождения, исторических судеб, религии, культуры и обычаев. Они говорили на близких друг другу диалектах одного аккадского языка, писали одной и той же клинописью. Для ассирийцев Вавилон был священным городом и пользовался у них очень высоким престижем. Вавилонская аристократия стала опорой и союзницей более слабой ассирийской аристократии в ее борьбе за сохранение своих привилегий против деспотических устремлений ассирийских царей. Эти привилегии заключались в освобождении от государственных повинностей, в том числе от военной службы и налогов, и в праве самоуправления; ими пользовались старые города Вавилонии и Ассирии.

В Ассирии возникли две соперничавшие партии. Это были стихийно сложившиеся группировки, весьма неопределен-

ные и текущие по своему составу, объединявшиеся общностью интересов. В науке эти партии получили условное название ассирийской и вавилонской. Ассирийская партия объединяла демократические слои общества. Ее опорой служила армия. Она стояла за завоевательную политику и поддерживала царскую власть в ее стремлении к деспотической диктатуре. Вавилонская партия представляла собой политическую группировку ассирийской аристократии, опиравшейся на Вавилон. Она ничего не имела против политики завоеваний и грабежа покоренных народов, но не желала для этой цели поступаться своими привилегиями. По этой же причине она боролась против установления царской деспотической диктатуры.

Открытое столкновение между обеими партиями началось при ассирийском царе Салманасаре V (727–722 гг.), сыне Тиглатпаласара III. Салманасар V, носивший в качестве вавилонского царя имя Улулай, посягнул на привилегии аристократии и за это поплатился жизнью: он был убит заговорщиками. Ассирийский престол занял Саргон II (722–705 гг.). Вавилон тотчас же отделился от Ассирии, вступив в союз с халдеями и Эламом. На вавилонский престол вступил Мардук-апла-иддин II (722–710 и 703–702 гг.), халдейский князь Бит-Якина. Саргон II только в 710 г. изгнал его из Вавилона, сумев привлечь на свою сторону симпатии аристократии восстановлением и расширением ее привилегий.

Ассирийский царь Синаххериб (705–680 гг.), сын Саргона II, сделал новую попытку установить военно-деспотическую диктатуру, и борьба между ассирийской и вавилонской партиями при нем достигла наивысшего напряжения. Главным противником ассирийского царя опять стал Вавилон. В 703 г. он снова восстал и призвал Мардук-апла-иддина II на свой престол. В течение четырнадцати лет Синаххериб с переменным успехом вел тяжелую войну с Вавилоном и поддерживавшими его халдеями и Эламом. Наконец в декабре 689 г. ассирийские войска штурмом взяли мятежный город.

Ослепленный гневом Синаххериб отдал приказ об уничтожении Вавилона и вавилонян. Город был сожжен и разрушен. Русло Евфрата завалили обломками строений, и воды реки хлынули по городским руинам. Место, на котором сто-

ял Вавилон, было проклято на семьдесят лет. Множество вавилонян, в первую очередь аристократов, перебили, часть разбежалась по соседним странам, остальных угнали в плен и продали в рабство. Истукан Бэла-Мардука, главного бога Вавилона, увезли в качестве трофея в город Ашшур, древнюю метрополию Ассирии. Вавилон перестал существовать.

Эта-то весть и поразила громом весь ближневосточный мир, над которым был занесен ассирийский молот и который с надеждой следил за борьбой Вавилона с Синаххерибом. После гибели Вавилона мрак ассирийского господства стал еще более непроглядным и нетерпимым. Синаххериб, казалось, достиг своей цели. У ног ассирийского царя лежали растоптанные его полчищами страны и народы. Никто не смел перечить царской воле. Но внезапно он обнаружил, что находится в пустоте, в атмосфере яростной ненависти, и понял, что ему не на кого опереться, что его диктатура никому не нужна и ни у кого не встречает поддержки.

Сравнительная малочисленность ассирийского народа вынудила прибегнуть к вербовке в армию иноземцев. Солдаты, насильно набранные из жителей провинций, рабов и пленных, еще вчера сражавшихся против Ассирии, стремились только к одному — грабежу и наживе. Только с этой точки зрения могли интересоваться такую ассирийскую армию судьбы Ассирии, ее политические и социальные проблемы. В итоге армия превратилась в разношерстный сброд, постепенно потерявший всякую связь с ассирийским народом.

Владычество ассирийцев не принесло населению провинций тех выгод, которые могли бы примирить его с потерей независимости. Семь столетий спустя римский император Тиберий писал наместникам, настаивавшим на увеличении налогов, что хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры⁷. Так вот, ассирийцы не были хорошими пастухами: они не стригли покоренные народы, а буквально сдирали с них шкуру. Вот как, например, выглядит в описании самого Синаххериба проведенное им в 701 г. «умиротворение» палестинского города Экрона.

В Экроне народ сверг проассирийскую камарилью во главе с царем Пади и выдал последнего в цепях иудейскому царю Хизкии, возглавившему антиассирийское восстание в Пале-

стине. В битве при Альтаку Синаххериб разгромил повстанцев и пришедшие им на помощь нубийско-египетские войска. Вслед за тем ассирийцы без боя вступили в Экрон. Далее Синаххериб рассказывает: «Я прибыл в Экрон и перебил наместников и правителей, свершивших грех, а их трупы повесил на столбах вокруг города. Граждан города, содеявших преступление и грех, я включил в добычу, а их остаток, не несший на себе греха и преступления, не имевший вины, приказал помиловать. Их царя Пади я вызволил из Иерусалима, посадил на трон владычества над ними и наложил на него дань моего владычества». На этом ассирийские «благодееяния» для Экрона не кончились. Синаххериб пожаловал верным экронцам часть разграбленной дотла его ордами иудейской территории, население которой было поголовно угнано в плен, и за это наложил на Экрон дополнительную дань⁸.

Таким образом, за свою верность Ассирии экронцы не только были ограблены, лишены значительной части эксплуатировавшегося ими населения, но еще и обложены гораздо большей, чем до «умиротворения», данью. Едва ли они были в восторге от такого ассирийского «мира». Но другого Синаххериб и не мог им дать. Располагая морально разложившейся армией, которую надо было содержать и которая жила за счет войны, нечего было и думать всерьез о проведении политики, способной заинтересовать имущие верхи покоренных стран.

Синаххериб понимал, что армии мало дела до его политических устремлений и что рассчитывать на нее как на опору нельзя. Ждать поддержки от провинций, особенно после свирепой расправы над Вавилоном, было бесполезно. Что же касается ассирийской аристократии, то она всегда относилась враждебно к деспотической политике Синаххериба и в гибели Вавилона лишь усмотрела подтверждение своих наихудших опасений. Синаххериб уничтожил Вавилон, но гибель Вавилона сломила его самого. В последние годы своей жизни он резко меняет политику и ищет выход из создавшегося положения.

Напряженная внутренняя обстановка в Ассирии нашла свое выражение в борьбе за престолонаследие в самой цар-

ской семье. После долгих колебаний Синаххериб был вынужден пойти на уступки вавилонской партии. В 682 или 681 г. он назначил наследником престола Асархаддона, одного из своих младших сыновей. Немалую роль при этом сыграла царица Закуту, любимая жена Синаххериба, мать Асархаддона⁹.

Назначение Асархаддона наследником престола сопровождалось очень важной принципиальной уступкой Синаххериба вавилонской партии. Асархаддон в своей надписи излагает это событие так: «Хотя я был моложе моих старших братьев, по велению богов Ашшура, Сина, Шамаша, Бэла и Набу, богини Иштар Арбельской, отец, мой родитель, в собрании моих братьев воистину возвысил мою голову, сказав: “Вот мой наследник!” Он спросил осмотром жертвы богов Шамаша и Адада, и те ответили ему твердым “да”, сказав: “Он — твой преемник!” Он почтил их веское изречение и собрал вместе народ страны Ашшур от мала до велика, моих братьев, семя дома моего отца и велел им принести перед Ашшуром, Сипом, Шамашем, Набу, Мардуком, богами страны Ашшур, богами, обитающими на небесах и земле, торжественную клятву охранять мое престолонаследие»¹⁰.

Синаххериб, таким образом, нарушил принцип наследственности царской власти. Более того, его решение было санкционировано народным собранием. Это означало полный отказ Синаххериба от попытки установления неограниченной царской власти. Такой ценой он хотел купить поддержку вавилонской партии. Однако шаг этот оказался для него роковым. Старшие сыновья Синаххериба Адармелик (Адрамелех) и Шарру-уцур (Шарецер) возмутились тем, что их лишили права на престол. Они пытались вынудить отца изменить свое решение. Синаххериб, хотя и не без колебаний, не сделал этого. Тогда 10 января 680 г. Адармелик и Шарру-уцур, воспользовавшись отсутствием Асархаддона, убили Синаххериба во время посещения им храма бога Нинурты в городе Кальху¹¹.

Убийство царя вызвало в Ассирии растерянность и переполох. Однако сыновья-убийцы не сумели захватить власть. В Ниневии, столице Ассирии, их никто не поддержал. А Асархаддон, не теряя времени, немедленно двинул-

ся в поход с имевшимися в его распоряжении войсками. Его братья бежали из Ниневии. Они пытались привлечь на свою сторону войска, стоявшие на северо-западной границе империи, но те при приближении Асархаддона без сопротивления перешли на его сторону. Братья спаслись бегством в страну Урарту.

В конце февраля 680 г. Асархаддон вернулся в Ниневию и занял царский трон. Его успеху сильно содействовала ассирийская аристократия. Она всеми доступными ей средствами вела агитацию среди населения в его пользу. Еще при жизни Синаххериба вавилонская партия связывала с Асархаддоном надежды на восстановление Вавилона. В этой связи весьма любопытен следующий эпизод. Будучи еще царевичем, Асархаддон и его мать Закуту обратились к прорицателю Бэл-ушезибу. Тот предсказал, что Асархаддон будет царствовать в Вавилоне и построит главный вавилонский храм Эсагилу. Но вместе с тем он имел неосторожность посулить благополучный конец жизни Синаххерибу. Когда Синаххериб был убит, Асархаддон выгнал Бэл-ушезиба, как лгуна и невежду¹².

Став царем, Асархаддон действительно тотчас же приступил к восстановлению Вавилона. Столь крутой поворот в политике необходимо было оправдать в глазах ассирийского общественного мнения, причем так, чтобы не очернить память Синаххериба и не восстановить против себя ассирийскую партию. Задача была не из легких. Ведь со дня гибели Вавилона прошло всего девять лет. Но Асархаддон и его советники умело вышли из затруднительного положения.

В ход была пущена новая официальная версия о причинах гибели Вавилона. Виновниками ее объявлялись сами вавилоняне, среди которых царили лживость, притеснение слабых сильными, взяточничество, воровство, непочтительность сыновей к отцам, неповиновение рабов господам и прочие смертные грехи. За помощь против Ассирии вавилоняне осмелились отдать эламитами сокровища храма Эсагилы. Тогда разгневанный Мардук, главный бог Вавилона, обрушил на грешный город реку Арахту и расправился с вавилонянами: ни слова об участии в разрушении Вавилона Синаххериба и ассирийских войск, словно их при этом и не

было! Но вот воцарился Асархаддон. Боги во главе с Мардуком сменили гнев на милость и целым рядом предзнаменований дали понять, что желают восстановления Вавилона и его храма Эсагилы. Вавилон был прощен, а не реабилитирован. Видимо, царю пришлось привлечь все божественные силы, подкрепив их мощью своих земных сторонников, чтобы повлиять на общественное мнение и сломить сопротивление ассирийской партии восстановлению проклятого Вавилона¹³.

Но оставалось еще одно немаловажное препятствие: место, на котором стоял Вавилон, было предано страшному проклятию на семьдесят лет! И тут прибегли к весьма хитроумному трюку.

Цифра 70 в клинописи выглядит так, что если знаки поменять местами, то получится — цифра 11. Вот эту-то цифровую комбинацию и приписали богу Мардуку, объявив, что он-де смилостивился над Вавилоном и таким способом сократил срок тяготевшего над ним проклятия до 11 лет. По этому случаю официальное восстановление Вавилона было провозглашено Асархаддоном в 678 г., хотя строительные работы начались еще в 680 г.¹⁴

На восстановление Вавилона направили самых лучших царских мастеров. В качестве рабочей силы согнали жителей Вавилонии и пленных со всех концов империи. Они отвели воды Евфрата в прежнее русло, вырубали деревья, кусты и тростник, выросшие на месте города. Асархаддон лично принял участие в закладке Вавилона и храма Эсагилы, строительство которого, наряду с городскими стенами, началось в первую очередь. Вавилон восстанавливался по древнему плану. Асархаддон не жалел для него ни кедровых бревен, ни золота, ни серебра, ни бронзы. Лучшие ваятели и ювелиры изготавливали истуканы и утварь для Эсагилы. Восстановительные работы продолжались свыше двадцати лет.

Но речь шла не просто о восстановлении города. Асархаддон восстанавливал не ассирийский, а вавилонский Вавилон, то есть восстанавливал вавилонское гражданство. Он собрал уцелевших от резни и освободил проданных в рабство вавилонян, вернул их бывшее имущество, разрешил им селиться в Вавилоне, строить дома, рыть каналы, сажать деревья.

Вавилоняне получили от Асархаддона грамоту о прощении и о восстановлении всех их прежних прав и привилегий¹⁵.

Возрождение вавилонского гражданства сопровождалось восстановлением его земельной собственности. А эта задача была одной из самых сложных. В 689 г. земли вавилонян конфисковали и передали соседям — халдеям княжества Бит-Даккури. В 678 г., когда состоялось официальное восстановление Вавилона, Асархаддон вернул вавилонянам их прежние земли. В ответ халдеи княжества Бит-Даккури подняли восстание, которое было беспощадно подавлено. Даккурийский князь Шамаш-ибни, взятый в плен, кончил жизнь на плахе¹⁶.

Но отнять вавилонские земли у халдеев было только частью проблемы, и притом самой простой. Гораздо труднее обстояло дело с разделом земель между вавилонянами. В 689 г. множество вавилонян, преимущественно землевладельцев, было казнено, так что их бывшие земли стали выморочными. Среди уцелевших и вернувшихся очень многие не имели документов, подтверждавших их право на прежние земли. В связи с этим о полной реставрации земельных отношений, существовавших до 689 г., не могло быть и речи. Асархаддон и его чиновники охотно возвращали имения тем собственникам, которые могли доказать свои права. Таким способом был восстановлен ряд латифундий, принадлежавших уцелевшим аристократам. Остальные же земли пришлось заново поделить на наделы. При этом часть земли осталась в руках халдеев, поскольку численность вавилонян сильно сократилась. Эти халдеи получили права гражданства и были включены в состав вавилонян. Земельный вопрос обсуждался и решался в 678 г. народным собранием вавилонян. Однако окончательное урегулирование его затянулось на много лет и сопровождалось бесконечными тяжбами.

В качестве примера может служить история восстановления латифундии Адад-ибни. Отец последнего, Мушезиб-Мардук, владел имениями Бит-Хара'ху и Бит-Нуреа. В 689 г. они достались халдеям-даккурийцам. Но Мушезиб-Мардук уцелел и в 678 г. заявил свои права на имения, хотя не мог представить соответствующие документы. Асархаддон обе-

щал лично расследовать его претензии и удовлетворить их, если они будут обоснованными.

Расследование затянулось на целых девятнадцать лет. За это время умерли и Мушезиб-Мардук, и царь Асархаддон. И только в 659 г. Адад-ибни, сын Мушезиб-Мардука, получил наконец отцовские имения от царя Шамаш-шум-укина. Дело при этом было решено следующим образом. Спорные имения находились на землях княжества Бит-Дакури. Поскольку Адад-ибни, как и его отец, никакими документами на них не располагал, царь Шамаш-шум-укин потребовал от халдеев доказательств на право владения землей. Халдеи не смогли их представить, и даккурский князь Набу-ушаллим вынужден был признать, что спорные имения до 689 г. принадлежали вавилонянам. После этого их передали Адад-ибни¹⁷.

Эта история показывает, как внимательно относились к претензиям вавилонских аристократов Асархаддон и его сын Шамаш-шум-укин. И все же полностью реставрировать старый аристократический Вавилон они не смогли. В 689 г. он погиб навсегда. Восстановленный в 678 г. Вавилон был Новым Вавилоном, потому что рождалось новое вавилонское общество. В Вавилонии начинался аграрный переворот. Возрождались мелкое землевладение и вавилонское гражданство, пришедшие в полный упадок перед 689 г.¹⁸

А теперь прервем на время рассказ о рождении Нового Вавилона и зададим себе вопрос: зачем Асархаддону и поддерживавшей его ассирийской аристократии понадобилось восстанавливать Вавилон и вавилонское гражданство, враждебное Ассирии? Ведь конечным результатом этой политики явилась гибель Ассирии при самом активном участии возрожденного Вавилона. Неужели Асархаддон и его окружение были настолько недалекими, что собственными руками создали могильщиков своей родины?

Ответ на эти вопросы дает анализ состояния ассирийского общества в VII в. до н.э. Выше уже говорилось о реформах Тиглатпаласара III и об их непосредственных результатах. Ассирийский народ погиб. Он растворился в массе арамейскоязычного населения империи, которое не было заинтересовано в сохранении Ассирийской державы. Это население,

хотя и звалось ассирийским, ненавидело Ассирию, но не имело сил и возможности сопротивляться ее гнету. От народа страны Ашшур осталась кучка аристократов из старых ассирийских городов Ашшура, Ниневии, Кальху, Арбелы, Харрана, а вокруг нее — море раскаленной добела ненависти. Эта кучка, жившая за счет пота и крови населения империи, не имела никакой другой опоры, кроме ассирийской армии, которая по своему составу все более и более переставала быть ассирийской. Вот во что превратилась Ассирия в VII в. до н.э.

Наиболее проникательные представители ассирийской правящей верхушки понимали, что так долго продолжаться не может. И вот их взоры обратились на вавилонян. В этом братском народе они видели единственное спасение. Ассирия сможет избежать катастрофы только в том случае, если она объединится с Вавилонией. Дуальная ассиро-вавилонская держава — вот к чему пришла правящая верхушка Ассирии в поисках спасения от надвигавшегося краха. Этим и объясняется восстановление Вавилона Асархаддоном.

Однако такая политика в самой Ассирии имела противника в лице ассирийской партии, то есть военщины, — наиболее кровожадной и близорукой части правящей элиты. Военщина стремилась играть первую роль в государстве и потому весьма настороженно относилась к идее ассиро-вавилонского дуализма, справедливо усматривая в вавилонском гражданстве своего основного соперника. Вавилонский вопрос продолжал оставаться главным содержанием внутривнутриполитической борьбы в Ассирии. И Асархаддон не посмел сделать решительный шаг в восстановлении вавилонского Вавилона. Он не вернул Вавилону автономии. Истукан бога Бэла-Мардука, символ государственного существования Вавилона, все еще оставался в ассирийском плену, в городе Ашшуре, куда его увез в качестве трофея Синаххериб. Вавилон не имел своего царя и продолжал оставаться ассирийской провинцией, хотя и привилегированной. И пока такое положение сохранялось, ни о каком ассиро-вавилонском дуализме не могло быть и речи.

Здесь уместно пояснить некоторые особенности политического строя Вавилона, оформившиеся постепенно в XII—VIII вв. до н.э. Вавилон не только не был восточной

деспотией, но даже не был в полном смысле слова и монархией. Скорее он был аристократической республикой, с ежегодно переизбираемым царем-магистратом. Перевыборы царя происходили во время праздника Нового года в нисану, первом месяце вавилонского лунного календаря, который совпадал с мартом — апрелем нашего солнечного календаря. В Новый год из Барсиппы в Вавилон в священной барке по каналу Нар-Барсиппа доставляли истукан бога Набу, главного бога Барсиппы. У вавилонских городских ворот бога Ураша истукана выгружали на сушу и в торжественной процессии через эти ворота по улице бога Набу переносили в храм Эсагилу, жилище бога Бэла, сыном которого считался бог Набу. Царь являлся в Эсагилу, слагал с себя царские инсигнии и, выполнив ряд церемоний, «брал руку бога Бэла» в присутствии бога Набу. После этого он считался избранным снова и получал назад знаки царского достоинства.

Этот ритуал повторялся ежегодно, но обязательно при наличии истукана бога Бэла, истукана бога Набу и при участии царя. Без этих трех персонажей праздник Нового года не мог состояться. После смерти царя его преемник занимал престол до ближайшего Нового года, когда производилась описанная выше церемония. Царь одновременно был и эпонимом: счет лет вавилоняне вели по годам его царствования, причем «1-й год такого-то, царя Вавилона» начинался только после следующего за его воцарением Нового года. Предшествующий год, год смерти (или окончания царствования) предыдущего царя и вступления на престол нового царя назывался соответственно «таким-то годом такого-то, царя Вавилона» и «годом начала царствования такого-то, царя Вавилона». Этот порядок соблюдался в Вавилоне неукоснительно. Поэтому до тех пор, пока истукана бога Бэла не было в Эсагиле, в Вавилоне не праздновался Новый год и не могло быть царя — Вавилона как государства вообще не существовало.

Допустив восстановление Вавилона, ассирийская партия не собиралась, однако, допускать восстановления вавилонской государственности. А Асархаддон и его окружение стремились именно к этому. В своих официальных надписях Асархаддон постоянно именует себя «шакканакку (реген-

том. — В. Б.) Вавилона, царем Шумера и Аккада», но никогда «царем Вавилона», потому что он им не был. Однако Асархаддон исподволь готовил возвращение бога Бэла в Эсагилу и свое воцарение на вавилонском престоле.

При нем даже была заготовлена надпись с подробным описанием как свершившегося факта торжественной перевозки бога Бэла из Ашшура в Вавилон. При постройке храмов в Вавилоне и других городах употреблялся кирпич с клеймом, в котором Асархаддону наряду с прочими титулами приписывался сан «царя Вавилона». Таким образом, этот царь собирался посредством личной унии объединить Ассирию и Вавилон в одно целое.

Планам Асархаддона, однако, не суждено было сбыться. Их осуществлению помешала ассирийская партия. Поводом для открытой схватки и на этот раз послужил вопрос о наследнике престола. Ассирийская партия решительно противилась кандидатуре Шамаш-шум-укина, старшего сына Асархаддона. Ее кандидатом был Ашшурбанипал, второй сын царя. Асархаддон готовил его к жреческой карьере. Образованием и воспитанием Ашшурбанипала занимался видный ученый и астролог Набу-аххе-риб. Добиваясь назначения Ашшурбанипала наследником престола, ассирийская партия умело использовала оружие своих противников, а именно: прецедент с назначением Асархаддона наследником престола и влияние царицы-матери Закуту, любимым внуком которой был Ашшурбанипал.

Воспользовавшись провалом похода на Египет, предпринятого в 673 г. Асархаддоном, ассирийская партия заставила царя в мае 672 г. объявить наследником престола Ашшурбанипала. Народное собрание санкционировало этот акт. Вслед за тем началось приведение населения к присяге Ашшурбанипалу. В Ассирии оно прошло спокойно, но в Вавилонии встретило сопротивление.

Асархаддон направил в Вавилонию высокопоставленных сановников, повелев им созвать народное собрание страны Аккад. Только таким путем удалось заставить вавилонян присягнуть Ашшурбанипалу¹⁹. Больше всех негодовала вавилонская аристократия, которая к этому времени, пользуясь покровительством Асархаддона, значительно окреп-

ла. В назначении Ашшурбанипала она видела угрозу плану ассиро-вавилонского дуализма, сулившим ей руководящую роль в империи. Дело дошло до открытых эксцессов. В день принесения присяги Ашшурбанипалу группа вавилонских магнатов в Лаббанате, пригороде Вавилона, пыталась поднять мятеж и провозгласить царем Бэл-эрибу, потомка III Касситской династии, царствовавшей в Вавилонии в XVI—XII вв. до н.э. Однако эта попытка была быстро ликвидирована и не имела последствий²⁰.

В качестве наследника престола Ашшурбанипал занял очень высокое положение, став своего рода соправителем отца. Это вызывало раздражение не только вавилонской партии, но и ряда членов царской семьи. Царевна Шеруа-этерат, старшая дочь царя Асархаддона, никак не могла примириться с тем, что теперь на роль «первой леди» претендовала Ашшур-шаррат, жена царевича Ашшурбанипала. Между ними разгорелась такая страстная перепалка, что потребовалось вмешательство всего царского двора²¹. Но дамская склока смогла разрастись до подобных размеров только потому, что за нею стояла непрекращающаяся борьба ассирийской и вавилонской партий.

В 671 г. Асархаддон наконец завоевал Египет. Этот крупный военный успех и огромная добыча подняли его пошатнувшийся было престиж и заставили присмиреть ассирийскую партию. В мае 670 г. Асархаддон назначил Шамаш-шум-укина наследником вавилонского престола, равным по рангу с Ашшурбанипалом, наследником ассирийского престола.

Трудно сказать, чем был вызван этот шаг Асархаддона. Возможно, он хотел дать удовлетворение своему любимцу Шамаш-шум-укину и вавилонянам. Придворные льстецы расхваливали поступок царя как верх политической мудрости, но более дальновидные люди думали иначе. Адад-шум-уцур, жрец, астролог и врач, очень близко стоявший к царю, не побоялся написать Асархаддону: «Ты облек одного своего сына царскими одеждами и передал ему царскую власть страны Ашшур. Своего старшего сына ты назначил на царствование в Вавилоне... То, что царь, мой господин, сделал с юными царями, нехорошо для страны Ашшур»²².

Алад-шум-уцур сказал горькую правду: своими действиями Асархаддон отбросил идею дуализма и подменил ее идеей равноправного союза между Ассирией и Вавилоном, не имевшей никаких шансов на успех, он уничтожил единственную надежду на спасение Ассирии. Вот что значили слова Алад-шум-уцура. Асархаддон в припадке гнева наложил на него опалу и сослал в вавилонский город Агаде. Но от этого престиж астролога только возрос. Когда при дворе поползли слухи, что он якобы узрел на небе неблагоприятные для Шамаш-шум-укина предзнаменования, не на шутку встревоженный Асархаддон отправил к нему специального гонца. Опальный звездочет успокоил царя, заявив под присягой, что никаких знаков на небе он не видел и что тревожный слух исходит не от него²³.

Ассирийская партия исключительно враждебно восприняла назначение Шамаш-шум-укина наследником вавилонского престола. В городе Харране местный градоначальник Саси организовал заговор, ставивший целью низложение Асархаддона и всего его дома. Саси намеревался сам занять царский трон. Заговор был раскрыт, мятежные магнаты казнены²⁴.

В 669 г. восстал недавно покоренный Египет. Асархаддон отправился в поход, но в пути заболел и 1 ноября 669 г. скончался. Ашшурбанипал, вступив на престол, тотчас же столкнулся с трудностями. Ему предстояло выполнить завещание отца — восстановить Вавилонское царство и возвести на его престол Шамаш-шум-укина²⁵. Но против этого выступала ассирийская партия, поддержке которой Ашшурбанипал был обязан престолом. Ашшурбанипал находился в нерешительности. Зато непоколебимой была его бабка царица Закуту. Она решительно взялась за приведение населения к присяге молодому царю. Присяга обязывала ассирийцев всеми силами бороться с врагами Ашшурбанипала, шпионить за ними и доносить о них²⁶.

Особое внимание было обращено на приведение к присяге Шамаш-шум-укина, которому предлагали стать не царем Вавилона, а подданным ассирийского царя. В Вавилонии прокатилась волна открытого возмущения, но ассирийцы действовали энергично и беспощадно. Вавилонян силой

заставили присягнуть царю Ассирии²⁷. И все же Ашшурбанипалу пришлось отступить перед оппозицией.

Всю зиму и весну 668 г. Ашшурбанипал колебался. Он запрашивал оракула бога Шамаша, «должен ли Шамаш-шум-укин взять руку великого господина бога Мардука в городе», следует ли вернуть бога Мардука из Ашшура в Вавилон. В обоих случаях оракул дал утвердительный ответ²⁸. Тогда в аяйру (мае — июне) 668 г. Ашшурбанипал решился наконец выполнить отцовскую волю.

Возвращение истукана бога Бэла было осуществлено в строгом соответствии с церемониалом, тщательно разработанным еще при Асархаддоне. Из Ашшура процессия на судах двинулась вниз по Тигру, а затем по каналу Нар-шарри («Царская река») и Евфрату добралась до Вавилона. По всему пути следования приносили в жертву агнцев и быков, курили фимиам. Процессию сопровождали отборные ассирийские отряды. День и ночь играла музыка. Жители близлежащих городов и селений выходили навстречу процессии с истуканами своих божеств, чтобы приветствовать бога Бэла. Для этой же цели в Вавилон были специально доставлены истуканы богов Нергала из Куты, Набу из Барсиппы и Шамаша из Сиппара. Бог Бэл торжественно вступил в Эсагилу.

Вместе с богом Бэлом в Вавилон прибыл Шамаш-шум-укин, сопровождавший процессию. 13 мая (или 12 июня) 668 г. была проведена церемония царских выборов, и Шамаш-шум-укин стал царем Вавилона. Вавилон снова обрел государственность²⁹.

Непрерывная цепь празднеств, церемоний и жертвоприношений не смогла обмануть вавилонян относительно существа дела. Они не преминули отметить, что Ашшурбанипал на полгода затянул возвращение бога Бэла и воцарение Шамаш-шум-укина на вавилонском престоле и при этом допустил грубейшее нарушение традиции. Вопреки этой традиции праздник Нового года и выборы царя в Вавилоне были проведены не в первом (нисану), а во втором (аяйру) месяце года, потому что Ашшурбанипал хотел сам провести коронацию Шамаш-шум-укина и, пропустив нисану-месяц, не мог оттянуть ее до следующего Нового года. Вавилоняне смолчали, но поступили по-своему: назвав 668/67 г. «годом

начала царствования Шамаш-шум-укина, царя Вавилона», они явочным порядком не признали его коронацию законной — только с нисану следующего 667/66 г. начался «1-й год Шамаш-шум-укина, царя Вавилона».

Тем не менее Ашшурбанипалу пришлось весьма дорого заплатить даже за это молчание. Он сообщает в своих анналах: «Я назначил Шамаш-шум-укина на царствование в Вавилоне, изготовил и дал ему все положенное для украшения царского сана, собрал и вручил ему солдат, коней, колесницы, умножил города, поля, сады, людей, обитавших в них, и более, чем повелел отец, мой родитель, дал ему»³⁰.

Иначе говоря, за право считаться верховным повелителем Вавилона Ашшурбанипал дал Шамаш-шум-укину войско, а также города Ниппур и Урук с их округами, то есть всю Среднюю Вавилонию, что не было предусмотрено завещанием Асархаддона.

Вавилоняне, со своей стороны, умело использовали обстановку. Они добились того, что их привилегии были утверждены Ашшурбанипалом, а не Шамаш-шум-укином. Кроме того, по их просьбе Ашшурбанипал и Шамаш-шум-укин узаконили браки между вавилонянами и иноземными женщинами — эламитянками, табалитянками и ахламитянками. Вавилоняне женились на этих женщинах во время пребывания в эмиграции с 689 по 678 г. и теперь добились того, что рожденные ими дети были признаны полноправными вавилонскими гражданами³¹.

Между Ашшурбанипалом и Шамаш-шум-укином внешне установились самые теплые отношения. Они именовали друг друга «родными братьями». Ашшурбанипал даже отказался в пользу Шамаш-шум-укина от титула «царь Шумера и Аккада», который носил Асархаддон. Но вместе с тем он не упускал случая подчеркнуть свою верховную власть над Вавилоном, чем всякий раз оскорблял и Шамаш-шум-укина и вавилонян.

Так, Ашшурбанипал регулярно приносил жертвы вавилонским богам, хотя согласно традиции это право принадлежало только царю Вавилона. Строительные работы в вавилонских храмах велись от имени Ашшурбанипала, а не Шамаш-шум-укина. В Эсагиле работами руководил асси-

рийский зодчий Ардиаххешу. Он вежливо выслушивал распоряжения Шамаш-шум-укина, но делал только то, что приказывал Ашшурбанипал³². От имени Ашшурбанипала и при непосредственном участии ассирийских солдат было завершено строительство стен Вавилона. Не жалея средств на строительные работы и щедрые дары вавилонским храмам, Ашшурбанипал не только подчеркивал свою власть над Вавилоном, но и стремился завоевать симпатии вавилонского гражданства, примирить его с ассирийским господством.

В то же время Ашшурбанипал не доверял ни вавилонянам, ни Шамаш-шум-укину. В Вавилоне сидел ассирийский наместник и стоял ассирийский гарнизон. Через голову Шамаш-шум-укина Ашшурбанипал общался со многими вавилонянами, и те тоже обращались прямо к нему, как своему царю и господину, именуюя себя его рабами, как будто Шамаш-шум-укина вообще не существовало. В числе корреспондентов Ашшурбанипала были астрологи и жрецы, врачи и астрономы, должностные и частные лица. Так, ученый Ашариду скопировал для библиотеки Ашшурбанипала табличку древнего вавилонского царя Хаммурапи; ювелир Набу-сагиб изготовил украшения для ассирийской царицы Ашшур-шаррат; архитектор Набу-шум-ишкун писал Ашшурбанипалу о ходе строительных работ; ткач Мардук-шарру-уцур просил Ашшурбанипала помочь вернуть ему дом, одежду, цветную шерсть, квасцы и соду, а некий вавилонянин Мардук-нацир умолял ассирийского царя освободить его от преследований врагов.

Но были корреспонденты и иного рода. Набу-балатсу-икби и Иддина сообщали Ашшурбанипалу о состоянии гарнизона одного из вавилонских городов и об имевших здесь место волнениях. Один шпион постоянно доносил обо всем, что происходило в Уруке, другой о том, что делал вавилонский царь³³.

Если с действиями Ашшурбанипала вавилоняне как-то мирились, потому что видели от него немало благ, то к присутствию в их стране ассирийцев, которые вели себя как завоеватели, они никак не могли привыкнуть. Убийства отдельных ассирийских чиновников и солдат в Вавилонии не прекращались. Шамаш-шум-укину и ассирийскому намест-

нику приходилось на это закрывать глаза³⁴. Вавилон не переставал ощущать ассирийское иго, и среди вавилонян нарастало возмущение.

Особенно остро чувствовал свое неравноправие и обиды Шамаш-шум-укин. Он не мог простить Ашшурбанипалу потери ассирийского трона и ущемления своих прав как царя Вавилона. Шамаш-шум-укин, прикрываясь маской лояльности, люто ненавидел младшего брата и жаждал мести. Он не прекращал сношений со своими сторонниками в Ассирии, и шпионы Ашшурбанипала не раз перехватывали его письма. Но Шамаш-шум-укин отлично знал ассирийские порядки и был крайне осторожен³⁵.

Между тем ассирийцы в нескольких войнах нанесли тяжелые поражения Эламу и халдеям. Под их ударами пало Гамбулу, одно из самых сильных халдейских княжеств в Вавилонии. Эламский царь Теумман в битве при Туллизе близ Суз в 653 г. был разгромлен и убит. Его отрубленная голова, повешенная на дереве в саду ниневийского дворца, услаждала взоры Ашшурбанипала и его жены Ашшур-шаррат, когда они отдыхали и пили вино в садовой беседке.

Шамаш-шум-укин хорошо понимал, что Вавилон может выстоять в борьбе с Ассирией только при поддержке сильных союзников, в первую очередь Элама и халдеев. Поэтому поражение Элама — единственной державы, способной один на один противостоять Ассирии, — и Гамбулу вывело его из нерешительности. В ночь на 19 июня 653 г. в Вавилоне наблюдалось лунное затмение, которое привело Шамаш-шум-укина в замешательство. Прорицатели предсказали ему несчастье. Потрясенный царь обратился к богине Анунит с молитвой, полной безысходного отчаяния:

«О, Анунит, предстательствуй за меня пред моим богом, чтобы он отвратил свои судьбы, предназначенные за грехи и позор страны. Да отомстит он и спасет мою землю, владычица вышних, мать милосердая, ибо ты царица бесчисленных звезд, тебе поручаю владыку богов, да поступит он со мной, как должно. Я — Шамаш-шум-укин, великий царь, несчастный, несмотря на то, что Мардук — мой бог и Царпанит — моя госпожа. Зловещим знамением и предзнаменованием беды, павшими на мой дворец и страну, наполняющими меня ужа-

сом, я потрясен, я напуган. Горе мне и моей стране, горе трону, горе короне, горе жрецам, горе жертвам. Дай мне одежду веселия и отними траур. Моему богу и моей богине в искупительную жертву я заколю овна из моих имений. Мать милосердая, предзнаменованиями и сновидениями подвигни владыку богов, чтобы он посетил страну врага моего и поступил с нею по приговору, от которого нельзя уклониться»³⁶.

Шамаш-шум-укин решил, что его час настал: или теперь, или никогда! Боги дали ему знать, что Ашшурбанипал занес свой меч над ним, и если Элам падет, то уже ничто в мире не помешает этому мечу опуститься. Шамаш-шум-укин отважился на восстание, чтобы спастись от своей судьбы.

В короткий срок вавилонскому царю удалось создать широкую антиассирийскую коалицию. В ее состав вошли Элам, ряд халдейских княжеств в Вавилонии (Страна Моря, Пукуду и др.), а также западно-иранские княжества (в том числе Парсумаш — Персида); на западе к коалиции присоединились арабы. Кроме того, Шамаш-шум-укин, по-видимому, вступил в сношения с Египтом и Лидией, которые как раз в это время сбросили ассирийское иго.

Нельзя сказать, что деятельность Шамаш-шум-укина оставалась для ассирийцев абсолютной тайной. Целый ряд ассирийских агентов своевременно сообщил в Ниневию о подозрительных сношениях вавилонского царя и других участников коалиции. Их донесения найдены в архиве Ашшурбанипала при раскопках Ниневии. Однако этим сигналам не придали должного значения. В итоге ассирийская разведка потерпела неслыханный провал, поставив страну на грань катастрофы. Она проглядела, как против Ассирии вооружились все ее клиенты и соседи.

Весной 652 г. Шамаш-шум-укин снарядил почетное посольство в Ниневию для воздания почестей Ашшурбанипалу. Под этим предлогом он выпроводил из Вавилона главарей проассирийской группировки. Пока вавилонские послы и Ашшурбанипал обменивались любезностями и дарами, Шамаш-шум-укин начал восстание. Ашшурбанипал никак не ожидал подобного оборота событий. У него не было под рукой достаточных сил, чтобы немедленно послать их в Вавилонию.

Не менее неожиданным восстание Шамаш-шум-укина было и для Вавилона. Широкие круги вавилонян ничего не знали о намерениях своего царя. Восстание готовилось в глубокой тайне аристократическим окружением Шамаш-шум-укина. Эти магнаты, отцы которых привели Вавилон к катастрофе в 689 г., не извлекли никаких уроков из истории и ринулись в авантюру, не задумываясь над ее последствиями. Однако основная масса вавилонских граждан вовсе не жаждала браться за оружие, хотя и не питала никаких симпатий к ассирийцам. И Шамаш-шум-укину предстояло прежде всего убедить вавилонян в необходимости войны с Ассирией.

Все лето и осень 652 г. в Вавилоне кипели страсти. На народных собраниях обсуждался один и тот же вопрос: быть или не быть войне с Ассирией. Вавилоняне колебались. Ашшурбанипал предпринимал отчаянные попытки удержать их от восстания. Один из вавилонских послов, находившихся в Ниневии, Шамаш-балатсу-икби, отправился в июне 652 г. в Вавилон со специальным посланием Ашшурбанипала. Ассирийский царь заклинал вавилонян не слушать лжебрата, как он именовал теперь Шамаш-шум-укина, не позорить свое имя мятежом и не нарушать присяги. Он напоминал им об их привилегиях, утвержденных им, Ашшурбанипалом, и об их братстве с народом Ассирии, а в заключение требовал не причинять вреда ассирийскому гарнизону, стоявшему в Вавилоне. Однако посулы и угрозы Ашшурбанипала не подействовали. У вавилонян накопилось достаточно обид на ассирийцев, и они в конце концов решили поддержать своего царя³⁷.

Вместе с Вавилоном восстание подняли Сиппар, Барсиппа и Ниппур. Но многие вавилонские города, в том числе Кута и Урук, отказались поддержать Шамаш-шум-укина и сохранили верность Ассирии.

На стороне последней остались также крупнейшие халдейские княжества Средней Вавилонии — Бит-Амуккани и Бит-Даккури. Из союзников Шамаш-шум-укина на борьбу с ассирийцами немедленно поднялись только арабы, которые напали на ассирийские владения в Сирии и Палестине и сковали находившиеся там войска Ашшурбанипала. Еги-

пет и Лидия никакой реальной помощи Шамаш-шум-укину не оказали. А что касается Элама и халдеев, то они выжидали и готовились к борьбе.

Таким образом, одновременного выступления союзников против Ассирии не произошло, и это с самого начала серьезно ослабило восстание. Тем не менее Шамаш-шум-укин действовал быстро и энергично. Не дожидаясь, пока Ашшурбанипал соберет свои силы, он вместе с прибывшими к нему на помощь арабскими отрядами овладел Кутой и очистил от ассирийских гарнизонов всю Северную Вавилонию³⁸.

В апреле 651 г. под Вавилоном появилась ассирийская армия. У стен города, в его рвах, разгорелась ожесточенная битва. Победа осталась за ассирийцами, и Шамаш-шум-укин с вавилонянами отступил в город³⁹. Но в это время в войну вступили Элам и халдеи Страны Моря. Получив от Шамаш-шум-укина в качестве платы за помощь сокровища вавилонской Эсагилы, эламский царь Умманигаш II направил свои войска в Вавилонию. Эламиты осадили Урук. Правитель Страны Моря Набу-бэл-шумате напал на Ур. Жители города, не получившие помощи от Ассирии и доведенные осадой до людоедства, сдались ему. С потерей Ура ассирийцы лишились всей Южной Вавилонии. Теперь в их руках оставался только Урук, крупный и хорошо укрепленный город, который мешал объединению сил Шамаш-шум-укина, Набу-бэл-шумате и эламитов. Вокруг него развернулась напряженная борьба. Здесь решался исход кампании 651 г. И ассирийцы выдержали испытание. В битве при Баб-Саме они снова разбили Шамаш-шум-укина и не позволили ему соединиться с эламитами. В феврале 650 г. ассирийцы взяли Ниппур, а затем в сражении при Мангиси (близ Дера) нанесли поражение армии эламского царя Умманигаша II. Еще более крупного успеха достигла ассирийская секретная служба. Она организовала в Эламе государственный переворот. Царь Умманигаш II и его родные были убиты, престол захватил Таммариту. Элам на время был парализован и выведен из войны. Инициатива перешла к ассирийцам. Они добились перелома в ходе войны.

С весны 650 г. началась мучительная агония восстания. Ассирийцы осадили Вавилон, Барсиппу, Сиппар и Куту.

Здесь их главные силы были скованы. Отлично укрепленные города храбро защищались. Основные усилия ассирийцев были направлены на то, чтобы халдеи и эламиты не помешали осаде. Отныне исход войны решался боевыми операциями в плавнях Приморья и действиями ассирийской агентуры в Эламе.

На юге борьбу с халдеями вел Бэл-ибни, один из крупнейших политических и военных деятелей Вавилонии того времени. Халдей по происхождению, Бэл-ибни находился на ассирийской службе и отличился при защите Урука. В апреле 650 г. Ашшурбанипал назначил его наместником Страны Моря, поручив ему борьбу с Набу-бэл-шумате. Бэл-ибни успешно справился с этой задачей. Набу-бэл-шумате, потерпев несколько поражений и потеряв остров Дильмун, где хранились его сокровища, вынужден был покинуть Страну Моря и уйти в приморские районы Элама. Отсюда он повел против Бэл-ибни партизанскую войну. Это была борьба на истощение, и Бэл-ибни вел ее, мало считаясь с приказами Ашшурбанипала. Он чувствовал себя в Стране Моря самостоятельным князьком, и ассирийскому владыке приходилось это терпеть. Более того, Ашшурбанипал даже пожаловал Бэл-ибни чин туртана, высшее воинское звание в Ассирии⁴⁰.

Весной 649 г. Элам, оправившись от потрясений, вызванных поражениями Умманигаша II и переворотом, снова вступил в войну. Эламский царь Таммариту вторгся в Среднюю Вавилонию, где ассирийскими войсками командовал вавилонянин Мардук-шарру-уцур. И на этот раз положение спасла ассирийская секретная служба, всемерно способствовавшая новому перевороту в Эламе. Мятеж против Таммариту поднял Индабигаш, который не принадлежал к старому царскому дому, запятнавшему себя в глазах эламитов непрерывными предательствами, военными неудачами и сговором с ассирийцами. Разбитый Индабигашем Таммариту со своими братьями, родственниками и кучкой приближенных бежал морем. Его судно запуталось в лабиринте приморских плавней. Таммариту перебрался в лодку и после долгих скитаний еле живой от голода попал в плен к Бэл-ибни. Тот отправил пленника в Ниневию, где разыгралась сцена, описанная Ашшурбанипалом в следующих словах:

«Таммариту, его братья, его семья, семя дома его отца, вместе с 85 князьями, своими сторонниками, бежали от Индабигаши. Нагишом на своих утробах они приползли и явились в Ниневию. Таммариту облобызал ноги моей царственности и подмел землю своей бородой. Он занял место у колеса моей колесницы, зачислил себя для исполнения рабской службы мне. По велению бога Ашшура и богини Иштар, он умолял мое величество свершить его суд, оказать ему помощь. Он стоял передо мной и славил доблесть моих могучих богов, которые пришли мне на помощь. Я, Ашшурбанипал, широкое сердце, не помнящий зла, прощающий грехи, оказал милость Таммариту и поместил его самого вместе с семенем дома его отца в моем дворце».

Вместе с тем Ашшурбанипал заключил мир с новым эламским царем Индабигашем. Элам вышел из войны, но в то же время Индабигаш решительно пресек попытки ущемить суверенитет своей родины и отказался выдать ассирийцам Набу-бэл-шумате, укрывшегося на эламской территории.

Шамаш-шум-укин и вавилоняне оказались в полной изоляции. На помощь им пришли только арабы. Отряд бедуинов шейха Абиятэ прорвался в Вавилон через кольцо ассирийской блокады и бок о бок с вавилонянами защищал их город до конца.

Ассирийской армией, осадившей Вавилон, Барсиппу, Сиппар и Куту, командовал вавилонянин Мардук-апла-иддин. Сперва он овладел Кутой, обеспечив свой осадный лагерь от нападений с тыла. Вавилон был сильно укреплен самими ассирийцами, строившими его стены, и теперь ассирийские солдаты беспомощно топтались перед ними целых два с половиной года. Мардук-апла-иддин лишь все ту же и ту же стягивал кольцо блокады в надежде, что голод в конце концов заставит вавилонян сдаться⁴¹.

Запасы провианта в Вавилоне начали истощаться. В деловом документе, составленном в городе в ноябре 650 г., читаем: «В эти дни в стране были голод и нужда, и даже мать не открывала двери своей дочери». Через год, в декабре 649 г., в документах делались такие пометки: «В эти дни город был осажден, и в стране были голод и нужда, народ умирал от недостатка пищи». По свидетельству Ашшурбанипала, вави-

лоняне «из-за голода ели мясо своих сыновей и дочерей, жевали кожаные ремни... умирали от чумы, нужды и голода», а арабы, «которые вступили в Вавилон, из-за нужды и голода ели мясо друг друга».

Как часто бывает в годину бедствий, в Вавилоне нашлись негодяи, которые припрятали продовольствие и спекулировали им, наживаясь на страданиях своих сограждан. У них можно было купить из-под полы за 1 сикль (8,4 грамма) серебра 3 суту (15 литра) ячменя — по цене в десять раз выше обычной. Они охотно скупали у состоятельных людей земельные участки и рабов. А бедняки, чтобы спастись от голодной смерти, продавали им в рабство своих детей и самих себя⁴².

Этих дельцов исход осады не тревожил. Сам Ашшурбанипал обещал им амнистию и призывал их к предательству. Обращаясь к ним, он писал: «А вы почему не убиваете того, кого надо убивать, не хватаете того, кого надо хватать? Те, что пришли (то есть ассирийские войска), многочисленнее вас. Но не бойтесь. Охраняйте храмы. Он (то есть Шамаш-шум-укин) полностью заперт в городе, и моя рать окружила его»⁴³.

Призывы повелителя Ассирии не оставались безответными. В Вавилоне имелось немало шпионов, которые сообщали ассирийцам важные военные сведения, а также то, что происходит в городе. Так, ассирийский офицер Адад-ибни из лагеря под Вавилоном доносил Ашшурбанипалу: «Есть вавилонский гражданин. Он пришел ко мне и сказал: «Слово в моих устах. Пусть меня отведут во дворец». Теперь я только что отослал его к царю, моему господину. Пусть царь, мой господин, спросит, что за слово у него. Я послал его к царю, моему господину, 28-го числа из города Задди»⁴⁴.

Вслед за Кутой ассирийцы взяли Сиппар. Летом 648 г. пала Барсиппа; ее граждане, замешанные в организации восстания, сами покончили с собой⁴⁵. Положение Вавилона к осени 648 г. стало безнадежным. Город уже не имел сил держаться. Ашшурбанипал несколько раз запрашивал оракула бога Шамаша, не бежит ли Шамаш-шум-укин из Вавилона. А Шамаш-шум-укина в это время терзали думы о приближающемся конце. Не желая попасть живым в плен к Ашшур-

банипалу, он поджег царский дворец и бросился в огонь. Его примеру последовали царица и близкие друзья.

Заметив в городе пожар, Мардук-апла-иддин повел ассирийцев на штурм. Озверевшие солдаты ворвались в Вавилон и стали грабить и убивать. Они не щадили даже храмы, несмотря на то что Ашшурбанипал строго запретил их трогать⁴⁶. Арабский отряд шейха Абиятэ, деливший с вавилонянами все тяготы осады, снова совершил невозможное: изнуренные бедуины прорвали ассирийское кольцо и ушли из Вавилона. После этого Абиятэ изъявил покорность Ашшурбанипалу, который, восхищенный таким мужеством, не только помиловал его, но и назначил царем арабов. Он рассчитывал использовать его на ассирийской службе, но просчитался. Абиятэ спас своих ветеранов и, вернувшись на родину, вскоре возобновил войну против Ассирии.

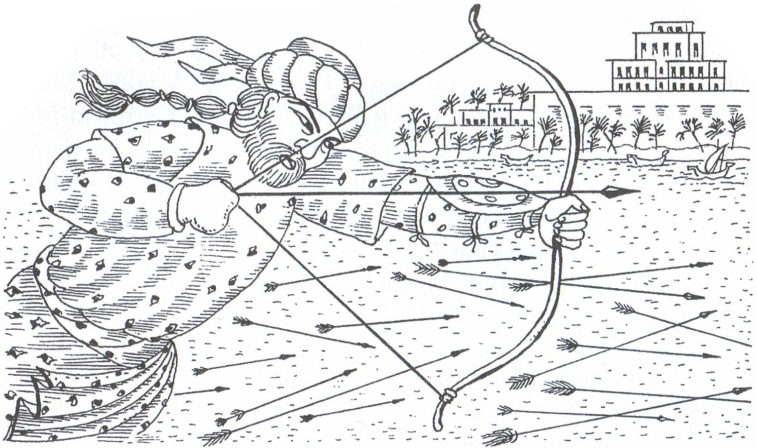
Над вавилонянами была учинена кровавая расправа. Им вырывали языки, их изрубленные тела пошли на корм собакам, свиньям, птицам и рыбам. Это побоище Ашшурбанипал объявил поминками по своему убитому деду Синаххерибу. Часть вавилонян была угнана в плен и поселена в Самарии, где они слились с детьми и внуками пленников, пригнанных сюда же из Вавилонии и Сирии еще в 721—710 гг. ассирийским царем Саргоном II. Их потомки — небольшая община самаритян — живут здесь до сих пор.

Однако Ашшурбанипал не разрушил Вавилон. Более того, далеко не все вавилоняне подверглись каре. Террор обрушился в основном только на активных сторонников Шамаш-шум-укина, то есть на уцелевшую после резни 689 г. аристократию. Ашшурбанипал справедливо считал ее виновницей восстания, и она поплатилась за это почти поголовным истреблением. Останки Шамаш-шум-укина и его супруги по приказу Ашшурбанипала были преданы погребению в специально подготовленном склепе.

Вскоре после падения Вавилона Ашшурбанипал возобновил войну с Эламом, в которой отличился туртан Бэл-ибни. Ассирийцы свергли Индабигаши и водворили на эламский престол Таммариту, привезенного из Ниневии. Но когда Таммариту снова затеял интриги, ему пришел конец. Эламиты сами выгнали его, и он опять сдался в плен Ашшурба-

нипалу. В Эламе началась анархия. Воспользовавшись ею, ассирийцы в 646 г. взяли эламскую столицу Сузы и разграбили ее дотла. В 645 г. война закончилась полным разгромом Элама и пленением царей Умманигаша III, Па'э и Умманалдаша III, враждовавших между собой и сопротивлявшихся ассирийцам. Набу-бэл-шумате, спасаясь от плена, покончил с собой. Его голову засолили и отправили в Ниневию. В 644 г. ассирийцы подавили восстание арабов.

Таков был конец восстания Шамаш-шум-укина. По случаю победы Ашшурбанипал отпраздновал единственный в своем роде триумф. В колесницу, на которой он направлялся в Эмашмаш, главный храм Ниневии, вместо лошадей были впряжены пять пленных царей: эламские Таммари-ту, Умманигаш III, Па'э, Умманалдаш III и арабский Уайтэ. Такого выезда не имел ни один царь-завоеватель ни до, ни после Ашшурбанипала. В триумфальной процессии вели Набу-ката-цабата, ближайшего сподвижника Шамаш-шум-укина, а на его шее висела засоленная голова Набу-бэл-шумате. Перед Ашшурбанипалом склонялись соседние цари и народы. Могущество Ассирии достигло апогея. Казалось, нет силы, способной противостоять железным ассирийским полкам. Однако так только казалось...

Я убил Субарума, обратил его страну в холмы и руины.

Из надписи Набопаласара, царя Вавилона

В памяти человечества Ашшурбанипал остался в облике кровожадного, окруженного баснословной роскошью и погрязшего в отвратительных пороках восточного деспота Сарданапала. Под этим именем он стал известен грекам, а от них и остальному человечеству. Однако в середине XIX в. археологи открыли руины ассирийской столицы Ниневии, и перед нами предстал иной Ашшурбанипал — смелый воин, красивый и ловкий наездник, страстный охотник, тонкий ценитель культуры и искусства, создатель богатейшей на Древнем Востоке Ниневийской библиотеки. Наконец, при исследовании вавилонских письменных памятников, составленных столетие спустя после Ашшурбанипала, обнаружилось, что в Вавилоне его память была окружена особым пиететом. Между тем именно вавилоняне считались в первую очередь жертвами его свирепости. Все три оценки, казалось бы, не вяжутся друг с дру-

гом, но каждая из них по-своему верна. В них отразились не только многогранные черты личности Ашшурбанипала, но и облик его родины Ассирии в последние десятилетия ее существования.

В Ниневии скопились огромные сокровища, награбленные в Вавилонии, Сирии, Финикии, Палестине, Урарту, Египте, Эламе и других странах Ближнего Востока, растоптанных ассирийскими полчищами. Этот колоссальный город вырос на страданиях поработанных народов. «Город кровей» Ниневия действительно славился развратом, поражавшим даже древний мир, который нелегко было удивить такими вещами. И в то же время столица Ассирии стала средоточием культурных ценностей дряхлеющей цивилизации Древнего Востока, благами которых пользовались ассирийские владыки мира.

Ашшурбанипал, повелитель самой могущественной империи своего времени, был весьма разносторонним человеком. Он выходил один на один против львов, делил свой досуг между оргиями и библиотекой, любовался барельефами ниневийских дворцов, принадлежавшими резцу лучших скульпторов мира. Его столицу Ниневию называли логовом львов. У ее восточных ворот «Вход толп народов» в клетках на собачьей цепи сидели цари, плененные Ашшурбанипалом, и толкли в ступах вырытые из могил кости своих предков. Башни и стены Ниневии покрывала кожа, содранная с врагов Ашшурбанипала. На рынках ассирийских городов пленные арабы и их верблюды служили разменной монетой: ими платили за кувшин вина, кирпичи и работу садовника.

Кошмар ассирийского ига давил мир. Но в то же время Ашшурбанипал не мог забыть, что в 674–672 гг. Мидия, а в 654–653 гг. Египет и Лидия завоевали независимость и у него не было сил вновь покорить их. Он помнил о киммерийцах и скифах, явившихся из таинственных степей Причерноморья и вот уже более полувека тревоживших северные рубежи империи.

Но больше всего Ашшурбанипала беспокоило внутреннее состояние Ассирии. Он хорошо знал, что империя держится только на силе армии, но эта армия по своему составу уже не была ассирийской. Ашшурбанипалу самому пришлось после победы над Эламом пополнять поредевшие ряды своих сол-

дат пленными эламитами. Долго ли продержится Ассирия, располагая такой опорой? Проницательные люди Ассирии, и прежде всего сам Ашшурбанипал, видели, что надвигается катастрофа. Они сознавали, что Ассирию ненавидит весь мир. Как разорвать все ту же стягивающееся кольцо ненависти?

Единственное спасение Ашшурбанипал видел в Вавилоне. Он не сумел удержать вавилонян от восстания, но, победив их, не уничтожил Вавилон и еще раз попытался осуществить идею ассиро-вавилонского дуализма. От этого зависело существование Ассирии.

Вскоре после взятия Вавилона Ашшурбанипал обратился с воззванием к его гражданам, именуя их «привилегированными мужами» и приписывая все свои успехи богу Мардуку и богине Царпанит, ради которых он помиловал вавилонян. В Вавилоне, Барсиппе, Куте, Сиппаре спешно очищали улицы от трупов, приводили в порядок храмы. Шла подготовка к встрече Нового года и к приезду Ашшурбанипала⁴⁷. В 647 г., в праздник Нового года, сам Ашшурбанипал «взял руку бога Бэла» и стал царем Вавилона под именем Кандалану. Вавилонское царство сохранило свою автономию в личной унии с Ассирией. Правда, его территория теперь стала меньше, чем при Шамаш-шум-укине: Урук остался под властью Вавилона, а Ниппур отошел к Ассирийской империи и сделался оплотом ее господства над Вавилонией.

Ашшурбанипал провел ряд очень важных реформ, оказавших громадное влияние на судьбы Вавилонии. В своих анналах после описания расправы над сторонниками Шамаш-шум-укина он говорит: «Остальным гражданам Вавилона, Куты и Сиппара, которые избежали заразы, резни и голода, я оказал милость: я повелел жить их душе, поселил их в Вавилоне»⁴⁸. Речь идет здесь не о переселении в Вавилон уцелевших жителей Куты и Сиппара — они остались жить в своих городах, — а о распространении на них прав вавилонского гражданства. Отныне Кута и Сиппар вошли в состав вавилонского города-государства, охватившего, таким образом, всю территорию Северной Вавилонии, страну Аккад.

Не меньшее внимание Ашшурбанипал уделил халдейскому Югу. По его собственному выражению, он «растоптал Халдею и надел на нее ярмо бога Ашшура». После 648 г. все

халдейские княжества в Вавилонии были ликвидированы. На Юге было введено ассирийское провинциальное управление, во главе которого стоял туртан Бэл-ибни. Этноним «халдей» в самой Вавилонии вышел из употребления. Этнический барьер между халдеями и вавилонянами был сломан. Вавилонизированные халдеи составляли большинство населения страны. Поэтому соседние народы называли жителей Вавилонии халдеями⁴⁹.

Эти меры стали возможны в результате истребления вавилонской аристократии и халдейской племенной знати, которые упорно цеплялись за изжившие себя привилегии, мешали сплочению населения Вавилонии и его объединению с ассирийцами. Теперь сепаратизму вавилонских городов и халдейских княжеств, их соперничеству и столкновению пришел конец.

Одновременно в Вавилонии был завершен тот аграрный переворот, который начался в 689–678 гг. Аристократическое землевладение окончательно пало. В Вавилонии почти не сохранилось частных латифундий. От них остались только названия населенных пунктов и каналов по именам их бывших собственников и межевые столбы «кудурру» с надписями, содержащими перечень привилегий латифундистов. В стране возродилось мелкое и среднее частное землевладение, возродилось вавилонское гражданство, способное нести военную службу и другие обязанности. Вавилония вышла из выпавших на ее долю испытаний обновленной и сильной.

Ашшурбанипал заботился о материальном благосостоянии вавилонских граждан. Имущественные права, нарушенные во время войны 652–648 гг., тщательно проверялись и восстанавливались. В Вавилонии окреп слой зажиточных хозяев-землевладельцев. К нему принадлежала, например, халдейская по происхождению семья Эа-илута-бани. Ее глава Пух-хуру, житель Барсиппы, во время войны обогатился, округлив свои земельные владения за счет разорвавшихся сограждан. Именно такие крепкие хозяева и должны были составить костяк вавилонского гражданства, опоры Ассирийской империи⁵⁰.

Ашшурбанипал ввел в состав ассирийской правящей элиты немалое число вавилонян. Даже во время войны

с Шамаш-шум-укином и его союзниками ассирийскими войсками командовали халдей Бэл-ибни и вавилоняне Мардук-шарру-уцур и Мардук-апла-иддин. Политика Ашшурбанипала в отношении Вавилонии преследовала одну главную цель — претворить в жизнь идею ассиро-вавилонского дуализма. Однако этому замыслу не суждено было сбыться. Ашшурбанипал создал не опору, а могильщиков Ассирии.

Усилия ассирийского владыки снова — и на этот раз окончательно — сорвала ассирийская военщина. В 30-х гг. VII в. прекратились грабительские походы. Ассирия перешла к обороне. Но ее армия, совершенно разложившаяся, жаждала добычи. Вавилонофильство Ашшурбанипала действовало на ассирийских милитаристов, как красная тряпка на разъяренного быка. Они не желали делиться властью ни с кем и тем более с возрождающимся Вавилоном. На Вавилонию они смотрели как на завоеванную страну и заманчивы́й объект грабежа. Остальное их не интересовало.

Поводом для открытого бунта военщины снова стал вопрос о наследнике ассирийского престола. В 630 г. ей удалось отстранить Ашшурбанипала от власти и возвести на престол своего лидера Син-шум-лишира. Однако сопротивление перевороту оказалось настолько сильным, что Син-шум-лишир вынужден был посадить рядом с собой на престол Син-шарру-ишкуна, одного из сыновей Ашшурбанипала. По этому случаю Син-шарру-ишкун принял тронное имя Ашшур-этель-илани («Бог Ашшур — витязь богов»).

Ассирия распалась на две части, между которыми началась гражданская война. Победу одержала военщина, но ей все же пришлось пойти на уступки своим противникам. На престоле Ассирии остался Син-шарру-ишкун, а за старым Ашшурбанипалом (Кандалану) было сохранено Вавилонское царство.

Ашшурбанипал не имел ни сил, ни желания вести борьбу. Он очень тяжело переживал крушение своих планов: «Богу и людям, живым и мертвым, я делал добро. Почему же болезнь, сердечная скорбь, бедствие, погибель привязались ко мне? Не прекращается в стране война, в моем доме раздор. Смута, злословие постоянно ополчаются против меня. Дурное настроение, болезнь тела сгибают мой стан. Среди охов

и ахов я провожу дни. В день бога города, в день праздника, я был расстроен. Должна прикончить меня смерть. Я подавлен. В горе и воплях я плачу день и ночь. Я вздыхаю: боже, дай это нечестивым! Да увижу я твой свет! Пока я не умер, сделай это для меня. Я уподобился не чтящему бога и богиню»⁵¹.

Переворот отразился и на судьбах Южной Вавилонии. Ее правитель Бэл-ибни не успел вовремя выразить свою лояльность Син-шарру-ишкуну и Син-шум-лиширу⁵². За это его лишили власти. Вместо него правителем Страны Моря был назначен Набу-аплу-уцур (Набопаласар), тоже халдей, потомок даккурийского князя Шамаш-ибни, казненного Асархаддоном в 678 г. за мятеж. В связи с этим назначением Ашшур-этель-илани (Син-шарру-ишкун) счел нужным реабилитировать память Шамаш-ибни и вернуть его останки на родину, где они были торжественно погребены. Страна Моря с ее многочисленными халдейскими воинами имела слишком важное значение для Ассирии. Поэтому верность Набопаласара новому режиму, чувствовавшему себя довольно непрочно, стремились обеспечить всеми способами.

В мае 627 г. Ашшурбанипал (Кандалану) скончался. Син-шарру-ишкун и Син-шум-лишир спешили завладеть Вавилоном, оставшимся без царя. В одну из майских ночей они ввели в город свой гарнизон. Но вавилоняне не ждали от ассирийской военщины ничего хорошего и не собирались мириться с ее властью. Через несколько дней, вечером, они напали на ассирийских солдат и выбили их из города. Вавилон восстал против Ассирии.

Несколько ранее, как только пришла весть о смерти Ашшурбанипала, на Юге поднял мятеж Набопаласар, стремившийся стать царем Вавилона. Он немедленно занял Урук и тотчас же, в мае 627 г., осадил Ниппур, оплот ассирийцев в Вавилонии.

Ниппурцы не ожидали нападения. Дело происходило накануне уборки ячменя, и они не успели запастись провиантом. О жизни в осажденном Ниппуре стало известно благодаря находкам американских археологов в 1950–1951 гг. В развалинах города, в тайнике на задворках одного из домов, они нашли архив ниппурского гражданина Нинурта-убаллита. Несколько документов этого архива относится

к маю — августу 627 г., когда Набопаласар осаждал Ниппур. Вот о чем они поведали.

Ниппурцы стойко защищали свой город, но страдали от голода. Цена ячменя подскочила до 1 сикля серебра за 1 суту, то есть была в три раза выше, чем в Вавилоне во время осады в 650—648 гг., и в тридцать раз выше обычной. Ниппурцы продавали спекулянтам, припрятавшим продукты, своих детей, чтобы спасти их и себя от голодной смерти. В одном из документов архива говорится: «Гугалла сказала Нинурта-убаллиту так: мою дочь Ри'инду уведи и оживи, и да будет она твоей рабыней, мне же дай 6 сиклей (50,5 граммов) серебра, чтобы я могла поесть». О таких же случаях идет речь и в ряде других документов, спрятанных в тайнике. Нинурта-убаллит как раз и был одним из прохвостов, которые обирали своих сограждан, попавших в беду. Он, видимо, надеялся на падение Ниппура, но ниппурцы выдержали осаду и по окончании ее вспомнили о тех, кто наживался на их страданиях, обращал в рабство их детей. Нинурта-убаллит начал спешно заметать следы своих преступлений. Уличавшие его документы он засунул в тайник на задворках своего дома, но от расплаты все равно не ушел. А документы пролежали в тайнике 2577 лет, пока их не нашли археологи⁵³.

Ассирийцы не могли допустить падения Ниппура. Потеря его привела бы к полному изгнанию их из Вавилонии. Уже в августе 627 г. их авангард перешел вавилонскую границу и сжег городок Шазнаку. В сентябре в бой вступили главные ассирийские силы. Истуканы богов из города Киша, лежавшего на пути вторжения врага, были спешно отправлены в Вавилон. Ассирийцы торопились к Ниппуру. При их приближении Набопаласар, не приняв боя, стал быстро отступать на юг. Ассирийцы осаждали его в Уруке, но не смогли взять этот город. Набопаласар разбил их во время вылазки и вынудил отступить.

Итак, ассирийцы не сумели подавить в зародыше восстание в Вавилонии. Теперь им предстояло вести тяжелую войну, от исхода которой зависели судьбы их империи. А империя уже начала рушиться. Элам, разгромленный в 647—645 гг., вышел из-под власти Ассирии. На западе иудейский царь Иосия не только перестал платить дань, но и стал захватывать ассирийские провинции в Палестине. Египетский фара-

он Псамметих I осадил палестинский город Ашдод, принадлежавший ассирийцам.

Потеря Вавилонии в такой обстановке означала бы конец империи. Ассирийцы понимали это и тщательно готовились к новой кампании. Они начали ее в мае 626 г., когда в Вавилонии созрели хлеба. Все лето ассирийская армия опустошала страну, а осенью двинулась на Вавилон. Но вавилоняне не допустили осады города. 10 октября 626 г. они вышли навстречу врагу и разбили его в открытом поле, отбив награбленную добычу.

Поражение под Вавилоном имело для ассирийцев плачевные политические результаты. До сих пор в Вавилонии существовали два изолированных и не слишком доверявших друг другу очага восстания — Вавилон и Юг, где укрепился Набопаласар. В Вавилоне после смерти Ашшурбанипала не было царя, и богатая верхушка, распоряжавшаяся храмами, вообще не хотела иметь его. Однако военная обстановка была такова, что осуществить это стремление она не могла. Ассирия оставалась еще настолько грозным противником, что Вавилон не выстоял бы в одиночестве в борьбе с нею. И взоры вавилонян, естественно, обратились к Набопаласару, сражавшемуся с общим врагом.

Уже в сентябре 626 г. Сиппар, один из крупнейших городов страны, признал Набопаласара вавилонским царем. Богатой верхушке пришлось уступить. 23 ноября 626 г. Набопаласар был официально провозглашен царем Вавилона. Силы восставшей Вавилонии объединились.

Заняв вавилонский престол, Набопаласар тотчас же приступил к поискам союзников и нашел их в лице мидян. Мидяне были первым народом, сбросившим в 674—672 гг. ассирийское иго. К середине VII в. они объединились под властью царя Дейока (700—647 гг.). Сын и преемник Дейока, Фраорт (647—625 гг.), подчинил своей власти ряд народов Ирана, в том числе персов, и превратил Мидию в сильную державу. Теперь он решил помериться силами на поле брани с Ассирией.

9 апреля 625 г. в Вавилон пришла страшная весть: ассирийцы выступили в поход и идут на этот раз долиной Евфрата, а не своим обычным путем, долиной Тигра. Первыми вест-

никами несчастья оказались идолы и жители пограничного городка Шапаззу, прибывшие в Вавилон. 12 мая в Вавилон были доставлены боги из города Сиппара, а на следующий день ассирийцы разграбили городок Шаллат в одном-двух переходах от Сиппара.

Однако ассирийцам не удалось продолжить удачно начатую кампанию. Мидийский царь Фраорт вторгся в пределы Ассирии. Оставив в Шаллате сильный гарнизон, ассирийская армия немедленно повернула против мидян. Попытка Набопаласара 29 июля 625 г. отбить Шаллат у ассирийцев кончилась неудачно. Тем временем в кровопролитных боях с ассирийцами Фраорт потерпел поражение и был убит. Ассирия выстояла. Но ее потери были настолько велики, что только через пятнадцать месяцев ассирийская армия смогла возобновить боевые действия в Вавилонии.

В августе 624 г., едва закончился паводок на Евфрате, ассирийцы вторглись в Вавилонию и стали лагерем на канале Нар-Баниту. Прикрывшись с севера этим водным рубежом и имея в тылу верный Ниппур, они осадили Урук. Набопаласар не сумел помочь городу, и Урук пал. Этой крупной победой ассирийцы закончили кампанию и вернулись на родину. Набопаласар пытался взять реванш и в октябре 624 г. напал на Ниппур, но и на сей раз потерпел неудачу. Для вавилонян наступили черные дни. Ассирийцы завладели всей Средней Вавилонией и держали Вавилон в кольце. Перевес медлен, но неуклонно переходил к ним.

Перелом в ходе войны произошел в 623 г. Набопаласару удалось поднять восстание в ассирийской провинции Дер (на северо-востоке Вавилонии) и таким образом, разомкнув ассирийское кольцо, обеспечить себе связь с Мидией. В августе вавилоняне осадили Урук, а в сентябре в Вавилонию явился во главе армии сам царь Син-шарру-ишкун. Но ассирийцам не удалось достигнуть успехов. Они только сумели усилить гарнизон Ниппура. Сперва их отвлекли арабы, пришедшие на помощь Вавилону. А затем последовало известие о новом вторжении мидян в Ассирию.

Мидийский царь Киаксар (625–585 гг.), сын и преемник погибшего Фраорта, извлек уроки из поражения отца. В короткий срок он реорганизовал мидийскую армию, пре-

вратив ее из нестройного ополчения племен в гражданскую милицию, разделенную по родам оружия и способную сражаться с ассирийцами. В 623 г. Киаксар двинулся прямо на Ниневию и осадил ее. Над Ассирией нависла страшная угроза, но час ее гибели еще не пробил.

В ход войны неожиданно вмешалась новая сила — скифы. На рубеже VIII и VII вв. этот кочевой народ пришел из степей Азии в Причерноморье и изгнал оттуда киммерийцев, которые бежали за горы Кавказа. Последовав за ними, скифы в 70-х гг. VII в. появились на границах Ассирии. Царь Асархаддон заключил с ними союз и выдал свою дочь замуж за их царя Прототия (Партатуа). Теперь скифы во главе с Мадием, сыном Прототия, напали на мидян и победили их.

Ассирия была спасена, но заплатила за это полным опустошением своих владений. Одолев мидян, скифы, словно ураган, прошли через Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Фараон Псамметих I с большим трудом откупился данью от их нашествия. Ужас охватил население Передней Азии. «Вот, идет народ от земли северной, и народ великий поднимается от краев земли, — говорил о скифах иудейский пророк Иеремия. — Держат в руках лук и копье. Они жестоки и беспощадны. Их голос шумит, как море. Они мчатся на конях, выстроившись, как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Сиона»⁵⁴.

Так началась гегемония скифов в Передней Азии, длившаяся 28 лет (623/22—595/94 гг.). Под копытами их диких и быстрых коней лежали богатейшие цивилизованные страны мира. Для кочевников они были объектами грабежа и сбора дани. Внутренняя жизнь и взаимоотношения побежденных народов мало интересовали скифов. Они требовали от них только дани и вспомогательных отрядов.

Ассирия не могла оправиться от мидийского удара и скифской «помощи». Пользуясь этим, Набопаласар довел до конца осаду Урука и овладел им. Попытка ассирийцев летом 621 г. вернуть Урук окончилась неудачей. А вскоре Набопаласар взял Ниппур и окончательно изгнал врага из пределов Вавилонии.

Скифское нашествие побудило Ассирию искать союзников. Их она нашла в лице своих северных соседей — госу-

дарств Урарту и Манна, которым скифы угрожали в первую очередь. К этой коалиции примкнул Египет, некогда заклятый враг ассирийцев. Теперь же фараон Псамметих I видел в Ассирии барьер, прикрывающий границы Египта от скифов. Война Вавилонии за независимость приняла «мировой» характер, охватив весь Ближний Восток. Главным театром военных действий отныне стали Северная Месопотамия и коренная территория Ассирии.

В апреле 616 г. Набопаласар повел вавилонские полки вверх по долине Евфрата. Ассирийские провинции Суху и Хиндану без сопротивления принесли ему дань. 23 июля в сражении при Каблину вавилоняне разбили ассирийцев и пришедших к ним на помощь маннеев, а затем разграбили ассирийские владения в бассейне Балиха, притока Евфрата. Обремененный добычей и пленными, Набопаласар в августе 616 г. вернулся в Вавилон, а в октябре на выручку ассирийцам в долину Евфрата явились египтяне. Союзники дошли до города Каблину, но не рискнули вторгнуться в пределы Вавилонии. Зато Набопаласар после краткой передышки в марте 615 г. двинулся прямо на Ассирию. На ее границе, на реке Забан (Малый Заб), он нанес поражение ассирийцам. Захватив добычу и пленных, вавилоняне правым берегом Тигра беспрепятственно вернулись на родину.

В мае 615 г. Набопаласар снова выступил в поход. На этот раз его целью был город Ашшур — древняя метрополия Ассирии. Но овладеть им с налета вавилонянам не удалось. В июне на выручку городу пришла главная ассирийская армия во главе с царем Син-шарру-ишкуном. Вавилоняне обратились в бегство. Противник гнался за ними по пятам. Положение спасла крепость Такритаин на правом берегу Тигра. Ассирийцы штурмовали ее десять дней подряд, но вавилонский гарнизон мужественно отразил все их приступы. Набопаласар сумел оторваться от врага. Понеся под Такритаином большие потери, ассирийцы отступили.

Тем временем мидяне оправались от нападения скифов и возобновили военные действия против Ассирии. В ноябре 615 г. они ворвались в ассирийскую провинцию Аррапху. Арена сражений приблизилась непосредственно к рубежам коренной ассирийской территории. Началась агония Ассирии.

В июле 614 г. мидяне появились в окрестностях Ниневии и захватили ее пригород Тарбицу. Затем они переправились через Тигр и, спустившись вниз по его течению, в августе штурмом взяли Ашшур. Город был беспощадно разграблен и разрушен, его жители частью перебиты, частью угнаны в плен. Когда все было кончено, под Ашшуром появился Набопаласар с вавилонской армией. Он умышленно опоздал прийти на помощь мидянам. Если для последних Ашшур являлся городом ненавистного врага, который не заслуживал иной участи, кроме безжалостного уничтожения, то вавилоняне смотрели на это иначе. Воюя с ассирийцами, они ни на минуту не забывали о своем братстве с ними. Древний Ашшур и его храмы были для них такой же святыней, как города Вавилонии и их храмы. Этим и объясняется опоздание Набопаласара. Он не мог остановить мидян и спасти Ашшур от гибели, но сам не желал принимать участия в этом святотатстве.

На дымящихся развалинах Ашшура в конце августа 614 г. вавилоняне встретились с мидянами. Набопаласар и мидийский царь Киаксар заключили между собой договор о союзе, который был скреплен браком царевича Навуходносора, сына Набопаласара, и мидийской царевны Амиитис (Амухеан). Ассирийцы сделали отчаянную попытку отбросить врагов от своих рубежей. В мае 613 г. им удалось поднять восстание в провинции Суху, захваченной вавилонянами в 616 г. Набопаласар тотчас же двинулся в поход и 10 июня взял город Рахилу. Но затем счастье изменило ему. Крепость Анату, расположенная на островке посреди Евфрата, выдержала вавилонский штурм. Приближение главных сил ассирийцев заставило Набопаласара уйти. Однако этот частный успех уже не мог спасти Ассирию.

Катастрофа разразилась в 612 г. Набопаласар и Киаксар одновременно выступили в поход, направляясь к Ниневии. И в это время на арене снова появились скифы. Теперь исход кампании зависел от того, чью сторону они примут — ассирийцев или их противников. Положение спас Киаксар. С небольшой свитой он смело направился в лагерь скифского царя Мадия как его клиент и данник. Ему удалось уговорить скифов принять участие в разгроме Ниневии. Перспектива

громадной добычи взяла верх над всеми прочими соображениями, и варвары двинулись на ассирийскую столицу.

Ниневия представляла собой большой и сильно укрепленный город. Периметр ее стен достигал 12 километров, а площадь — 730 гектаров. В городе жило около 300 тысяч человек. Его защищал многочисленный и боеспособный гарнизон, главные силы ассирийской армии. Осада Ниневии длилась три месяца, с июня по август 612 г. Судя по отрывочным рассказам древних и результатам археологических раскопок, события развивались примерно так.

Объектом атаки союзники избрали северо-восточный угол стен Ниневии, самую возвышенную и уязвимую для штурма часть города. Разбив ассирийцев в трех сражениях, мидяне, вавилоняне и скифы овладели системой передовых укреплений и плотинами, посредством которых воды реки Хуцур подавались во рвы Ниневии. Осушив рвы, они вплотную подошли к городской стене, возвышавшейся более чем на 20 метров, и подвели к ней тараны. Участок рва, прилегавший к северо-восточному углу Ниневии, был завален обломками из большого пролома, сделанного в стене, — это показали раскопки. Ассирийцы защищались мужественно и умело. Позади пролома они возвели новую линию укреплений, и приступ осаждающих захлебнулся.

Участь Ниневии была решена с помощью военной хитрости. Воспользовавшись тем, что внимание ассирийцев приковано к пролomu, союзники отвели воды Хуцура во рвы, прикрывавшие южный фас восточной стены Ниневии, и внезапно ворвались в город по руслу реки через речные ворота.

На улицах ассирийской столицы разыгрались дикие сцены расправы победителей над побежденными. Ненависть, веками копившаяся против ассирийцев и их логова Ниневии, прорвалась наружу. «Горе городу кровей! Весь он полон обмана и преступления, не прекращается в нем разбой. Хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание скачущего коня и грохот несущейся колесницы. Несется конница, и блестит меч, и сверкает копье — и множество сраженных, и груды трупов. Без конца тела, спотыкаются о тела убитых! Это — за многие блудодеяния красивой лицом развратницы, искус-

ной в чарах, которая своими блудодеяниями продает народы и своими чарами — племена»⁵⁵. Так говорит пророк Наум из Элькоша, еврейский пленник, которому довелось стать очевидцем падения Ниневии.

Победители хватали младенцев за ноги и разбивали им головы о стены домов. Гордых ассирийских вельмож, закованных в цепи, делили по жребию. Ассирийский царь Синшарру-ишкун, чтобы спастись от плена, зажег свой дворец и погиб в пламени. Библиотека Ашшурбанипала, находившаяся на втором этаже дворца, во время пожара рухнула. Много глиняных табличек при этом разбилось, но они все же не погибли. Превратившись от огня в кирпичи, они в таком виде и были найдены при раскопках. Кстати сказать, первыми «археологами», занявшимися раскопками дворца Ашшурбанипала, были вавилонские солдаты. Пока их brave союзники, мидяне и скифы, неистовствовали на улицах, они тайком от них откопали в золе большое количество золота и серебра, сплавившихся от огня, бушевавшего во дворце⁵⁶. Впрочем, добыча была несметна, и ее хватило на всех.

Победители оставили после себя руины и пепелища. Ниневия погибла. Такая же участь постигла Ашшур, Кальху, Арбелу, Дур-Шаррукин и остальные ассирийские города. Уцелевшие от резни ассирийцы либо были угнаны в плен, либо разбежались. С ними поступили точно так же, как они обычно поступали с побежденными.

Падение Ниневии произвело огромное впечатление на окружающий мир, вызвало радость и ликование народов, изнывавших под ассирийским игом. «Где теперь логова львов и то пастбище для львят, где ходили лев, львица и левенок и никто не пугал их, лев, терзающий для насыщения своих львят и душаший для своих львиц и наполняющий добычей свои пещеры и свои логова растерзанным? — восклицает пророк Наум и отвечает: — Спят твои пастыри, царь Ашшура, покоятся твои витязи, развеян твой народ по горам, и некому собрать его. Нет исцеления для твоей раны, смертельна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, рукоплещут о тебе, ибо на кого не простиралась непрестанно злоба твоя»⁵⁷.

14 сентября 612 г. мидяне со своим царем Киаксаром покинули руины Ниневии и отправились домой с долей добы-

чи и полона. После ухода Киаксара вавилоняне разграбили ассирийские провинции Нацибину и Руцапу в Северной Месопотамии и тоже удалились к себе. Территория Ассирии и большая часть добычи остались в распоряжении скифов, гегемонов Передней Азии. Но Ассирийская держава еще не погибла. Уцелела часть ассирийской армии и ассирийской знати, которые продолжали отчаянно сопротивляться. Их прибежищем стал город Харран на северо-западе Месопотамии. Здесь они избрали царем Ашшур-убаллита, младшего брата Ашшурбанипала, который был первосвященником Эхулхула, храма бога луны Сина в Харране. Ассирийцы уповали на помощь Египта, прилагавшего все силы для того, чтобы не допустить к своим границам скифов, мидян и вавилонян.

В 611 г. вавилоняне начали операции в районе Харрана и овладели в его тылу городом Руггулити при впадении в Евфрат реки Сагур. Решительные бои за Харран разыгрались в следующем году. Набопаласар с вавилонянами выступил в поход в мае 610 г. и до ноября опустошал область Харрана. В ноябре к нему присоединились скифы, и вместе с ними он двинулся прямо на Харран. Ассирийцы и египтяне в ужасе бросили город и бежали за Евфрат. Харран был разграблен, причем скифы уничтожили его знаменитый храм Эхулхул. В марте 609 г. союзники разошлись по домам. В Харране остался вавилонский гарнизон.

Потеря Харрана не на шутку встревожила египтян. Фараон Нехо, сын и преемник скончавшегося в 610 г. Псамметиха I, в июне 609 г. двинулся в поход во главе своей армии. У Мегиддо путь египтянам неожиданно преградил иудейский царь Иосия со своим войском. Требование фараона пропустить его к Евфрату было отвергнуто, и началось сражение. В самом начале боя Иосия был смертельно ранен в горло египетской стрелой, и иудеи бежали. Вместо скончавшегося Иосии они возвели на престол его сына Иоахаза. А египтяне тем временем форсированным маршем спешили на север⁵⁸.

Соединившись с ассирийским царем Ашшур-убаллитом, фараон Нехо перешел Евфрат и атаковал Харран. Тяжелые бои шли все лето. Вавилонский гарнизон мужественно отразил все приступы египтян и ассирийцев и удержал

город. В сентябре 609 г. Набопаласар, получив помощь от мидян, двинулся на выручку Харрану. Фараон Нехо, узнав о его приближении, снял осаду и без боя отступил за Евфрат. Харран остался в руках вавилонян. С 609 г. ассирийцы и их царь Ашшур-убаллит навсегда исчезают со страниц истории. Ассирия пала, и не было силы, способной возродить ее, ибо ассирийский народ прекратил свое существование задолго до этого события.

Вавилоняне одержали крупнейшую в своей истории победу, но напрасно мы будем искать в оставленных ими многочисленных надписях описание их триумфа. Набопаласар лишь глухо упоминает о победе над Субарумом — так в глубокой древности называлась Северная Месопотамия. В другой надписи он говорит: «Ассириец, который с давних дней господствовал над всеми народами и своим тяжким игом наносил ущерб народу Страны (то есть Вавилонии), — я, слабый, смиренный, чтящий владыку владык, могучей силой богов Набу и Мардука, моих господ, отвратил их стопы от страны Аккад и сбросил их иго»⁵⁹. А царь Набонид, один из преемников Набопаласара, прямо утверждал вопреки истине, что вавилоняне не принимали никакого участия в разгроме ассирийских городов, что все это было делом рук одних скифов. Набопаласар же, по словам Набонида, лишь молился богам и в знак печали спал не на ложе, а на земле⁶⁰.

Победа над Ассирией принадлежала к числу таких успехов, которыми в Вавилоне стыдились гордиться. В результате ее был уничтожен братский народ, ставший смертельным врагом Вавилона лишь в силу обстоятельств, и вавилоняне горько сожалели о случившемся. Они понимали, что обязаны победой в первую очередь варварам — мидянам и скифам, в которых не без основания видели будущих страшных врагов своей родины.

Глава 3 Величие Вавилона

Jehovah! dir künd ich auf ewig Hohn —
Ich bin der König von Babylon

Heinrich Heine. Belsazar

Иегова! плюю, глумясь над тобой,
Я — царь Вавилона, недруг твой!

*Генрих Гейне. Вальтасар*⁶¹

Гибель Ассирии в корне изменила обстановку на Ближнем Востоке. Бывшие ассирийские провинции в Северной Месопотамии, Заречье и Малой Азии остались без хозяина. Их население, измолоченное ассирийским цепом, не имело сил отстоять свою свободу. Время мелких городов-государств на Древнем Востоке кануло в вечность. Настала эпоха империй. Едва пала Ниневия, как началась борьба за раздел «ассирийского наследства», в которой приняли участие и противники, и союзники разгромленной Ассирии.

К 609 г. скифы, мидяне и вавилоняне завладели всей Северной Месопотамией. К этому же времени на Заречье

наложили руку египтяне. Потерпев неудачу под Харраном, фараон Нехо отступил за Евфрат. Его ставка расположилась в Рибле близ Хамата, в самом центре Заречья. Египетские гарнизоны, сменив ассирийцев, заняли города и крепости страны. Иудейский царь Иоахаз, преемник Иосии, убитого при Мегиддо, не посмел ослушаться грозного приказа фараона и прибыл в Риблу. Нехо отправил его в плен, а на иудейский престол посадил его брата Иоакима, на которого наложил дань в 100 талантов (30,3 тонны) серебра и 1 талант (30,3 килограмма) золота в год.

Вавилонянам предстояло отвоевать у египтян Заречье, свою долю «ассирийского наследства». Но сначала они должны были выполнить свой союзнический долг перед скифами. С конца 609 по август 607 г. вавилонские армии под командованием Набопаласара и его сына Навуходоносора вместе со скифами и мидянами громили бывших ассирийских союзников Урарту и Манну. Эти страны вошли в скифскую долю «ассирийского наследства». Скифы обложили их данью, но не лишили государственной автономии. В ряде крепостей, в частности в урартском Тейшебаини (руины Кармир-Блур в Армении), расположились скифские гарнизоны.

Только в октябре 607 г. Набопаласар смог наконец повести вавилонскую армию на египтян. Началась ожесточенная борьба за переправы через Евфрат, длившаяся до весны 605 г. Первое предместное укрепление, созданное Набопаласаром в декабре 607 г. у городка Кимуху на Евфрате, летом 606 г. после тяжелых боев было ликвидировано египтянами. Но осенью того же года вавилоняне создали второй плацдарм в районе городков Шунадири, Эламму и Дахамму. Все попытки египтян сбросить их в реку на этот раз потерпели неудачу. Настал час решительной битвы за Заречье.

Весной 605 г. вавилонская армия выступила в поход. Старый и больной Набопаласар не мог лично возглавить ее и поручил командование сыну Навуходоносору. Фараон Нехо тоже направился к Евфрату с главными силами своей армии, в составе которой наряду с египтянами и ливийцами были нубийцы, лидийские лучники и греческие наемники. Противники встретились под стенами Кархемиша. Этот сильно укрепленный город на правом берегу Евфрата являл-

ся ключом к главным речным переправам и дорогам в глубь Сирии. Владея Кархемишем, египтяне закрывали вавилонянам путь в Заречье. В конце мая 605 г. здесь произошло сражение, одно из крупнейших в древневосточной истории.

Форсировав Евфрат южнее Кархемиша, вавилоняне атаковали египетский лагерь под городскими стенами. В ожесточенном рукопашном бою они сломили сопротивление солдат фараона и на их плечах ворвались в Кархемиш. На улицах разгорелись кровопролитные схватки. Начались пожары, заставившие египтян снова выйти в поле, где вавилоняне довершили их разгром. Остатки египетской армии в панике бежали к Хамату. Здесь победители настигли их и перебили. Потери египтян составили десятки тысяч человек.

Одним ударом вавилоняне изгнали египтян из Азии и выиграли кампанию. Мелкие государства-клиенты в Сирии, Финикии и Палестине, уцелевшие от ассирийского меча, были ошеломлены разгромом фараона и не оказали сопротивления Навуходоносору. Они спешили откупиться от него дарами и заложниками. Так поступили и иудеи, когда вавилоняне приблизились к Иерусалиму. Царь Иоаким послал им часть сосудов Иерусалимского храма и выдал в качестве заложников знатных иудейских юношей, среди которых был будущий пророк Даниил.

В самый разгар кампании, 15 августа 605 г., в Вавилоне скончался царь Набопаласар. Халдейские вельможи, завладевшие царским дворцом, сразу же с помощью огненного телеграфа дали знать об этом Навуходоносору в Заречье. Тот немедленно прервал кампанию. Приказав своим военачальникам возвращаться с главной армией, добычей и пленными на родину, он сам в сопровождении небольшой свиты поспешил кратчайшим путем через пустыню в Вавилон. 7 сентября 605 г., на 23-й день после кончины отца, Навуходоносор занял царский трон.

Навуходоносор не напрасно торопился в Вавилон. Вавилонские верхи в свое время неохотно, лишь оказавшись в безвыходном положении, согласились признать царем Набопаласара. И теперь они не были склонны считать Навуходоносора его законным преемником только на том осно-

вании, что он — старший царский сын. Вавилонские олигархи были против наследственности царской власти. Но здесь они столкнулись с халдейским офицерством, которое желало видеть на вавилонском престоле только халдея и только Навуходоносора. Навуходоносор прибыл вовремя. Олигархи не посмели оспаривать его права, подкрепленные военными заслугами, поддержкой армии и авторитетом победителя при Кархемише. Навуходоносор занял престол, и вся страна признала его царем.

Уже осенью 605 г. Навуходоносор вернулся в Заречье и продолжил кампанию. В феврале 604 г. он возвратился и Вавилон «с тяжелой данью страны Хатту (то есть Заречья. — *В. Б.*)».

В апреле 604 г. Навуходоносор отпраздновал в Вавилоне Новый год — первый год своего царствования — и уже в июне во главе армии отправился в Заречье, где пробыл до февраля 603 г. В надежде на легкую добычу вместе с ним в Заречье явились на правах его союзников и гегемонов скифы. Навуходоносор хорошо понимал, что в государствах — клиентах Заречья у власти стоят проегипетски настроенные круги, которые не хотят менять сравнительно легкую египетскую гегемонию на вавилонское владычество. Он также понимал, что эти круги будут яростно сопротивляться вавилонянам, как только придут в себя после шока, вызванного разгромом египтян при Кархемише. Так и случилось.

Первым осмелился поднять оружие против вавилонян палестинский город Аскалон, рассчитывавший на помощь египтян. Ему и пришлось принять на себя удар вавилонских и скифских войск. Аскалонский царь Адон, когда враги вторглись в его владения и уже дошли до Афека (в 15 километрах севернее Лидды), стал взывать к фараону о немедленной помощи. Но египтяне не пришли, и в декабре 604 г. Навуходоносор взял Аскалон штурмом. Город подвергся разграблению и разрушению. Царь Адон, зная, уцелевшие граждане, ремесленники и матросы были угнаны в вавилонский плен. Скифы при этом разграбили сокровища аскалонского храма богини Астарты. Весть о падении Аскалона поразила все Заречье, особенно соседнюю Иудею, самое сильное из сиропалестинских государств.

В Иудее у власти стояла проегипетски настроенная олигархия во главе с царем Иоакимом. Еще при царе Иосии в 621 г. был принят свод законов, так называемое «Второзаконие», который должен был укрепить ряды иудейского гражданства. В нем, в частности, имелась следующая статья, направленная против долгового рабства: «Если продается тебе брат твой, еврей, или еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу. Когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его пустым, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего. Дай ему, чем благословил тебя Яхве, бог твой»⁶². Но олигархи грубо нарушали закон, и в Иудее продолжало процветать долговое рабство, подрывавшее силы народа. Против засилья олигархии и ее антивавилонской внешней политики выступали демократические слои иудейского общества. Выразителем их чаяний стал пророк Иеремия.

В описываемую эпоху пророком называли человека, который брал на себя смелость выступать от имени бога и учить народ... Пророк не был предсказателем будущего, как это принято считать ныне. Предсказаниями на Древнем Востоке занимались прорицатели и гадатели, с которыми пророки не имели ничего общего. Обращаясь к людям, пророк говорил им обычно о том, что они видели вокруг себя и что волновало их. Пророчества представляли собой, как правило, страстные и полные силы речи на общественно-политические темы, выдающиеся образцы ораторского искусства. Пророки были политическими деятелями, выражавшими интересы и мнения определенных кругов общества.

Итак, в Иерусалим пришла весть о падении Аскалона. В городе, охваченном смятением, объявили пост. В это тревожное время и выступил пророк Иеремия. Он предвидел нашествие Навуходоносора и скифов и заранее продиктовал своему писцу Варуху обращение к иудейскому народу. В нем, между прочим, говорилось: «Непременно придет царь Вавилонский и разорит землю сию, и истребит на ней людей и скот». Когда в Иерусалиме скопилось множество перепуганных сельских жителей, Варух прочитал обращение Иеремии толпе, собравшейся перед храмом бога Яхве. Варуха арестовали и доставили во дворец. Там он снова прочи-

тал обращение, на этот раз членам государственного совета; многие из них были потрясены. Отобрав свиток с обращением у Варуха и посоветовав ему и Иеремии поскорее скрыться, советники доложили обо всем царю Иоакиму. Царь мрачно слушал пророческие слова. По мере того как ему читали обращение, он ножом отрезал полоски свитка и бросал их в жаровню, стоявшую перед ним, а затем велел схватить пророка и Варуха, но тех уже и след простыл.

Пророчество Иеремии сбылось. В мае 603 г. Навуходоносор снова отправился в поход, поставив своей целью покорить Иудею. Вавилоняне везли с собой осадные орудия, предназначенные для взятия Иерусалима. Иоаким покорился, не дожидаясь осады, и обязался платить дань Вавилону. В 602 г. Навуходоносор завершил покорение Заречья.

Вавилонское господство в Заречье, однако, не могло быть прочным, пока не был сокрушен Египет. В 601 г. Навуходоносор, как обычно, явился с армией в Заречье, собрал дань, а затем к нему подошли союзные скифские отряды, и в декабре он двинулся в Египет. Но фараон Нехо успел подготовиться к отпору. В ожесточенном сражении египтяне остановили врага. Навуходоносору пришлось отступить и вернуться в Вавилон. Потери вавилонян, особенно в коннице и колесницах, были настолько велики, что понадобилось целых двадцать месяцев, прежде чем Навуходоносор сумел восстановить боеспособность своей армии. Но и Египту победа досталась такой дорогой ценой, что фараон Нехо вообще отказался от мысли в ближайшие годы вести борьбу с Вавилоном за азиатские провинции.

В Заречье неудача Навуходоносора вызвала подъем антивавилонского движения. Иудея прекратила платить дань Вавилону. Пророки антивавилонской партии уверяли народ: «Не увидите меча, и голода не будет у вас, но постоянный мир дам вам на сем месте». На Иеремию, продолжавшего утверждать обратное, обрушились гонения. Даже его земляки из селения Анатот сочли нужным предупредить его: «Не пророчествуй во имя Господа, чтобы не умереть тебе от рук наших».

И опять Иеремия оказался прав. В декабре 599 г. вавилонские авангарды снова появились в Заречье. Навуходоносор решил сломить Иудею. Целый год вавилоняне и их союз-

ники опустошали иудейскую землю. Наконец в последних числах декабря 598 г. Навуходоносор выступил из Вавилона с главными силами и через месяц, в конце января 597 г., достиг Иерусалима.

Иоаким не посмел сопротивляться. С дарами он явился к Навуходонозору, но тот приказал заковать его в цепи и отправить в Вавилон. Затем Навуходоносор передумал: Иоаким и его приближенные были убиты, а их трупы без погребения брошены у ворот Иерусалима. На иудейский престол Навуходоносор посадил Иехонию, восемнадцатилетнего сына Иоакима. 3023 знатных иудея были уведены в вавилонский плен. Однако и этого Навуходонозору показалось мало. Вавилонская армия снова подступила к Иерусалиму. Иехония, видя, что сопротивление бесполезно, в марте 597 г. сдал город без боя. Навуходоносор увел в плен самого Иехонию со всей семьей, около 7000 воинов и около 1000 ремесленников. Вавилоняне захватили в качестве добычи все сокровища царского дворца и храма в Иерусалиме. Это произошло в начале мая 597 г., через 3 месяца 10 дней после воцарения Иехонии.

Так в 597 г. начался знаменитый «вавилонский плен» иудейского народа. Общее число пленников достигло 10 тысяч человек, не считая угнанных вместе с ними домочадцев. Это был цвет иудейского народа, его имущие и наиболее социально активные слои. Навуходоносор сохранил автономию Иудеи и назначил ее царем Седекию, младшего сына царя Иосии, дядю Иехонии. Он наложил на иудеев дань и взял с Седекии клятву хранить верность Вавилону и не вступать в сношения с Египтом⁶³.

Земли и прочее имущество угнанных в плен иудеев перешли в руки «бедного народа земли», оставшегося в Иудее. Пленники, находясь в Вавилонии, долго не могли примириться с этим. Они считали только себя истинным Израилем, а законным царем только Иехонию, томившегося в вавилонской темнице. К оставшимся на родине иудеям они относились с презрением, именуя их «очень плохими смоквами», а себя называли «очень хорошими смоквами».

Египет оставался безучастным зрителем расправы над Иудеей. Война за «ассирийское наследство» закончилась.

Вавилон стал хозяином всей Сирии, Палестины и Финикии. В вавилоно-египетском соперничестве наступила пауза.

В эти годы внимание Навуходоносора и вавилонян было приковано к скифской угрозе. У ног хищных кочевников лежали разграбленные ими Мидия, Урарту, Манна, Ассирия, Заречье, Малая Азия. Только Египет и Вавилония, самые богатые страны Ближнего Востока, избежали этой участи. Египет был слишком далек и недоступен. И вот жадные взоры степняков обратились на Вавилон, который до этого времени считался их союзником.

В 597–595 гг. над Вавилонией нависла страшная угроза нашествия скифов. На границах происходили постоянные стычки. Отряды варваров прорывались до стен самого Вавилона и осыпали их своими свистящими на лету стрелами. Земледелие, основа жизни страны, пришло в упадок. Многие вавилоняне были оторваны от своих хозяйств: одни находились на военной службе, другие из-за скифов боялись работать в поле и прятались за стенами городов. Цена на ячмень и финики поднялась до 1 сикля серебра за 2 суту, то есть была в 15 раз выше нормальной⁶⁴. Навуходоносор в заботах об обороне страны метался между Кархемишем и долиной Тигра. А скифы собирали силы для вторжения в Вавилонию, потребовав вспомогательные войска от своих клиентов — Урарту, Манны и Мидии.

В Вавилоне с трепетом следили за надвигающимся смерчем. Многочисленные пленники, в том числе иудеи, ждали неминуемой, казалось, гибели Вавилона. С одной стороны, они жаждали возмездия своим поработителям, а с другой — боялись, что скифский ураган унесет вместе с Вавилоном и их самих.

Но сия горькая чаша миновала Вавилон. Избавление пришло неожиданно. В самый разгар подготовки скифов к вторжению в Вавилонию мидийский царь Киаксар заманил скифских вождей с их свитой к себе на пир. Когда гости, утратив всякую осторожность, перепились, мидяне перебили их. Лишившись руководства, скифы потерпели жестокое поражение. Гегемонии их в Передней Азии, просуществовавшей двадцать восемь лет, пришел конец. Она пала так же внезапно, как и возникла. Разгромленные мидянами ски-

фы бежали за горные цепи Кавказа в родные степи Причерноморья.

Прошли века, и вот в степях Украины и Кубани при раскопках скифских курганов, относящихся к первой половине VI в. до н.э., археологи нашли знаменитые Мельгуновский, Келермесский и другие клады, составлявшие погребальный инвентарь похороненных под этими курганами вождей. Среди находок оказались драгоценные предметы азиатского происхождения, в том числе ассирийский меч с золотыми ножами и золотым эфесом. Возможно, некогда он принадлежал самому Ашшурбанипалу, последнему великому царю Ассирии. Ныне ассирийский меч и многие другие вещи хранятся в Эрмитаже и других музеях. Это — остатки сокровищ, награбленных скифами в Ниневии, Харране, Аскалоне и других городах Передней Азии, немые свидетели их легендарных походов и эфемерного величия.

Падение гегемонии скифов вызвало у народов Передней Азии вздох облегчения. Но, как известно, радость и горе — близкие соседи. Скифы оставили «наследство» в виде обширных территорий, находившихся под их властью. На эти территории тотчас же нашлись претенденты, между которыми вскоре вспыхнула война, охватившая весь Ближний Восток и принесшая новые страдания его измученному населению.

Первыми претендентами на «скифское наследство», естественно, были мидяне. Они поспешили захватить Ассирию с развалинами Ниневии, Кальху и Арбелы. Под их ударами пали Манна и Урарту, сохранявшие под властью скифов автономию. Именно в это время мидяне разрушили урартскую столицу Тушпу (современный Ван), а также крепость Тейшебаини (руины Кармир-Блур), которую, как показали раскопки, оборонял скифский гарнизон.

Вавилон, союзник Мидии, овладел рядом территорий в Северной Месопотамии — провинциями Нацибину, Руцапу, Ашшур и Гутиум (в долине Диялы). Вавилоняне захватили также Сузы и западную часть Элама. А на востоке Элама, в Аншане, утвердились персы, клиенты Мидии.

В 594 г. умер египетский фараон Нехо. Его преемник Псамметих II (594—588 гг.) тотчас же начал подготовку

к большой войне с Вавилоном. Египетская агентура в Заречье активизировалась. В 594 г. в Иерусалиме тайно собрались послы царей государств Моава, Эдома, Аммона, Тира и Сидона для переговоров с иудейским царем Седекией о совместном выступлении против Вавилона. Вслед за тем иудейские послы отправились в Египет просить помощи у фараона. Царь Седекия, обязанный трон Навуходоносору, в душе был против войны — он не верил в ее благоприятный исход. Но, будучи человеком нерешительным, он не мог помешать росту антивавилонских настроений среди уцелевших от плена иудеев. Многочисленные пророки открыто призывали к восстанию. Голоса немногих трезвых политических деятелей тонули в этом хоре.

В сентябре 593 г. в Иерусалиме на народном собрании произошел диспут по вопросам внешней политики между пророками Иеремией и Ананией. Колотя себя в грудь, Анания уверял присутствовавших, что не пройдет и двух лет, как падет вавилонское иго и в Иерусалим вернется царь Иехония вместе с пленными и сосудами храма. Иеремия с иронией заметил ему, что до сих пор пророками считали тех, кто предсказывал войну, бедствие и мор, но отнюдь не мир. Взбешенный Анания сорвал с Иеремии шейное ожерелье, разломал его и под одобрительный рев толпы заявил, что именно так бог Яхве сокрушит ярмо вавилонского царя Навуходоносора. Иеремия поспешно бежал с собрания.

Волнение охватило и иудейских пленников в Вавилонии. Здесь также подвизались пророки, гадатели и чародеи, сулившие скорый конец плена. Вавилонские власти отвечали репрессиями. Двух таких пророков, Ахава и Седекию, по приказу Навуходоносора изжарили живьем на медленном огне. С агитацией фанатиков пытался бороться пророк Иезекииль. Будучи сам иудейским аристократом, он с неприязнью относился к царю Седекии и его окружению в Иерусалиме. Тем не менее Иезекииль понимал причины, которые привели Иудею к катастрофе в 597 г. Не жалея красок, он клеймил иудейскую знать за идолопоклонство, ростовщичество, притеснение бедноты и пришельцев-неевреев, осуждал ее проегипетскую ориентацию во внешней политике. Сам факт отправки царем Седекией посольства в Египет Иезе-

кииль называл клятвопреступлением, которого Навуходоносор не простит.

В 591 г. фараон Псамметих II во главе флота и в сопровождении сонма жрецов прибыл якобы с религиозными целями в финикийский город Гебал⁶⁵. Это была прямая провокация против Вавилона, под властью которого находилась Финикия. Фараон демонстрировал военно-морскую мощь Египта населению Заречья, поощряя его тем самым к восстанию.

Большая война вспыхнула в 590 г. Поводом для нее послужило событие, о котором Геродот рассказывает так: «Отряд кочевников-скифов из-за распрей удалился в Мидийскую землю в то время, когда мидянами правил Киаксар, сын Фраорта, внук Дейока, который сначала принял этих скифов благосклонно как молящих о покровительстве. Он даже высоко ценил их и поручал им обучать мальчиков своему языку и стрельбе из лука. Так прошло некоторое время. Скифы, занимаясь охотой, всегда что-нибудь приносили с собой домой. Однажды они не принесли с собой ничего, вернулись с пустыми руками. Киаксар, будучи, очевидно, вспыльчивым, обошелся с ними оскорбительно. Считая себя не заслуживающими такого обращения со стороны Киаксара, скифы решили зарезать одного из обучавшихся у них мидийских мальчиков, приготовили его так, как обыкновенно готовили дичь, и поднесли Киаксару под видом охотничьей добычи, а затем поспешно ушли к Алиатту, сыну Садиятта, из Сард (то есть к лидийскому царю). Так это произошло. Киаксар и его сотрапезники ели мясо мальчика, а скифы, сделав это, искали у Алиатта защиты. Между тем Алиатт не выдал скифов по требованию Киаксара, из-за чего между лидийцами и мидянами началась война, длившаяся пять лет»⁶⁶.

Трудно установить, где здесь кончается правда и начинается вымысел. Да в этом и нет необходимости. Именно так, как рассказывает Геродот, объясняли возникновение войны современники, и в главном они, несомненно, были правы — война началась из-за скифов: Киаксар потребовал от Лидии выдачи укрывшихся на ее территории скифов и, конечно, уступки той части «скифского наследства», которую успели захватить лидийцы.

Вскоре после этого, осенью 589 г., по сигналу из Египта, состоявшего в союзе с Лидией, подняли восстание иудеи. В Иерусалиме понимали, что война с Вавилоном будет нелегкой. Готовясь к ней, царь Седекия и весь народ заключили завет: строго соблюдать «Второзаконие», освободить всех рабов-евреев и впредь их не порабощать. Это решение было выполнено.

Навуходоносор не заставил себя ждать и вскоре появился во главе армии на иудейских границах. Прочие мелкие государства-клиенты не посмели примкнуть к восстанию и по требованию Навуходоносора выставили свои вспомогательные отряды. С особым усердием поддерживал вавилонянин Эдом, южный сосед и извечный недруг Иудеи. Иудея осталась в одиночестве. Вавилоняне опустошили ее территорию и осадили Иерусалим, а также города Лахиш и Азек, где засели иудейские гарнизоны.

Осада Иерусалима началась 15 января 588 г., а через 25 дней, 8 февраля 588 г., вскоре после возвращения из похода в Нубию, умер фараон Псамметих II. На египетский престол вступил его сын Априй, который, выполняя обещание отца иудеям, двинул в Азию свои армию и флот. Навуходоносор, узнав о наступлении египтян, отступил от Иерусалима. На суше египтяне потерпели неудачу, но на море одержали победу над флотом финикийского города Тира, посланным в бой Навуходоносором. Финикийские моряки не хотели по-настоящему драться с египтянами за интересы Вавилона. Вавилон был для финикийцев угнетателем, а с Египтом их связывали давние и прочные экономические, политические, религиозные и культурные отношения. В египетском флоте служило много финикийских наемников.

После побед на море египтяне заняли Финикию. Они намеревались обосноваться здесь всерьез и надолго. В Гебале, например, они построили казармы и храм. Египетское проникновение в Финикию серьезно поколебало вавилонское господство в Заречье. Восстал Дамаск. Попытки мятежа имели место в Хамате и Арпаде. К тому же в Сирию с севера неоднократно вторгались «Гог и Магог» — так в Библии именуется лидийцы, союзники Египта, которые вели войну

с Мидией, союзницей Вавилона. Навуходоносору пришлось потратить немало сил и времени, чтобы восстановить вавилонское господство в Заречье.

Между тем в Иерусалиме ликовали. Иудейские верхи, затеявшие восстание, уверовали в победу и по этому случаю немедленно нарушили завет, заключенный в начале войны. Богатеи и ростовщики, «раздумав, стали брать назад рабов и рабынь, которых отпустили на волю, и принудили их быть рабами и рабынями». Пророк Иеремия сурово осуждал как само восстание, так и поведение иудейской верхушки. Он не сомневался, что дело кончится катастрофой. Когда царь Седекия, не разделявший воинственных настроений своего окружения, обратился через верных людей к Иеремии за советом, тот ответил: «Не обманывайте себя, говоря: “непременно отойдут от нас халдеи”, ибо они не отойдут; если бы вы даже разбили все войско халдеев, воюющих против вас, и остались бы у них только раненые, то и те встали бы, каждый из палатки своей, и сожгли бы город сей (то есть Иерусалим. — В. Б.) огнем»⁶⁷.

Иеремия пытался покинуть Иерусалим, но его схватили, обвинив в намерении перебежать к халдеям, избили и бросили в темницу. Пророка спас царь Седекия. Он забрал его из тюрьмы и укрыл в доме своей стражи.

Летом 587 г. вавилоняне снова появились под стенами Иерусалима. Иерусалим был одной из самых мощных крепостей Древнего Востока. До сих пор его не могла взять штурмом еще ни одна армия, в том числе и полчища ассирийского царя Синаххериба, которые потерпели здесь неудачу в 701 г. В отличие от 598—597 гг. иудеи тщательно готовились к борьбе и были преисполнены решимости сражаться до последней возможности. Вавилонянам приходилось осаждать Иерусалим с величайшим напряжением сил. Они возвели осадные валы и башни вровень с городскими укреплениями, подвели к стенам и воротам тараны. Иудеи защищались с исключительной стойкостью. В тех местах, где противник готовил проломы в стенах, они устроили завалы, ломая для этой цели городские дома, в том числе и царские. Вавилоняне несли большие потери, отбивая непрерывные вылазки осажденных.

К тяготам осады в Иерусалиме вскоре присоединились муки голода. Запасы хлеба в городе иссякли. Нехватка провианта и скученность населения привели к вспышке эпидемических заболеваний. На улицах Иерусалима разыгрывались жуткие сцены. Старики сидели на земле, опоясавшись вретисшем и посыпав в знак скорби головы пеплом. У матерей пропало молоко. Дети молили о хлебе, но никто им не подавал. Они умирали от голода прямо на улицах. Матери, разум которых помутился от страданий, убивали и ели своих младенцев. Даже князья иудейские, которые были некогда «чище снега, белее молока, краше кораллов и сапфиров», почернели, стали неузнаваемыми. Их кожа прилипла к костям, высохла, как дерево. Погибавшие от меча были счастливее умирающих от голода. И все же Иерусалим держался. Еще теплилась надежда на египтян, но она была тщетной. «Наши глаза истомлены в напрасном ожидании помощи, — восклицал один из защитников Иерусалима, — со сторожевой башни нашей мы ожидали народ, который не мог нас спасти»⁶⁸.

Особенно упорствовали в нежелании сдать город иудейские верхи, державшие в руках царя Седекию. Они понимали, что вавилоняне не дадут им пощады. Зато среди иудейских низов росло число перебежчиков. Они не хотели гибнуть с властью имущими. Те отвечали репрессиями против всех недовольных и ропщущих. Не избежал преследований и пророк Иеремия, приводивший магнатов в ярость своими суровыми обличениями. Втайне согласный с пророком царь Седекия старался уберечь его от расправы. Но Иеремия сам накликал на себя беду.

Во дворе дома стражи, где его укрыли под видом заключенного, пророк публично оформил покупку у своего двоюродного брата участка земли, находившегося в занятом вавилонянами селении Анатот. Передавая своему писцу Варуху документы, Иеремия во всеуслышание заявил: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: возьми сии записи, эту купчую запись, которая запечатана, и эту запись открытую, и положи их в глиняный сосуд, чтобы они оставались там многие дни. Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: дома и поля и виноградники будут снова покупаемы в земле сей»⁶⁹.

То была открытая демонстрация против войны и затеваемой ее знати. И все присутствовавшие отлично поняли мысль Иеремии: судьба народа и судьба верхов не одно и то же — верхи за свои злодеяния понесут кару, но народ не погибнет и снова будет жить в мире. Магнаты не без оснований видели в Иеремии пораженца, призывавшего прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться Навуходоносору. Царю Седекии пришлось выдать пророка на расправу. Иеремию бросили в цистерну, в которой вместо воды осталась лишь грязь, чтобы он умер голодной смертью. Однако ночью царские слуги вытащили его и снова спрятали во дворе дома стражи. В тайной беседе Иеремия уговаривал царя сдаться халдеям, чтобы спасти Иерусалим от гибели, но Седекия побоялся последовать его совету. Проведав об этой беседе, магнаты устроили пророку допрос. Иеремия отвечал по наущению Седекии, что просил царя не отсылать его в темницу. Магнаты поверили и оставили его в покое.

18 июля 586 г. тараны пробили брешь в стене, и поздно вечером вавилоняне ворвались в Иерусалим. Среди генералов, бравших город, был Нергал-шарру-уцур, будущий царь Вавилона. Под покровом ночи царь Седекия с семьей и отрядом воинов через потайной ход бежал из Иерусалима. Но вавилоняне вскоре обнаружили побег и организовали погоню. Близ Иерихона Седекия и его свита были взяты в плен и доставлены в Риблу, ставку вавилонского царя. По приказу Навуходоносора на глазах Седекии закололи его сыновей и всех пленных иудейских князей. Самого Седекию ослепили, заковали в медные цепи и отправили в Вавилон, где он окончил жизнь в темнице.

Через месяц после этого, 17 августа 586 г., в Иерусалим прибыл вавилонский вельможа Набу-зер-иддин, начальник царских телохранителей, с повелением Навуходоносора уничтожить город. Вавилоняне сожгли в Иерусалиме все строения, в том числе дворец и храм, и срыли его стены. Вся храмовая утварь, золотая, серебряная и медная, стала добычей победителей. Уцелевших после осады и штурма иудейских граждан — всего 832 души, не считая их жен, детей и рабов, — Набу-зер-иддин угнал в вавилонский плен. В Иудее остались только неимущие. Им были переданы виноградники,

сады и поля. Иудея была обложена данью и стала рядовой вавилонской провинцией. Ее наместником назначили иудея Годолию.

Навуходоносор приказал разыскать и наградить Иеремию, считая его деятельность особо ценной заслугой перед Вавилоном. Набу-зер-иддин нашел пророка среди пленных, снял с него цепи и предложил либо переселиться в Вавилон, либо остаться на родине. Иеремия предпочел родину. Тогда его богато одарили, снабдили продовольствием и отпустили на волю.

Однако едва в стране начала налаживаться мирная жизнь и земледельцы сняли богатый урожай плодов, как в октябре 586 г. избежавшие плена магнаты убили наместника Годолию. Вконец перепуганные, жители не стали дожидаться кары и, бросив все свое имущество, бежали в Египет. Они увели с собой и старого пророка Иеремию. Иудея опустела.

Тем временем война между Мидией и Лидией шла с переменным успехом уже шестой год. Обе стороны не могли добиться победы и были утомлены. 28 мая 585 г. между противниками началась очередная битва. Закончилась она самым непредвиденным образом. В этот день произошло полное солнечное затмение. Сначала солнце померкло, а затем наступила тьма. Мгновенно позабыв о своей вражде, мидяне и лидийцы в ужасе побросали оружие. Как только солнце через некоторое время снова засияло на небе, они решили, что пора перестать гневить богов, и поспешили заключить мир.

Мирный договор был составлен при активном посредничестве киликийского царя Свеннесия и вавилонского посла Набонида. Его условия предусматривали раздел «скифского наследства» в Малой Азии. Мидянам досталась Каппадокия, а лидийцам — Фригия; границей между обеими державами стала река Галис. Области Катаонию, Мелитену и Коммагину отдали Киликии. Мир был скреплен браком мидийского царевича Астиага, сына Киаксара, и лидийской царевны Ариеннис, дочери Алиатта⁷⁰.

Так закончилась война за «скифское наследство». Но в Заречье военные действия продолжались. Навуходоносор занимался здесь ликвидацией мелких государств, которые

постоянно служили опорой Египту. Он взял финикийский город Сидон и разгромил государство Эдом в Южной Палестине. И только Тир продолжал упорно сопротивляться.

Тир, крупнейший финикийский город-государство, по праву считался самой мощной крепостью в мире. Старая часть города (Ушу) была расположена на материке, а на близлежащем островке находилась неприступная цитадель, собственно Тир. Пророк Иезекииль так воспевал богатство и славу Тира:

«Пределы твои в сердце морей; строители твои усовершенствовали красоту твою: из Сенирских кипарисов устроили все помосты твои; брали с Ливана кедр, чтобы сделать на тебе мачты; из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских; узорчатые полотна из Египта употреблялись на паруса твои и служили флагом; голубого и пурпурового цвета ткани с островов Елисы были покрывалом твоим. Жители Сидона и Арвада были у тебя гребцами; свои знатоки были у тебя, Тир; они были у тебя кормчими. Старшие из Гевала и знатоки его были у тебя, чтобы заделывать пробоины твои. Всякие морские корабли и корабельщики их находились у тебя для производства торговли твоей...»

В войске Тира служили наемники из Египта, Лидии, Ливии, Арвада. Их щиты и шлемы сверкали на его башнях, их колчаны висели на его стенах. Они довершали красу Тира.

«Фарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои серебром, железом, свинцом и оловом, — продолжает Иезекииль. — Иаван (Иония), Фувал (Каппадокия) и Мешех (Фригия) торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду. Из дома Фогарма (Мелитены) за товары твои доставляли тебе лошадей, и строевых коней, и лошаков... В уплату тебе доставляли слоновую кость и черное дерево. По причине большого торгового производства твоего торговали с тобою арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми, и виссонами, и кораллами, и рубинами. Иудея и земля Израилева торговали с тобою; за товар твой платили пшеницею миннифскою, и сладстями, и медом, и деревянным маслом, и бальзамом. Дамаск... тор-

говал с тобою вином хелбонским и белою шерстью...»⁷¹ В Тир поступали железные изделия из Ионии, кассия, благовонная трость, дорогие конские попоны, скот, благовония, драгоценные камни и золото из Аравии. Из Ассирии и Месопотамии привозили драгоценные одежды, тонкие узорчатые материи в дорогих кедровых ящиках. Торговля Тира простиралась до полусказочного Фарсиса в Испании, омываемого волнами Атлантического океана.

Да, Тир был городом богатым и весьма славным среди морей. Им не мог овладеть ни один завоеватель. И вот теперь эту задачу предстояло решить Навуходоносору.

Осада Тира началась 23 апреля 587 г. и продолжалась 13 лет (до 575 г.). Вавилоняне легко завладели материковой частью города, но были бессильны сокрушить цитадель на острове. Они не имели достаточно сильного флота, способного блокировать Тир с моря. Оставалось надеяться лишь на истощение тирийцев. Блокада города с суши велась с невиданным упорством. «Навуходоносор, царь Вавилонский, утомил свое войско большими работами при Тире; все головы оплели и все плечи стертые; а ни ему, ни войску его нет вознаграждения от Тира за работы, которые он употребил против него»⁷² — так с нескрываемой иронией говорил об осаде Тира пророк Иезекииль.

Тир держался стойко, несмотря на огромный ущерб, причиняемый блокадой его торговле. К тому же он постоянно поддерживал морем связь с Египтом и получал оттуда помощь.

В 582 г. Навуходоносору удалось наконец закончить войну с Египтом. Вавилоняне разгромили Аммон и Моав — последние государства-клиенты в Трансиордании, на которые мог рассчитывать Египет, а затем появились непосредственно на его границах. Трудно сказать, имело ли тогда место вторжение вавилонян в долину Нила. Как бы то ни было, между Египтом и Вавилоном в 582 г. был заключен мир. Египтяне выдали вавилонскому вельможе Набу-зер-иддину, тому самому, который уничтожил Иерусалим, укрывшихся в их стране иудеев в количестве 745 душ. Теперь весь иудейский народ находился в вавилонском плену. Мир между Египтом и Вавилоном скрепили браком Навуходоносора и египет-

ской царевны Нейтакерт (Нитокрис). Последней суждено было сыграть немаловажную роль в истории Вавилона.

Тир остался в одиночестве, но только через семь лет, в 575 г., сдался Навуходоносору. Правда, он сохранил автономию и не пустил в свои стены вавилонский гарнизон, однако выдал заложников и принимал правителей в лице то судей, то царей, которых присылали из Вавилона⁷³.

Заключительный аккорд вавилоно-египетского соперничества связан с гражданской войной в Египте в 570–567 гг. Против фараона Априя, родственника Навуходоносора, опиравшегося на ионийских и карийских наемников, восстали египтяне, провозгласившие фараоном Амасиса (Яхмоса), одного из египетских военачальников. В 568–567 гг. Навуходоносор вторгся в Египет и прошел всю страну до Фив. Однако он не собирался завоевывать Египет и, убедившись, что Априй не в состоянии удержаться на троне, вернулся в Вавилон. Амасис одержал над Априем победу и установил с Вавилоном прочные мирные отношения. Все Заречье осталось за вавилонянами, а египтянам достался остров Кипр⁷⁴.

Итогом многолетних и кровопролитных войн, которые вели Набопаласар и Навуходоносор II, явилось возникновение Нововавилонской империи. В ее состав вошли почти все страны Благодатного полумесяца. Эта империя была создана силой оружия, но Навуходоносор II, ее создатель, никогда не обманывался насчет возможностей Вавилона. Вавилон вышел победителем в войнах благодаря союзу с Мидией, и Навуходоносор знал, что в этом союзе Вавилон более слабый партнер и что мидяне рано или поздно поймут это и обрушат на него свой удар. Поэтому главная цель внешней политики Навуходоносора состояла в достижении мира на Ближнем Востоке.

Мирный договор 585 г. между Мидией и Лидией, заключенный при активном посредничестве Вавилона, и установление добрососедских отношений между Вавилоном и Египтом явились крупными дипломатическими успехами Навуходоносора. Была создана система международного равновесия между четырьмя великими державами — Мидией, Лидией, Вавилоном и Египтом. В существовании этой системы прежде всего был заинтересован Вавилон,

так как ему в первую очередь грозило нападение со стороны Мидии, самого сильного из государств Ближнего Востока. Теперь Навуходоносор имел возможность противопоставить мидийской угрозе союз с Лидией и Египтом, которые тоже были заинтересованы в сдерживании мидийской экспансии.

Во второй половине царствования Навуходоносора II мидийская угроза стала для Вавилона главной опасностью. С Мидией, правда, поддерживались дружественные отношения, что, однако, не мешало Навуходоносор энергично укреплять Вавилон и границы своего государства. Севернее Сиппара и Описа, там, где перешеек между Евфратом и Тигром наиболее узкий, возвели мощную линию укреплений. Основу ее составляли сплошной ров и вал с башнями. Эта линия укреплений получила название Мидийской стены, так как должна была преградить путь возможному вторжению мидян в Вавилонию⁷⁵.

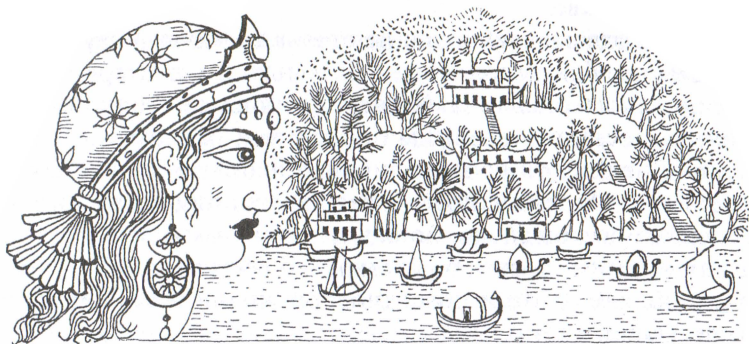
Как бы подводя итоги своей внешней политики, Навуходоносор в одной из надписей говорит: «С вышней помощью богов дальние страны, далекие горы, от Верхнего моря до Нижнего моря, дурными дорогами, глухими тропами, где задерживался шаг, некуда ступить было ногой, тяжелыми путями, дорогами жажды я прошел, непокорных перебил, пленил врагов. В стране я навел порядок и дал процветать народу. Плохих и злых среди народа я удалил. Серебро, золото, драгоценные камни, медь, ценное дерево — все, что дорого, золотые плоды, урожай гор, продукты моря, тяжелое множество, изобильные дары в мой город Вавилон я принес пред богами»⁷⁶.

Это очень скромная оценка своей деятельности, сделанная воином с головы до пят, солдатом, который провел в походах и боях почти всю жизнь. Сохранилось довольно большое количество надписей Навуходоносора II, но напрасно мы будем искать в них описания военных подвигов, завоеваний, штурма городов, перечня добычи, расправ с пленными, то есть всего того, что столь характерно для надписей ассирийских царей. В развалинах вавилонских дворцов не найдено ни одного рельефа, ни одного изображения военных сцен. В надписях Навуходоносора II и его преемников почти не

говорится о войнах — речь идет только о поклонении богам и строительной деятельности. Если бы мы располагали только надписями самого Навуходоносора II, то могли бы сделать лишь один вывод: этот царь был самым мирным государем во всей древней истории, абсолютно не помышлявшим о военной славе.

И дело здесь не только и не столько в личной скромности самого Навуходоносора II, сколько в характере нововавилонского общества. В Вавилоне времен столпотворения не хвастались военными подвигами. В этом обществе ценили не заслуги на поле битвы, а нечто другое — размер земельных владений, количество рабов и городских домов, содержимое кошелька, ловкость в денежных и торговых делах — одним словом, богатство. Вот об этом-то обществе, о его облике, быте и повседневной жизни и пойдет речь в следующих главах.

Эта страна — плодороднейшая из всех нам известных, приносящих плоды Деметры.

Геродот, I, 193

В глазах соседних народов Вавилония представлялась райским садом. Но за несколько тысяч лет до описываемого времени на ее месте шумело море. Евфрат, Тигр, Карун, Керха и множество других рек и речек заполняли его ложе своими наносами. Шли века. Море постепенно отступало все дальше на юг. Так образовались плоская низменность Вавилонии и современный Персидский залив. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Кромка морского берега отступает в среднем на 25 метров в год.

Широко известны слова Геродота, назвавшего Египет «даром Нила». Вавилонию же с не меньшим правом можно назвать «даром Евфрата и Тигра». Эти реки своими отложениями создали низменность с ее сказочно богатой почвой и дали ей жизнь — воду. Однако райский сад был создан не природой, а трудом человека.

В глубокой древности, как и ныне, Евфрат и Тигр ежегодно разливались, затопляя свои широкие поймы. Они часто меняли русло, их воды заболачивали огромные пространства. Страна представляла собой хаотическое смешение воды и суши. Плавни и непроходимые джунгли, заросшие гигантским тростником, чередовались с выжженными солнцем и покрытыми солончаком участками пустыни. Низменность была заражена холерой, дизентерией, малярией, тропической лихорадкой. Человека на каждом шагу подстерегали хищные звери, ядовитые змеи и скорпионы. В воздухе вились тучи комаров, гнуса и песчаных мух. Это был не райский сад, а болотный ад.

Таким застали Южное Двуречье шумерийцы и аккадские семиты. Проходили века, рождались и умирали поколения, а борьба с могучими силами природы продолжалась. Люди отделяли сушу от воды. Они создавали свою страну. В этом титаническом труде на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. родилась шумерийская цивилизация, наряду с египетской древнейшая на земле. Ее наследниками были вавилоняне.

К описываемому времени в стране существовала сложная и эффективная система оросительных и осушительных каналов, которая как при царе Навуходоносоре II (605–562 гг.) была доведена до такого совершенства, какого никогда больше не знала. Геродот, посетивший Вавилонию сто лет спустя, писал: «Земля же ассирийцев (то есть вавилонян. — В. Б.) орошается дождем мало, и его достаточно только для питания корней хлебов. Вырастает же посев и созревает хлеб при помощи орошений из реки. Впрочем, эта река (Евфрат. — В. Б.) не разливается по полям, как в Египте; орошают здесь руками и с помощью насосов. Ведь вся Вавилонская страна так же, как и Египет, изрезана каналами»⁷⁷.

Итак, при Навуходоносоре и Геродоте Евфрат больше не разливался, как разливался ранее и разливается в настоящее время. Вавилонские инженеры в VI в. до н. э. обуздали эту капризную реку и полностью подчинили ее власти человека.

Прежде всего они отрегулировали русло Евфрата, укрепили его дамбами, где спрямили, где сделали извилистым. Река уже не могла менять ложе по своей прихоти. Затем были восстановлены старые и вырыты новые магистральные кана-

лы, с помощью которых часть паводковых вод Евфрата сбрасывалась в Тигр. Таким путем регулировался расход воды в обеих реках. Наконец, в 60-х гг. VI в. до н.э. было закончено строительство канала Паллукат, и стране перестали угрожать ежегодные разливы Евфрата. Канал Паллукат отходил вправо от Евфрата в том месте, где река вступает на Вавилонскую низменность. Греко-римский историк Арриан (около 95—175 гг.), основываясь на рассказах сподвижников Александра Македонского, так описывал роль этого канала в ирригационном режиме страны:

«Она (река Паллакопа, то есть Паллукат. — *В. Б.*) отстоит от Вавилона стадий на 800 (около 150 километров. — *В. Б.*) и представляет собой канал, отведенный от Евфрата, а не настоящую реку, берущую начало от источников. Евфрат, вытекая из гор Армении, зимой порой течет в берегах, потому что воды в нем немного. С наступлением же весны и особенно около летнего солнцезворота он становится полноводным и выходит из берегов, затопляя Ассирию (то есть Вавилонию. — *В. Б.*). В это время на горах Армении тают снега, вода в реке сильно прибывает, поднимается вровень с берегами, выходит из них, и страна была бы затоплена, если бы воду не отвели по Паллакопе в болота и озера, которые, начинаясь от Паллакопы, идут до границ Аравии, растекаются большей частью по заболоченному пространству и оттуда вливаются в море множеством незаметных устьев. После таяния снегов, около захода Плеяд, Евфрат мелеет, но тем не менее значительная часть его вод уходит по Паллакопе в озера. Если бы на Паллакопе не было плотин, которые заставляют воду повернуть и уйти в свои берега, то весь Евфрат ушел бы в Паллакопу и Ассирия (то есть Вавилония. — *В. Б.*) осталась бы без его вод»⁷⁸.

Магистральные каналы и канал Паллукат позволили также оросить крупные массивы земель, которые лежали за пределами речных пойм и страдали от недостатка влаги. От магистральных каналов в разные стороны отходили распределительные каналы и арыки. Греческий писатель Ксенофонт, побывавший в Северной Вавилонии в 401 г. до н. э., замечает, что там постоянно «встречались рвы и каналы, наполненные водой, через которые нельзя было перейти без мостов»,

что «от каналов по всей стране прорыты рвы, сперва большие, а дальше меньших размеров; под конец идут маленькие канавы, которые можно видеть в Элладе на полях, засеянных просом»⁷⁹. В арыки вода из реки и магистральных каналов либо поступала самотеком, либо подавалась с помощью водочерпалок — шадуфа (*вавил. dalu*) или черда (*вавил. artabu*), которые и поныне можно видеть на полях Ирака.

Ирригация играла исключительно важную роль в жизни Вавилонии. От нее зависело состояние земледелия, решающей отрасли экономики страны. Созданная в глубокой древности, ирригационная система непрерывно поддерживалась, расширялась и совершенствовалась. Ирригационные работы велись постоянно и требовали громадных затрат труда всего населения⁸⁰.

Магистральные каналы сооружались государством. Их строительство и ремонт часто упоминаются в надписях царей Набопаласара, Навуходоносора II, Нергал-шарру-уцур и Набонида. Вот, например, рассказ царя Набопаласара о работах по регулированию русла Евфрата у города Сиппара:

«Евфрат удалился от Сиппара, высокого священного города, любимого богом Шамашем и богиней Айей, и для омовений их владычеств вода была далека, чтобы черпать ее. Я, Набу-аплу-уцур, смиренный, кроткий, чтящий богов, прорыл Евфрат к Сиппару и доставил в изобилии чистые воды для бога Шамаша, моего господина. Берег этой реки я укрепил асфальтом и обожженным кирпичом и построил набережную благополучия для бога Шамаша, моего господина»⁸¹.

Государство в лице царской власти привлекало к ирригационным работам население всей страны. Так, Иннин-шарру-уцур, должностное лицо урукского храма Эанны, в письме упрекал своего коллегу: «Почему ты нерадив в отношении царя? Я отправил тебе письмо, но ответа на мое письмо не видел. Ты не пришел, и со всей страной Аккад на большой канал ты не явился»⁸².

Местные распределительные каналы сооружались отдельными городскими общинами. Работами ведали храмы, которые привлекали к ним местное население. Продолжал действовать древний принцип поголовного участия всех гра-

ждан, включая самого царя, в строительных, прежде всего ирригационных, общественных работах. Однако вместо личного отбывания трудовой повинности гражданин мог выставить в качестве заместителя, который назывался «урашу», либо своего раба, либо наемного работника. Наконец, он мог просто откупиться от повинности деньгами или натурой. Так возник налог, называемый тоже «урашу». О том, как на практике выполнялась трудовая повинность, можно судить по следующим примерам.

В 543 г. царь Набонид привлек граждан к строительству набережных Вавилона. Каждому в зависимости от его имущественного ценза был отведен участок работ. Среди граждан, привлеченных к работам, находился Табия, сын Набу-аплу-иддина, потомка Синили, человек довольно богатый. Сам Табия был стар, и повинность легла на плечи его сыновей; старшего из них звали Мардук-шум-ибни. Советник Вавилона, руководивший работами, подобрал подрядчика, который в качестве урашу взял на себя постройку участка набережной, отведенного семье Синили. Мардук-шум-ибни и его братья, сыновья Табии, должны были лишь оплатить стоимость строительных материалов, труд подрядчика и выделить ему в качестве рабочей силы трех рабов. За все остальное нес ответственность подрядчик-урашу⁸³.

Богач Иддин-Мардук, сын Икиши, потомка Нур-Сина, постоянно откупался от повинности деньгами, а иногда выставлял рабочих-урашу. При этом все расчеты с властями обычно за него вели жена, сын и зять или даже доверенный раб Нергал-рицуа. Сам Иддин-Мардук считал ниже своего достоинства вникать в это дело⁸⁴.

Так отбывали трудовую повинность состоятельные вавилоняне. Бедным же приходилось работать самим наравне с урашу из наемных работников, пленников и рабов. Всех их независимо от юридического статуса называли «мужиками» (sabe). О сборе работников-урашу часто упоминают деловые документы того времени. Вот один из них:

«10 урашу от подчиненных ему жителей селения Агррия, сын Набу-дала, должен созвать и сдать на канале Харри-Киппи. Если Набу-балатсу-икби, кондуктор арендатор канала Нар-Пикуду, пошлет за этими урашу к нему, а он урашу

не даст, то он (Агрив) понесет наказание от Губару, областеначальника Вавилон и Заречья. (Следуют имена свидетелей и писца.) Селение Машкан-или, имение богини Бэлит Урукской, 14 симану 2-го года Камбузии царя Вавилон (12 июля 528 г.)»⁸⁵.

На плечи мужиков ложился очень тяжелый труд. Об этом без прикрас говорится в донесениях руководителей работ храмовым властям. Здесь можно прочесть, что мужики голодают и мрут как мухи, что при первой возможности они разбегаются, так как не в силах выдержать каторжные условия работы и произвол больших и малых начальников, которые систематически разворовывают причитающиеся рабочим провиант, одежду и деньги.

Арыки, орошавшие частные земли, были собственностью землевладельцев, которые брали воду из царских и храмовых каналов и платили за это ежегодный взнос в виде доли урожая или деньгами. Этот взнос, как и собиравший его чиновник, назывался «гугаллу». В арендных контрактах, как правило, имелся пункт, обязывавший арендатора следить за состоянием арыка и своевременно производить полив. Для земельных участков, будь то значительное имение или карликовая парцелла, характерна своеобразная конфигурация: они были очень узкими и длинными полосами земли, вытянувшимися вдоль арыков. В документах встречаются, например, участки таких размеров: площадью 8,25 гектара, длиной свыше 2000 метров и шириной от 37 до 43 метров; площадью 2660 квадратных метров, длиной 250 метров и шириной 11 метров; площадью 1294,4 квадратных метра, длиной 110 метров и шириной от 11 до 13 метров.

Очень часто арык орошал земли нескольких владельцев, но являлся собственностью одного из них, обычно того, кто владел головным сооружением и водочерпалкой. Тогда прочие землевладельцы платили собственнику арыка гугаллу. Бывало и так, что арык имел нескольких владельцев, между которыми из-за него происходили раздоры. Один такой конфликт между семьями Эпеш-или и Син-или тянулся на протяжении жизни трех поколений. Вот как это было.

Из магистрального канала Нар-Баниту, соединявшего Евфрат и Тигр, брал начало арык Банитумайя, от которого

го, в свою очередь, отходило несколько более мелких канав. На одной из них, принадлежавшей Бэлшуну, сыну Кудурру, потомка Ирани, находился сад семьи Син-или. Около 600 г. Бэлшуну продал свою канаву владельцу сада Бэл-ле, сыну Шум-иддина, потомка Син-или. Поскольку право собственности на канаву было спорным, на нее заявил претензии сосед Мушезиб-Мардук, сын Мардук-нацира, потомка Эпеш-или. Он имел основания опасаться семьи Син-или, которая явно стремилась завладеть землями на арыке Банитумайя. Мушезиб-Мардук хитростью заполучил купчую на канаву и якобы забыл ее у себя дома. Так между семьями Син-или и Эпеш-или началась борьба за арык и землю. Развязка наступила только при внуках Мушезиб-Мардука и Бэл-ле.

Уже упоминавшийся выше Табия (он же Таб-цилли-Мардук), сын Набу-аплу-иддина, потомка Синили, внук Бэл-ле, воспользовавшись оскудением семьи Эпеш-или, в 60-х гг. VI в. скупил у нее несколько парцелл, головные сооружения арыков и рабов. На арыке Банитумайя выросло значительное имение Табии. Семья Эпеш-или, попав в зависимость от него, вынуждена была уступить и в старом споре из-за канавы. 17 марта 553 г. Нергал-ина-эши-этир, внук Мушезиб-Мардука из семьи Эпеш-или, вернул Табии купчую на спорную канаву и обязался не мешать ему пользоваться водой из арыка Банитумайя, а Табия признал его собственником деревьев, выросших по берегам канавы⁸⁶.

А вот другой пример — на этот раз полюбовной сделки между соседями. Набу-кацир владел арыком, проходившим по земле Набу-шум-ишкуна. 12 августа 604 г. они договорились, что Набу-шум-ишкун может пользоваться арыком, но за это должен следить за водочерпалкой, подающей в него воду, и за тем, чтобы земля Набу-кацира, лежавшая выше по арыку, не испытывала недостатка воды⁸⁷.

Основными продовольственными культурами, возделывавшимися на орошаемых землях, были ячмень, финики и чеснок, составлявшие основу питания населения. Наряду с ними выращивались полба, пшеница, разнообразные овощи (горох, фасоль, бобы, огурцы, укроп, лук, салат и др.), фрукты (яблоки, гранаты, смоквы, виноград, персики, айва

и др.), миндаль. Из технических культур важными являлись сезам (кунжут), лен и горчица.

Полеводство, прежде всего возделывание ячменя и полбы, было более древней отраслью вавилонского земледелия, чем садоводство. Обработка земли под посев начиналась в ноябре, когда выпадали дожди. В мелких хозяйствах землю возделывали мотыгой или легким плугом, запрягая в него ослов или людей. В крупных хозяйствах пользовались тяжелым плугом, который тянуло несколько пар волов. Посев производили одновременно с пахотой. После этого размельчали мотыгами комья земли и бороили, чтобы закрыть семена. Бороны представляла собой доску с зубцами или зубчатый вал. Ее тянули волами, осли или люди.

Уход за посевом состоял в прополке, рыхлении почвы, поливе, охране от птиц и газелей, онагров⁸⁸ и саранчи. Вавилонские поля удивляли иноземцев, в частности греков, своей чистотой: на них не было ни кустарника, ни сорняков. Как только появлялись всходы, земледельцы дважды косили их, а затем травили скотом, для того чтобы злаки кустились и росли в колос, а не гнали в лист.

Ячмень созревал в мае — начале июня (в месяце айяру, по вавилонскому календарю). Несколько позже поспевали полба и пшеница. Чеснок же убирала в апреле. Жали серпами как древними, глиняными с кремневыми зубцами-вкладышами, так и металлическими, железными. При этом срезали только колосья: солому убирала отдельно. Молотили с помощью скота, гоняя его по току, устланному колосьями. Применялась также молотильная доска, нижняя сторона которой была утыкана острыми камнями. Зерно провеивали, подбрасывая лопатками на ветру, а затем ссыпали в зернохранилища — специальные амбары или просто в зерновые ямы. Из зерна на ручных жерновах и зернотерках готовили муку. Из нее пекли хлеб в виде лепешек, напоминавших кавказский лаваш. Зерно шло также на приготовление крупы и пива (сикеры). Его использовали и как корм для скота.

В Вавилонии исстари под ячмень и другие однолетние культуры отводили заливные земли. Ежегодные разливы рек давали не только влагу, но и естественное удобрение в виде речного ила. В VI в. до н. э. этому пришел конец и возник-

ла проблема искусственного удобрения полей. В Вавилонии и особенно в Ассирии на высоких полях, которые не затоплялись во время паводков, давно практиковалось двуполье. Ныне эту систему пришлось распространить и на низкие поля. Вместе с тем в практику начало входить и трехполье. О том, как оно выглядело в Вавилонии, можно судить по следующему примеру: арендаторы храмового имения обязались платить ренту «за 865 курру 1 пан 4 суту (1150,8 гектара) земли обработанного имения, в котором ежегодно в течение трех лет под пахоту обрабатываются по 288 курру 1 пан 4 суту (383,4 гектара) земли»⁸⁹. Таким образом, вавилонское трехполье в отличие от настоящего, средневекового, не знало севооборота; при нем под паром ежегодно оставалось две трети, а не треть обрабатываемой земли.

Двуполье и трехполье ежегодно исключали из обработки от половины до двух третей земли. Уже по этой причине их могли практиковать только крупные хозяйства, например храмовые. В них двуполье и трехполье сочетались с животноводством: земля, находившаяся под паром, служила выгоном для скота. Кроме того, крупные хозяйства употребляли в качестве удобрения навоз, запасы которого создавались благодаря стойловому содержанию скота, издавна известному в Вавилонии. Такие хозяйства теперь получили возможность выращивать на пойменных землях по два урожая в год.

Совсем иначе изменение ирригационного режима отразилось на мелких хозяйствах. Их владельцы не могли из-за малоземелья применять ни двуполье, ни тем более трехполье. Они не имели достаточного количества скота, чтобы удобрять землю навозом. Зерновые культуры стали для мелких хозяйств невыгодными. Эти хозяйства были вынуждены переходить к садово-огородным культурам, и прежде всего к выращиванию фиников и чеснока.

Финиковая пальма — двудомное растение: на 60–70 женских плодоносящих растений требуется одно мужское. Поэтому пальму разводят черенками, а не выращивают из косточек. Через пять лет после посадки черенок вырастает во взрослое дерево и начинает плодоносить. Пальмы, которые нуждаются в среднегодовой температуре

+21—23°C и большом количестве влаги, сажали по берегам арыков. И это тоже влияло на отмеченную выше конфигурацию вавилонских земельных участков — узких и длинных, вытянутых вдоль воды.

Для обработки садов и огородов на малых земельных площадях рабочий скот и плуг обычно не требовались. В арендных контрактах на эти виды угодий иногда прямо запрещалось употребление плуга. Землю обрабатывали здесь мотыгой, кетменем и лопатой.

В Вавилонии с глубокой древности применялось искусственное опыление финиковых пальм, которые Геродот описывает так: «Плоды (цветы. — *В. Б.*) так называемых у эллинов мужских пальм привязывают к плодоносящим пальмам, чтобы оса вошла в плод (цветок. — *В. Б.*) и содействовала его созреванию и чтобы плод не отпал»⁹⁰.

Финики созревают в октябре — ноябре. Их собирали на особое огороженное место, называвшееся «хацару», и сортировали. Тут же обычно производился расчет между землевладельцем и арендатором. «Финики, величиной примерно равные тем, которые можно видеть и у эллинов, — рассказывает Ксенофонт, — откладывались для населения, а для господ откладывались финики отборные, удивительные по красоте и величине, и по цвету несколько не отличавшиеся от янтаря»⁹¹. Помимо фиников, пальмы давали много побочных продуктов: стебли, употреблявшиеся в качестве шестов; недозрелые плоды-паданцы, шедшие в пищу людям и на корм скоту; волокно, используемое для изготовления разнообразных плетеных изделий; стволы пальм, ценившиеся как деловая древесина; пальмовую капусту и молодые побеги, служившие пищей; косточки, применявшиеся кузнецами вместо угля, а в размягченном виде скармливавшиеся скоту; сухие ветки и кисти, освобожденные от плодов, которые шли на дрова, и т. д.

Сами финики употреблялись и свежие, и сушеные; из них приготавливали мед, сикеру, уксус и множество других продуктов.

Финиковая пальма любит простор и свет. Между деревьями оставляли большие пространства. Обилие солнца позволяло сажать на них фруктовые деревья и ягодные кусты, раз-

бывать огороды и даже сеять ячмень, полбу и пшеницу. При садово-огородной культуре земля использовалась более производительно, чем при зерновой. Это была наиболее интенсивная форма земледелия в Вавилонии.

Широкий и повсеместный переход к садово-огородной культуре в Северной Вавилонии стал возможен и необходим только в VII—VI вв. до н.э., после реконструкции ирригационной системы и особенно после сооружения канала Паллукат. До этого времени низкие поля, ежегодно затоплявшиеся, не могли использоваться под многолетние посадки, а на высоких полях для них не хватало влаги. Однако переход к садово-огородной культуре требовал значительных затрат, которые окупались лишь через несколько лет, когда финиковые пальмы и фруктовые деревья начинали плодоносить. Для многих мелких хозяйчиков, едва сводивших концы с концами от жатвы до жатвы на своих карликовых парцеллах, такие затраты были не по плечу. Старые же методы ведения зернового хозяйства стали невозможными. В итоге в стране усилилось разорение мелкого землевладения, которое сопровождалось сосредоточением земельной собственности в руках зажиточных хозяев.

Важную роль в экономике Вавилонии играло животноводство. В стране разводили разнообразные породы коров, лошадей, ослов, мулов, овец, верблюдов, коз, свиней. Сильно развито было птицеводство — разведение уток, гусей, кур, голубей. Немалое значение сохраняло рыболовство. Вавилонские рыбаки не ограничивались ловлей рыбы в реках, каналах и море. Они разводили рыбу в многочисленных искусственных водоемах и специально устроенных рыбных садках.

В центральных районах страны, особенно в долине Евфрата, не было достаточного количества естественных пастбищ. Таковые имелись главным образом в Стране Моря, долине Тигра и в степях, прилегающих к Вавилонии. Поэтому в центральных густонаселенных районах преобладало стойловое содержание скота. Здесь разводили преимущественно крупный рогатый скот, ослов и птицу. Выгоном служили земли, находившиеся под паром, и болотные угодья. Но основной корм для скота давало земледелие — ячмень, пол-

бу, отходы фиников, фруктов, овощей. Коровы и волы служили в первую очередь как тягловый скот и лишь во вторую — как мясомолочный. Мясо, молоко, животное масло, сыр, сливки и прочие мясомолочные продукты были сравнительно дорогими и малодоступными для широких слоев населения.

Овцы и козы разводились для получения шерсти и пуха, мяса и сыра. Громадные отары мелкого скота паслись в степных районах Северной Месопотамии. Так, стада сиппарского храма Эбббарры в VI в. до н.э. откармливались в провинции Руцапу в самом центре Северной Месопотамии⁹², а овцы и козы, принадлежавшие Нергал-шарру-уцуру, будущему царю Вавилона, — в районе Такритаина на среднем течении Тигра⁹³. Мелкие частные хозяйства центральных районов скота почти не имели. Основная масса скота принадлежала храмам. Самым распространенным домашним животным в мелких хозяйствах был осел. Лошади и мулы употреблялись преимущественно для военных целей.

В VII—VI вв. до н.э. в Вавилонии существовало два вида земельной собственности, тесно связанных друг с другом, — храмовая и частная. Царское землевладение в эту эпоху не играло сколько-нибудь заметной роли. По сути дела, царских земель, как таковых, вообще не существовало. Царь в этом смысле не отличался от любого свободного вавилонянина. Царские каналы, дороги и некоторые земельные угодья, например болота и пастбища, являлись общегосударственной, а не личной собственностью царя. И если цари владели землями, то таковые принадлежали им как частным лицам, а отнюдь не как носителям царского титула.

В результате аграрного переворота в середине VII в. до н.э. в Вавилонии почти не осталось частных латифундий. Их место заняло мелкое и среднее частное землевладение. Оно дополнялось храмовым землевладением, в характере которого тоже произошли крупные изменения. Храмовое хозяйство в собственном смысле исчезло. Храмы располагали огромными латифундиями, но сами непосредственно на земле хозяйства не вели. Храмовые земли и храмовый скот находились в руках частных лиц. Храмовые доходы также в значительной мере распределялись между этими людьми.

Еще при племенном строе в связи с усложнением общественного производства и общественных функций возникло своеобразное разделение труда между родами. За каждым родом были закреплены определенные хозяйственные и общественные обязанности, которые превратились в его монопольные права, в его освященное религией «предопределение» (по-шумерийски *me*, по-аккадски *parsu*)⁹⁴. К описываемому времени этот порядок давно канул в вечность, но пережитки его в виде права на определенные храмовые должности и функции и соответственно на получение за это известной доли храмовых доходов не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие.

Это право стало своего рода акциями, дававшими право их владельцам на долю храмовых доходов либо натурой (ячменем, финиками, мясом, шерстью и т. п.), либо деньгами, либо, наконец, в виде земельного держания. Оно покупалось и продавалось, сдавалось в аренду и отдавалось в залог целиком и по частям. «Акции» мог приобрести любой гражданин, располагавший достаточными средствами. Среди их владельцев известны обладатели должностей пивоваров, маслоделов, мясников, привратников, «входящих в храм», измерителей, устроителей трапезы для богов, виночерпиев и пр. Владельцы прав на доходы были обычно людьми состоятельными и лично не несли обязанностей, связанных с выполнением храмовых должностей. Они переключивали их на плечи арендаторов, батраков и рабов, но зато доходы в виде «месячины» (*massartu*) получали сами. И вавилонских богов нисколько не оскорбляло то, что вместо полноправных вавилонских граждан им служили наймиты и рабы.

Другой, тоже древней, формой получения храмовых земель и доходов была служба в храме — исполнение обязанностей жрецов и прочих магистратов. Магистраты пользовались правом занятия определенных храмовых имений и получения от храма «кормления» (*kurummatu*) натурой или деньгами. Эти держатели, крупнейшим среди которых был царь, платили за храмовые земли десятину. Царь владел землями и получал доходы если не во всех, то, по крайней мере, в крупнейших храмах страны. В храмах имелись специальные царские склады, куда поступали причитавшиеся царю

доходы. О размерах держаний, которыми пользовался царь, можно судить по следующим примерам.

27 апреля 555 г. два вавилонских дельца Шум-укин, сын Бэлзери, потомка Басни, и Кальба, сын Ики-ши, потомка Басии, арендовали в районе города Ларсы у царя Набонида латифундию в 6000 курру (7980 гектаров) земли с 400 пахарями, 400 волами и 100 коровами. Кроме того, Набонид (точнее, его управляющий) обязался на первый год аренды дать им 3000 курру (454680 литров) ячменя на семена, прокорм пахарей и скота, а также 10 талантов (303 килограмма) железа на изготовление земледельческого инвентаря. Эти земля, люди, скот, ячмень и железо являлись собственностью урукского храма Эанны и находились в держании у царя Набонида. Арендаторы со своей стороны должны были ежегодно платить царю в виде ренты 25 000 курру (3 789 000 литров) ячменя и 10 000 курру (1 515 600 литров) фиников, а также сдавать всех телят, чтобы царский управляющий ставил на них клеймо богини Бэлит Урукской⁹⁵.

На землях того же храма Эанны в местности Сумандар было другое царское держание. В 545 г. царевич Валтасар, соправитель Набонида, сдал его в аренду Ибни-Иннине, сыну Балату, храмовому рабу-ширку богини Бэлит Урукской, который, кроме того, арендовал 2081 курру (2758 гектаров) храмовой пашни. Царское же имение включало 625 курру (832,6 гектара) пашни, 100 пахарей, 100 волов и 50 коров. На первый год арендатор получил 625 курру (94 725 литров) ячменя на семена, 120 курру (18 187 литров) ячменя на прокорм пахарей и скота и 5 талантов 20 мин (161,6 килограмма) железа на инвентарь. Его рента определялась в 5000 курру (757 800 литров) ячменя и 3000 возов соломы в год; телят он должен был через царского управляющего сдавать властям храма Эанны⁹⁶.

Царь тоже платил храмам десятину. Так, 4 июля 556 г. царь Набонид отдал сиппарскому храму Эаббарре в виде десятины 6 мин (3,03 килограмма) золота; 8 октября 551 г. царевич Валтасар уплатил урукскому храму Эанне 1 мину (505 грамм) серебра десятины⁹⁷. Кроме царей, держателями храмовых земель и плательщиками за нее десятины числилось множество лиц⁹⁸. Их держания, конечно, были не

столь обширны, как царские, но все же достаточно велики и доходны.

Наконец, храмовые земли сдавались в аренду всем желающим, то есть тем, кто был в состоянии обрабатывать их и платить за них ренту. При крупной аренде, помимо земли, арендатор получал от храма рабочую силу, скот, семена, инвентарь. В сущности говоря, он не был арендатором в современном значении слова, а играл роль откупщика, бравшего на себя за известное вознаграждение обязанность следить за обработкой храмовой земли и сбором ренты с нее⁹⁹. При мелкой аренде арендатор либо сам обрабатывал землю, либо сдавал ее в субаренду.

Основную рабочую силу на храмовых землях составляли храмовые рабы различных категорий, кадры которых создавались за счет пленников и вавилонской бедноты. Те из них, кто был занят обработкой земли, независимо от своего юридического статуса и происхождения именовались «пахарями» (ikkaru). Они получали от храма через держателя или кондуктора «кормление» натурой, рабочий скот и инвентарь и прикреплялись к участку земли, который обрабатывали. Весь выращенный ими урожай принадлежал храму.

Наряду с храмовой существовала частная собственность на землю. Гражданин был вправе распоряжаться принадлежавшей ему землей по своему усмотрению: мог ее продать, купить, подарить, завещать, передать по наследству, отдать в аренду и в залог. Но свобода частной собственности на землю имела и оборотную сторону. Частная земельная собственность ничем не гарантировалась от отчуждения. Ее можно было свободно приобрести и в то же время легко потерять. Аграрный переворот возродил в Вавилонии мелкое землевладение, но не устранил причин, которые вели к его исчезновению. Аграрная история Нового Вавилона — это история разорения мелкого землевладения и роста крупной собственности на землю.

В условиях господства частной собственности главным бичом мелкого землевладения было измельчание парцелл. В результате разделов между сыновьями-наследниками они дробились на части. Через три-четыре поколения даже относительно крупные имения мельчали настолько, что дальней-

ший раздел становился невозможным и наследники вынуждены были продавать землю.

Не меньшее зло составляли гражданские повинности, особенно военная. Она надолго отрывала граждан от земли. Многие вавилоняне гибли в бою, получали увечья. Их семьи оставались без кормильцев. Хозяйства приходили в упадок, разорялись. А войны почти не прекращались многие десятки лет. К тому же в VII в. Вавилония неоднократно подвергалась военному опустошению со стороны ассирийцев, эламитов, халдеев.

Разного рода стихийные бедствия — неурожай, засуха, прорыв плотин речными водами, саранча и т. п. — тоже губительно отражались на мелких хозяйствах, подрывали их благосостояние и устойчивость.

Наконец, на мелком землевладении очень сильно отразилась реконструкция ирригационной системы. Традиционная система земледелия, в основе которой лежала культура ячменя, перестала оправдывать себя экономически. Мелкие хозяйства в большинстве случаев не имели удобрений. Не было у них также ни средств, ни возможности для перехода к интенсивной садово-огородной культуре. Это обстоятельство чрезвычайно ускорило разорение мелких собственников. Их земли скупали более состоятельные и оборотистые сограждане.

Об интенсивности процесса обезземеления мелких собственников лучше всего свидетельствуют цены на землю. На всем протяжении нововавилонской эпохи они оставались стабильными: 1 сугу (443 квадратных метра) пахотной и целинной земли стоила в среднем 1 сикль серебра, а 1 сугу садовой земли, занятой посадками, — 10—15 сиклей (84—130 граммов) серебра. Иначе говоря, садовая земля была в 10—15 раз дороже пахотной. Этим и объясняется, почему мелкие собственники не могли перейти от зерновой культуры к садово-огородной.

Стабильность цен на землю находилась в кажущемся противоречии с общим ростом цен на товары, в том числе и на продукты земледелия. Рост цен наблюдался в Вавилонии на протяжении всего VI в. и в конце столетия дал себя знать в открытой инфляции, когда средний индекс цен за

короткий срок поднялся в 1,5–2 раза. Цена же земли осталась прежней. Это объяснялось тем, что по мере нарастания инфляции увеличивалось количество земли, поступавшей в продажу. Предложение обгоняло спрос на землю, что вело к падению ее реальной цены. В свою очередь, увеличение количества продаваемых земельных участков происходило за счет ускорения обезземеливания мелких собственников и мобилизации земельной собственности. О том, как протекал этот процесс, можно судить по следующей истории, зафиксированной в документах семьи Эгиби.

Братья Набу-эреш, Шапик-зери, Бэл-убаллит и Бэл-ушаллим, сыновья Шум-укина, потомка Син-шадуну, получили в наследство от отца несколько небольших парцелл, обремененных долгами. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Набу-аххе-иддина, сына Шулы, потомка Эгиби. Он только что женил своего сына Итти-Мардук-балату на Нупте, дочери богача Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина, которая получила в приданое имение на арыках Забуну и Хазузу по соседству с землями братьев Син-шадуну. В 547–543 гг. Набу-аххе-иддин лично и через своих агентов скупил у братьев восемь земельных участков, которые округлили имение Нупты. Но вскоре после этого разыгрался шумный скандал.

Осенью 543 г. двое из братьев Син-шадуну — Шапик-зери и Бэл-убаллит — явились к Итти-Мардук-балату, мужу Нупты и старшему сыну недавно скончавшегося Набу-аххе-иддина, и предъявили ему вексель на 5 мин (2,5 килограмма) серебра, которые они якобы взяли в долг у некоего Римута под залог земель, только что проданных семье Эгиби. Братья предложили Итти-Мардук-балату купить у них этот вексель за половину мины (250 граммов) серебра. Дело в том, что продажа заложенных земель по вавилонским законам запрещалась. Кредитор-залогодержатель имел на них преимущественное право: он мог отнять их у покупателя, предоставив тому приятную возможность самому выяснять отношения с продавцом. Вот перед такой-то не слишком радужной перспективой братья Син-шадуну и поставили Итти-Мардук-балату, который хорошо знал, что у них нет ни гроша за душой и что взыскать с них деньги, уплаченные за землю,

никакими ухищрениями не удастся. На такой эффект братья и рассчитывали.

Однако они не учли, что Итти-Мардук-балату не был новичком в подобных делах, а потому заметил в изложенной ими версии происхождения векселя существенную неувязку, а именно: вексель, опять-таки согласно нормам вавилонского права, должен был находиться не у них, а у их кредитора Римута. Держа в руках глиняную табличку-вексель, Итти-Мардук-балату задал братьям вопрос, которого они больше всего боялись: как вексель попал к ним в руки? Видя, что обман не удался, Шапик-зери вырвал из рук Итти-Мардук-балату табличку и стал крошить ее зубами. Но Итти-Мардук-балату не растерялся и схватил его за горло. Подоспевшие рабы быстро скрутили обоих братьев.

Братья с обгрызанным векселем предстали перед царским судом. Сначала они пытались отрицать происшедшее, заявив, что вексель давно погашен (такие векселя разбивали или возвращали должникам) и что Итти-Мардук-балату своим иском хочет очернить их. Но судьи потребовали явки Римута, названного в векселе кредитором. И тогда братьям пришлось сознаться, что никакого Римута на самом деле не было и нет и что они задумали продать истцу фальшивый вексель. 22 октября 543 г. суд приговорил братьев к уплате истцу 50 мин (25 килограммов) серебра» (то есть в 10-кратном размере суммы, означенной в фальшивом векселе), а также постановил заковать их в цепи и передать в распоряжение истца до тех пор, пока они не назовут имя писца, составившего фальшивый вексель¹⁰⁰.

Конечно, не все продавцы земли прибегали к фальшивым векселям и вымогательству, но почти всегда они продавали землю не по доброй воле. Их толкали к этому нужда и долги. Покупатели земли, как правило, предварительно опутывали намеченные жертвы такой долговой сетью, из которой уже нельзя было вырваться иначе, как распростившись с землей.

Однако потеря земли далеко не всегда была самым худшим, что ожидало обедневшего землевладельца. С жителями селения Ах-иддина стряслась более тяжкая беда. Это селение, находившееся близ вавилонского пригорода Шахрина,

и его земли облюбовал Иддин-Мардук, упомянутый выше родственник семьи Эгиби. Он не стал лишать трудолюбивых земледельцев парцелл и выгонять их из насиженных гнезд. Он поступил иначе.

Жители селения Ах-иддина с великим трудом перебивались от урожая до урожая. Иддин-Мардук и его приказчики решили им «помочь». В один неурожайный год, когда прилежные селяне не знали, чем кормить свои семьи, явились «благодетели» и предложили им деньги за будущий урожай. Те волей-неволей приняли эту «помощь». Наступила жатва. Голодовка кончилась, но львиную долю собранного ячменя пришлось отдать «благодетелям»: ведь ячмень уже был закуплен ими еще зимой (правда, по летним, то есть самым низким в году, ценам). Пришла новая зима, и теперь уже селянам самим пришлось просить Иддин-Мардука и его людей закупить у них следующий урожай. Из года в год задолженность увеличивалась. Дело кончилось тем, что все селение оказалось во власти Иддин-Мардука, который вел оптовую торговлю продовольствием. Он приказал своим должникам выращивать то, что ему требовалось, в частности чеснок, а не то, что им хотелось.

Каждый год весной по каналам плыли лодки и плоты, груженные чесноком, ячменем, финиками, сезамом, выращенными должниками Иддин-Мардука и предназначенными для продажи жителям Вавилона. Иддин-Мардук богател, а жители селения Ах-иддина и многих соседних деревень все глубже и глубже увязали в долгах. Формально они оставались собственниками своих парцелл, а фактически превратились в крепостных Иддин-Мардука, работали на него из-за долгов и никуда не могли уйти от своих клочков земли. Иддин-Мардук же, не являвшийся юридически крупным землевладельцем, на деле владел несколькими латифундиями, потому что в таком же положении, как селение Ах-иддина, оказалась значительная часть округа Шахрина¹⁰¹.

Крупное частное землевладение теперь носило совсем иной характер, чем аристократические латифундии до VII в. Оно росло главным образом за счет скупки мелких парцелл. Поэтому крупные хозяйства складывались из нескольких владений разной величины, расположенных в разных

местах, иногда очень далеко друг от друга. Так, например, семья Эгиби владела 48 имениями, семья Син-или — 15, семья Бэл-яу — 7, семьи Эа-илута-бани и Илии — по 6 каждая, семья Или-бани — 5 имениями и т. д.

Такого рода крупные хозяйства не составляли единого целого ни в территориальном, ни в хозяйственном отношении. Уже одно это исключало возможность ведения крупными землевладельцами собственного хозяйства на своей земле. Они физически не могли лично руководить работами в разобщенных имениях. Преобладающей формой использования земли в крупных и даже в средних хозяйствах была сдача ее в аренду. Разновидность крупного хозяйства представляло собой описанное выше хозяйство Иддин-Мардука. Это было ростовщическое землевладение.

Арендаторами становились прежде всего безземельные и малоземельные свободные вавилоняне. Кроме того, землевладельцы сажали на землю в качестве арендаторов своих рабов. Наконец, среди арендаторов имелись рабы, отпущенные господами на оброк и севшие на чужой земле. В численном отношении свободные арендаторы решительно преобладали над арендаторами-рабами. Так, из 109 арендаторов, названных по именам в документах семьи Эгиби, 93 были свободными, 14 — рабами самой семьи Эгиби и 2 — чужими рабами. Между тем эта семья владела не менее чем тремя сотнями рабов. Преобладание свободных среди арендаторов не являлось следствием недостатка рабов. Так было и в других хозяйствах этого времени, в том числе и в упомянутых выше, хотя все они располагали рабами.

Предпочтение, оказываемое свободным арендаторам перед арендаторами-рабами, объяснялось тем, что землевладельцы и рабовладельцы умели блюсти свою выгоду. Раба нужно было купить, а свободный арендатор сам приходил к землевладельцу и ничего ему не стоил. Раб в случае хозяйственных неудач рассчитывал на помощь господина: тому приходилось кормить и беречь свою собственность, за которую уплачены деньги. Свободный же арендатор был предоставлен самому себе, что заставляло его трудиться лучше раба. Правда, землевладелец имел большую власть над рабом, чем над свободным. Раб в отличие от свободного не

мог уйти с господской земли; он должен был отдавать господину такую ренту, какую тот потребует. Но и свободного при помощи долгов можно было прочно привязать к имени, а его более высокая производительность труда компенсировала меньший объем прав землевладельца.

В Новом Вавилоне существовали два основных вида земельной аренды и соответственно два вида ренты — «имитту» и «суту». За ними скрывались существенные различия в социальном положении арендаторов.

При первой форме аренды весь урожай считался собственностью землевладельца. Собственник земли или его управляющий вместе с арендатором ежегодно за один-два месяца до уборки осматривал имение и определял размер урожая, который и составлял ренту «имитту». Арендатор выдавал землевладельцу обязательство в форме векселя в том, что установленную таким путем имитту отдаст ему после уборки урожая. За свой труд арендатор получал, согласно обычаю, иногда зафиксированному и в арендных контрактах, плату натурой — «шиссинну». При аренде финиковых посадок шиссинну составлял обычно 5 курру (757,8 литра) фиников с каждого курру (1,33 гектара) земли. Если объектом аренды были молодые посадки, то шиссинну повышался до 6 курру (909,4 литра) фиников с курру земли. При аренде пашни арендатор получал в зависимости от качества земли от 1/3 до 4/5 урожая.

Описанная форма аренды преобладала в частном землевладении, где объектами ее были мелкие имения и парцеллы. Арендатор, именовавшийся «земледельцем» (*egresu*) или «садоводом» (*la-kuṣurru*), обычно сам занимался обработкой земли с помощью членов своей семьи и немногих рабов, если таковые у него имелись. Земледелец и садовод не были арендаторами в современном значении слова. Они находились, по существу, на положении наемных работников или издольщиков в имении землевладельца, получавших за свой труд плату натурой. По своему положению они напоминали римских колонов.

Рента «суту» имела строго фиксированный в арендном контракте размер. Он не зависел от размера урожая, так что от повышения или падения урожайности выигрывал или

проигрывал только арендатор, называвшийся «человеком на суту» (amelu sa tuhhi suti). Эта форма аренды преобладала на храмовых землях, о чем уже шла речь выше. В частном землевладении на таких условиях сдавались в аренду крупные и отдаленные имения, которые землевладельцы не могли лично контролировать.

Арендатор, «человек на суту», был уже не земледельцем или садоводом, а кондуктором. Он либо получал землю вместе с рабочей силой в виде пахарей (на храмовых землях) или земледельцев и садоводов (в частных имениях), либо прибегал к субаренде, сажая своих земледельцев и садоводов. Он являлся предпринимателем. И среди кондукторов не было людей бедных. К такой форме аренды могли прибегать только состоятельные. Ею часто пользовались крупные землевладельцы, расширяя таким путем свои владения за счет храмовых земель. У семьи Эгиби 7 имений из 48 были арендованы у других землевладельцев, в том числе одно у царя на условиях вечной, наследственной, аренды¹⁰². Табия, глава семьи Син-или, арендовал несколько храмовых имений, причем одно из них находилось в отдаленном от Вавилона городе Мараде¹⁰³. В то же время его собственное имение у Лазурных ворот в Барсиппе сдавалось в аренду кондуктору¹⁰⁴.

Крупные землевладельцы для управления своими имениями, разбросанными в разных местах, пользовались услугами управляющих. У семьи Эгиби одним из таких управляющих долгое время был раб Даян-бэл-уцур. Его карьера началась с того, что он попал в залог к уже известному нам Иддин-Мардуку. В 545 г. Даян-бэл-уцур сидел арендатором в одном из имений семьи Эгиби. Иддин-Мардук обратил внимание на деловую сноровку раба и в 535 г. выкупил его у прежних господ, своих должников. Даян-бэл-уцур стал приказчиком Иддин-Мардука и занялся скупкой урожая у землевладельцев селения Ах-иддина, о чем уже говорилось выше. В 525 г. перед смертью Иддин-Мардук подарил его своему второму внуку Набу-аххе-буллиту, сыну Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби. Так раб стал собственностью семьи Эгиби, которая поручила ему управление своими имениями в районе Шахина. Даян-бэл-уцур продолжал заниматься скупкой урожая, ростовщицеством, брал в залог землю у должников, полу-

чал ренту с арендаторов в имениях семьи Эгиби. Он приобрел у господ репутацию дельного и надежного слуги. В 508 г. перед разделом имущества с братьями Мардук-нацир-апли, старший в семье Эгиби, выкупил Даян-бэл-уцура с его многочисленной семьей — женой, четырьмя сыновьями и двумя дочерьми — у своего брата Набу-аххе-буллита. Даян-бэл-уцур помог ему в одной шепетильной операции.

Мардук-нацир-апли, стакнувшись с храмовыми властями, купил право сбора чеснока в имениях храма Эсагилы в 512 и 511 гг., за что заплатил 42½ мины (22 килограмма) серебра. Чтобы возместить затраты и получить прибыль побольше, Мардук-нацир-апли попытался нажать на держателей храмовых земель, поручив это сделать Даян-бэл-уцуру. Но держатели дали отпор хищнику и его рабу. Дело дошло до открытого бунта. Даян-бэл-уцура избивали до полусмерти разъяренные вавилоняне, и он больше не посмел сунуться к ним за чесноком. Вместо предвкушаемых барышей Мардук-нацир-апли понес крупные убытки, и только помощь жены спасла его от банкротства¹⁰⁵.

О том, как жили вавилонские арендаторы, можно судить по биографии Иддин-Набу, сына Муше-зиб-Бэла, который около двадцати лет (с 540 до 523 г.) арендовал имение семьи Эгиби на Старом канале Куты к северу от Вавилона. Он был довольно зажиточным хозяином, имел рабов и располагал имущественным цензом, достаточным для несения военной службы в качестве лучника. В 525 г. Иддин-Набу был призван под знамена царя Камбиза и в составе его армии отправился завоевывать Египет. Он стойко перенес тяготы перехода через Синайскую пустыню и храбро сражался с египтянами и греческими наемниками в битве при Пелусии, в которой решилась участь Египта. Начальство заметило и оценило мужество вавилонского солдата. В награду в качестве «добычи лука» ему дали пленную египтянку, которую он назвал по-вавилонски Нана-иттия («Богиня Нана со мной») в честь богини, спасавшей его в битвах и походах. Египтянка оказалась беременной и в сентябре 524 г. родила дочь. У Иддин-Набу вместо одной стало две рабыни. С ними в декабре 524 г. он вернулся к своему хозяйству на Старом канале Куты.

Но пока Иддин-Набу геройски сражался в сыпучих песках Синая и благословенной долине Нила, его хозяйство пришло в упадок. Землевладелец, уже знакомый нам Итти-Мардук-балату, глава семьи Эгиби, приветствовал героя, но не простил ему недоимки. А недоимки составили солидную сумму в 240 курру (36 374,4 литра) фиников. Чтобы как-то стать на ноги, Иддин-Набу 31 декабря 524 г. продал землевладельцу за 2 мины (1,01 килограмма) серебра свою добычу — рабыню Нана-иттию с трехмесячной дочерью. Итти-Мардук-балату заплатил ему наличными, но не забыл отметить в купчей долг в 240 курру фиников, а на другой день, 1 января 523 г., заставил его выдать вексель на эти финики с обязательством вернуть их в течение года в два приема¹⁰⁶.

Внимательный читатель может задать мне вопрос: как могли за Иддин-Набу накопиться недоимки — ведь при существовавшей тогда форме аренды весь урожай, кроме шиссинну, принадлежал землевладельцу? Ответ простой: описанная форма аренды существовала только на бумаге (простите, на глине), а на практике все выглядело иначе. Землевладелец не имел возможности нажать на арендатора. Арендатор мог в любое время уйти от него даже до истечения срока контракта (обычно от 3 до 10 лет), и найти ему замену было нелегко. Землевладелец рисковал оставить свою землю без обработки и, следовательно, лишиться себя ренты. Это и вынуждало его принимать меры по удержанию арендаторов. Наиболее эффективной мерой являлась задолженность. Землевладельцы сознательно позволяли арендаторам оставлять у себя помимо шиссинну часть ренты. Они охотно ссужали их серебром и натурой, обеспечивали инвентарем и скотом. Чем больше числилось за ними недоимок и долгов, тем труднее было им уйти от землевладельца. Обрастая долгами, арендаторы сидели на земле по многу лет, иногда из поколения в поколение. Они сживались с имением, обзаводились хозяйством, что также удерживало их на месте. Во времена столпотворения арендаторы находились в довольно сносном положении, власть землевладельцев над ними была весьма ограниченной.

Когда сталкиваешься с подобной «либеральностью», отмеченной сухим языком деловых документов, невольно вспо-

минается знаменитый римский агроном-теоретик Луций Юний Модерат Колумелла (I в. н.э.), который советовал римским землевладельцам не настаивать на точном соблюдении колонами сроков платежей, чтобы привязать их к земле¹⁰⁷. Это было последнее слово римской агрономии I в. н.э. Но в Вавилоне его не только знали, но и широко применяли на практике за 600 лет до Колумеллы. У семьи Эгиби из 109 известных по именам арендаторов 35 определенно были ее должниками. Аналогичная картина наблюдалась и в прочих частных хозяйствах того времени.

Так выглядели сельское хозяйство и земельные отношения в Вавилонии эпохи столпотворения. Для экономической структуры страны было характерно сочетание храмовых латифундий и частных парцелл, возникшее в итоге аграрного переворота VII в. В этом таился источник силы Нового Вавилона. Но все более убыстряющийся процесс разорения мелкой земельной собственности подрывал силу общества в самой основе, а вместе с нею и эфемерное могущество империи Навуходоносора II.

Глава 5 Вавилонские умельцы и дельцы

Купцов у тебя стало больше, чем звезд на небе.

Наум, III, 16

Вавилония славилась не только обилием плодов земных. Не меньшую славу создали ей промышленность и торговля. В Вавилоне бился пульс экономической жизни Передней Азии. Вавилонские товары служили своего рода эталоном качества и моды для всего древнего мира. Этим Вавилония была обязана отчасти своему географическому положению и природным условиям, но главным образом — трудолюбию и искусству своего населения. Созданная речными наносами Вавилония никогда не имела месторождений камня и металлов, то есть таких видов сырья, которые играли решающую роль на ранних этапах цивилизации. Не было в Вавилонии и строевых лесов, которые могли бы обеспечить ее деловой древесиной. Камень, металлы и дерево получали из соседних стран путем торговли или грабительских походов. Недра страны сказочно богаты нефтью. Вавилоняне это знали: не случайно наше слово «нефть» — вавилонское (*naptu*). Они использовали сырую

нефть для заправки светильников, а асфальт и битум — в качестве раствора при кладке кирпича и для промазки различных изделий, которым нужно было придать водонепроницаемость. Прочие свойства нефти оставались древним неизвестными.

Гораздо большую роль в вавилонском хозяйстве играли глина и тростник, а также шерсть, кожи, лен, пальмовое волокно и другие виды сельскохозяйственного сырья, которыми изобиловала страна. Эти богатства в сочетании с очень ранним развитием внешней торговли и явились той основой, на которой выросла промышленная и торговая слава Вавилонии, достигшая зенита в эпоху столпотворения.

Камень к этому времени потерял свое былое значение как один из основных материалов для производства орудий труда. Он был вытеснен металлом. Но из камня продолжали изготавливать истуканы божеств и царские статуи, стелы с особо важными официальными надписями, дорогие декоративные и культовые сосуды, цилиндрические печати и геммы. Его использовали и в строительных целях. Употреблялись алебастр, известняк, диорит, базальт, а также драгоценные и полудрагоценные породы — смарагд, оникс, рубин, яшма и особенно лазурит, доставлявшийся с гор Памира.

Дерево, как и камень, было дорогим и редким. Местные породы дерева — древесина финиковых пальм, тамарисков, сикомор, ивы и др. — шли на мелкие бытовые поделки, но мало годились для изготовления более ценных вещей. Для последних использовали привозную древесину кедра, кипариса, дуба, бука и т. д. Вавилонские мебельщики завоевали своим мастерством заслуженную славу у соседних народов. Они изготавливали и легкую плетеную утварь из ивовых прутьев и тростника, и дорогую полированную, мебель с инкрустациями из золота, серебра, слоновой кости, драгоценных камней и наборной работой, выполненной способом маркетри¹⁰⁸. Аккадские лежа, шкатулки, ларцы и сундуки, столы, стулья, скамеечки для ног, колесницы и другие вещи вавилонской работы высоко ценились на Древнем Востоке.

Тростник, прутья и пальмовое волокно служили материалом для самых разнообразных плетеных изделий — циновок, ковров, корзин, сумок, сосудов и т. п. Эти вещи широко использовались вавилонянами в быту.

Широкое развитие получила в Вавилонии обработка кожи, чему способствовало обилие в стране скота. Из кожи изготовляли обувь, предметы вооружения (колчаны, щиты, панцири, шлемы), конской упряжи (уздечки, ремни, вожжи, хомуты, шлеи, поводья, бичи), мехи для хранения жидкостей и многое другое. Специфически ассиро-вавилонским изделием были кожаные бурдюки, надувавшиеся воздухом, на которых вплавь переправлялись через реки. Такой бурдюк входил в состав солдатской амуниции.

В Вавилонии были широко распространены пивоварение, масло- и виноделие, хлебопечение, кондитерское дело, приготовление муки, крупы, косметики, парфюмерии и т. д. Все эти товары пользовались большой популярностью у соседних народов.

В истории человечества одним из самых древних видов профессионального ремесла было гончарное. Изобретение гончарного круга, как известно, служит характерным признаком начала цивилизации. В Вавилонии глина самых разных сортов имела в изобилии. И ни один народ в мире не использовал ее так умело и для столь разнообразных целей, как шумерийцы и вавилоняне. Глина у них во многих случаях заменяла недостающие камень, дерево и металлы. Глиняные изделия сопровождали вавилонянина от рождения до смерти. Сами люди, по поверьям вавилонян, были созданы из глины. Мастерство шумеро-вавилонских гончаров оставалось непревзойденным на протяжении всей древней истории Ближнего Востока. Его образцам следовали и подражали все соседние народы.

Бытовая глиняная посуда и в VI в. до н.э. продолжала изготавливаться домашним способом. Но она уже давно перестала удовлетворять возросшие запросы населения, которое часто прибегало к услугам и изделиям гончаров-профессионалов. Глиняная посуда частью высушивалась на солнце, частью обжигалась в гончарных печах. Во времена столпотворения вошли в моду изделия, покрытые цветной глазурью — бирюзовой, синей, желтой, белой, зеленой, коричневой, красной всевозможных оттенков. Стекло было изобретено шумерийцами еще в глубокой древности. Вавилонские мастера пользовались стеклянной массой для производства глазури.

Они же изготовляли из стекла флаконы и другие изделия. Особую славу им создали поделки из синего стекловидного сплава, имитировавшего лазурит, который высоко ценился на Древнем Востоке.

Помимо посуды, вавилонские гончары делали из глины бочки-пифосы, ящики, трубы, жаровни, гробы, веретена, пряслицы, светильники, разнообразные статуэтки культового и бытового назначения, серпы и т. п. Глиняные таблички, конусы, цилиндры, призмы служили писчим материалом. Даже конверты для писем на глиняных табличках изготовлялись из глины. Наконец, из глины и глиняных кирпичей возводились все постройки, начиная с хижин бедняков и кончая царскими дворцами.

Особую славу Вавилону создало его текстильное производство. Основным сырьем для него издревле служила шерсть — овечья и в меньшей степени козья. Наряду с Египтом Южное Двуречье было родиной льна. Шумерийское слово *gada* («лен») в вавилонской передаче *kitu*, *kitinnu* было заимствовано всеми семитскими языками (ср. евр. «куттонет», араб., «каттан»); оно попало в греческий («хитон») и латинский («туника») языки в качестве названия определенного вида одежды, а в современном английском служит для обозначения хлопка (*cotton*). Однако льняные одежды и ткани только с VII в. до н.э. получили в Вавилонии широкое распространение под влиянием египетской и сирийской моды. Именно в это время были заложены основы вавилонской ткацкой промышленности, продукция которой из мастерских городов Барсиппы, Эриду и Наарда в эллинистическо-парфянскую эпоху (III в. до н.э. — III в. н.э.) приобрела мировую славу. Так, например, в середине I в. до н.э. римские богачи платили за вавилонское покрывало для обеденного ложа (*triclinaria babylonica*) 800 тысяч сестерциев, а через 100 лет император Нерон купил такое же покрывало уже за 4 миллиона сестерциев.

Шерсть и лен давало сельское хозяйство страны. Основными производителями их были храмы, располагавшие обширными пастбищами и землями. Частные лица либо получали шерсть и лен от храмов в виде «кормления» и «содержания», либо покупали на рынке, так как не имели возможности дер-

жать овец и сеять лен в своих небольших имениях. Овцеводство в VII—VI вв. в Вавилонии достигло невиданных ранее размеров. В эту эпоху были изобретены и вошли во всеобщее употребление железные ножницы для стрижки овец.

Шерсть поступала к ремесленникам в сыром виде. Сначала она подвергалась очистке и промывке. Лен соответственно подвергался трепке и проческе. После этого шерсть и лен пряли. Древний Восток, в том числе и Вавилония, не знал прялки. Пряли при помощи ручного веретена с пряслицем. Этим занимались обычно женщины. Шерсть до прядения, а лен после прядения красились. Для этой цели применяли местные красители органического (марена, индиго и т. п.) и минерального (охра и т. п.) происхождения. Из Финикии вавилонские мастера получали такой ценный краситель, как красный и фиолетовый пурпур, добывавшийся из средиземноморских раковин. Из Египта поступали квасцы, которые применялись для закрепления красок.

Сведений о конструкции ткацких станов у вавилонян не сохранилось. Но вавилонские ткани по качеству не уступали египетским, которые изготовлялись на горизонтальных и вертикальных станах. Вавилонские станы, очевидно, имели такой же вид. Как и у других древних народов, вавилонские ткачи ткали сразу готовые изделия — одежды, покрывала, ковры, скатерти и др. Но в VII—VI вв. покрой одежды настолько усложнился, что появилась профессия портного. Вытканые изделия вышивались, подвергались окончательной отделке валяльщиками и прачечниками, которые вытаптывали их ногами в ямах или чанах с моющим раствором из масла с добавкой поташа, соды, квасцов и мочи, выколачивали вальками, полоскали, сушили и белили на солнце, наводили ворс щетками из чертополоха.

Металл — железо, медь, бронза, олово, свинец, сурьма, серебро, золото, электр — к описываемому времени прочно вошел в быт вавилонян. Железо употреблялось для изготовления основных орудий труда и оружия, вытеснив не только камень, но также медь и бронзу. Оно было самым дешевым и распространенным металлом. Прочие металлы служили для изготовления более дорогих и редких предметов. Своего металла Вавилония не имела. Он полностью ввозился из-за

рубежа и потому стоил сравнительно дорого. В VI в. железо доставляли из Ионии, Киликии и Ливана, медь и бронзу — из Ионии и с Кипра¹⁰⁹. Металл привозили либо в слитках, либо в виде готовых изделий как товар или военную добычу и дань.

Вавилонским кузнецам не приходилось плавить металл из руды, но они постоянно имели дело с его переплавкой, изготовлением и очисткой сплавов, очень точно определяли состав сплавов золота и серебра, умели очищать эти металлы от примесей. Вавилонские мастера обрабатывали металл ковкой, литьем, прокаткой, чеканкой, гравированием. Вавилонские ювелирные изделия и художественные предметы из золота, серебра, меди и бронзы, а также ткани и одежды с золотой и серебряной нитью и канителью пользовались заслуженной славой.

Ремесленный труд, в отличие от земледельческого, не пользовался уважением. Отрицательное отношение к ремеслу и ремесленникам, присущее древнему миру в целом, носило традиционный характер, связанный с классовой структурой вавилонского общества и представлениями о гражданской чести, о чем будет сказано ниже. Оно усиливалось тем, что ряды ремесленников постоянно пополнялись пленными и рабами. Так, Навуходоносор II, взяв в 604 г. Аскалон и в 597 г. Иерусалим, включил в состав полона ремесленников. Точно так же вавилоняне, а до них ассирийцы поступали во всех случаях с покоренными народами. Пленных ремесленников частью распределяли по храмам, частью оставляли в числе царских рабов, частью продавали в рабство вавилонянам.

Рабы-ремесленники ценились гораздо выше рабов, не имевших специальности, потому что они приносили господам большую прибыль. Как правило, рабов-ремесленников отпускали на оброк, и они самостоятельно занимались своим ремеслом, уплачивая господам дань и определенную долю доходов. Состоятельные рабовладельцы часто отдавали молодых и смысленых рабов в обучение ремеслу. Вот несколько примеров из жизни семьи Эгиби.

24 октября 537 г. Нупта, дочь Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, отдала на пять лет в обучение ткацкому ремеслу раба Аткаль-ана-Мардука. Собственником раба был муж

Нупты, уже известный нам Итти-Мардук-балату, глава семьи Эгиби, находившийся в то время в отъезде, в Мидии. Мастер Бэл-этир, сын Аплы, потомка Бэл-этеру, взялся обучить раба ткачеству. В контракте предусматривалось: если раб не будет обучен, то мастер уплатит за него Нупте дань из расчета 1 ка (0,8 литра) ячменя за каждый день, проведенный им в ученичестве; Нупта со своей стороны обязалась содержать своего раба, выдавая ему 1 ка хлеба в день и одежду. За нарушение контракта предусматривалась пеня в $\frac{1}{2}$ мины (168,32 грамма) серебра.

Аткаль-ана-Мардук успешно закончил учебу (28 октября 532 г., согласно контракту) и остался работать у мастера уже в качестве раба, взятого внаем. 29 августа 531 г. мастер Бэл-этир заплатил за него Итти-Мардук-балату в качестве дани 5 сиклей (42 грамма) серебра в дополнение к 4 сиклям (33,7 грамма), уплаченным ранее. Итого за 10 месяцев работы у ткача раб принес своему господину 9 сиклей (75,7 грамма) серебра чистого дохода, что составляло около 1 сикля в месяц, или 18 процентов годовых от средней стоимости раба (50 сиклей серебра), и примерно соответствовало средней ставке ссудного процента (20 процентов годовых) в эту эпоху¹¹⁰.

Тот же Итти-Мардук-балату отдал в обучение своих рабов: 24 июля 533 г. раба Ина-кате-Набу-бульту — ремеслу повара на шестнадцать месяцев к мастеру Рихети, рабу Басии; 1 января 530 г. раба Гузу-ана-Бэл-ацбата — ремеслу резчика по камню на четыре года к мастеру Хашдае, рабу царевича Камбиза; в сентябре 526 г. раба Амель-Шукане — ремеслу валяльщика на два года и три месяца к мастеру Иддии, сыну Ки-Сина. Мардук-нацир-апли, старший сын и наследник Итти-Мардук-балату, 12 марта 495 г. отдал своего раба Итти-Ураш-панию в ученики к повару Гузану, сыну Хаммаку. А его жена Амти-Баба, дочь Кальбы, потомка Набайи, 21 февраля 504 г. отдала своего раба-кожевника Ульту-пани-Бэл-лушулума внаем к мастеру Набу-буллитанни, рабу Эа-нацира, потомка жреца бога Эа, который обязался повысить квалификацию раба-подмастерья, ежегодно давать за него госпоже десять кожевенных изделий и разрешить подмастерью выполнять заказы госпожи¹¹¹.

Так же поступали и другие рабовладельцы. Набу-шум-иддин, сын Ардии, и его жена Ина-Эсагили-бэлит, дочь Шамаш-илуа, 24 августа 531 г. отдали своего раба Нидинту в обучение к мастеру-прачечнику Либлуту, сыну Ушшайи, с тем чтобы тот по окончании учебы передал раба богу Шамашу, то есть храму Эбаббарре в Сиппаре¹¹². У Набу-эреша, сына Табнеа, потомка Аху-бани, была рабыня-прачка Шальму-дининни. 3 июля 547 г. он вынужден был отдать ее в залог Набу-аххе-иддину, сыну Шулы, потомка Эгиби, за ссуду в половину мины (250 граммов) серебра¹¹³. Кредитор предпочел вместо процентов по ссуде пользоваться доходами от рабыни-прачки — так было выгоднее.

Как правило, мастер не брал с господина платы за обучение раба и нередко кормил и одевал последнего за свой счет. Свои расходы он покрывал, используя рабочую силу ученика. Такие условия устраивали и рабовладельцев и мастеров. Правда, отдать в обучение раба, которого сначала надо было купить или вырастить, мог только состоятельный рабовладелец, имевший возможность ждать несколько лет, пока раб начнет приносить ему доход. Мелкие рабовладельцы такой возможности обычно не имели.

Некоторые рабы-ремесленники богатели и со временем выкупались на волю, становились свободными. Среди вавилонских граждан, порой весьма состоятельных и почтенных, в VII—VI вв. было много лиц, носивших фамилии, аналогичные русским Кузнецовым, Гончаровым, Золотаревым, Плотниковым, Корзинщиковым, Прачкиным, Ткачевым и т. п., — верный признак того, что их предки являлись ремесленниками, возможно, рабами и вольноотпущенниками. Зато их потомки, хотя и носили такие характерные фамилии, никогда не занимались ремеслом.

Высокий производственный уровень вавилонского ремесла был достигнут при сравнительно низком развитии общественного разделения труда между ремеслом и земледелием. Ремесло в Вавилонии не отделилось полностью от домашнего хозяйства. О том, что оно представляло собой с социально-экономической точки зрения, можно судить по состоянию производства одежды в Вавилонии. Почему именно одежды? Во-первых, потому, что одежда, особенно у цивили-

лизованных народов, наряду с пищей и жильем принадлежит к числу предметов первой необходимости, без которых человек не может существовать. Во-вторых, во всех докапиталистических обществах производство одежды было главным видом промышленной деятельности, и уровень его развития являлся определяющим для остальных видов промышленности.

У вавилонян в VI в. производство одежды продолжало оставаться отраслью домашнего хозяйства. Каждая семья, не лишившаяся возможности жить своим хозяйством, сама обеспечивала себя одеждой. Изготовлением ее занимались женщины с помощью рабынь, если таковые имелись в семье. Вот несколько случаев из жизни.

13 декабря 563 г. в селении Нуреа батрак Шамаш-иддин, сын Табии, нанялся на работу к Бульте, сыну Син-ликуннинни, потомка Иддин-Папсукаля, за 2 мины (1 килограмм) шерсти и некоторое количество ячменя. 18 сентября 553 г. в Сиппаре в присутствии властей Наид-Мардук, сын Шамаш-балатсу-икби, назначил своей разведенной жене Рамуа и своему сыну Арди-Бунене содержание в следующем размере: 4 ка (3,4 литра) хлеба и 3 ка (2,5 литра) сикеры в день, 15 мин (7,5 килограмма) шерсти, 1 пан (30,3 литра) сезама, 1 пан соли и 4 сугу (20,2 литра) горчицы в год. 9 июня 530 г. в том же Сиппаре женщина Хибта отпустила на волю своего раба Базузу, который обязался давать ей содержание: шерсть, сикеру, овец, горчицу и т. п.¹¹⁴

Как видим, натуральное содержание и батрака, и разведенной жены, и госпожи, отпустившей на волю раба, включало шерсть. В храмах очень большое число лиц, получавших натуральное довольствие, тоже имело в его составе шерсть и реже — лен¹¹⁵. Все эти люди располагали личным домашним хозяйством. Шерсть и лен нужны были им для изготовления одежды в домашних условиях. Храмовые рабы, не имевшие собственного хозяйства, получали со складов храма готовую одежду¹¹⁶, которая изготовлялась храмовыми ремесленниками-рабами, то есть, по сути дела, тоже в домашних условиях.

В VI в. большинство населения Вавилонии продолжало носить одежду домашнего изготовления и обходилось без

изделий ремесленников-профессионалов. Но в то же время имелось большое количество людей, которых домашняя одежда уже не удовлетворяла. Это были представители имущих классов, стремившиеся одеваться модно и изысканно в дорогие и красивые одежды, изготовленные опытными профессиональными мастерами.

Так, 4 декабря 569 г. богатый делец и рабовладелец Набуаххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, заказал мастеру-рабу Силим-Бэлу головной убор стоимостью в 3 сикля (25,5 грамма) серебра; мастер обязался выполнить заказ через полгода¹¹⁷. Другой вавилонский делец — Шел-либи, сын Иддин-Набу, потомка кузнеца, 10 января 498 г. заказал ткачу Апле, сыну Пир'у, потомка Амель-Эа, новую нижнюю одежду ценой в 1 сикль (8,4 грамма) серебра, которую мастер обязался изготовить к 28 мая 498 г.¹¹⁸ Среди храмового персонала многие лица, принадлежавшие к более привилегированным категориям, предпочитали вместо шерсти и готовых одежд получать в качестве содержания деньги на покупку одежды по своему вкусу¹¹⁹.

В покупной одежде нуждались также пролетаризированные слои населения, лишенные собственного хозяйства, жившие поденщиной и разными случайными заработками. Они не могли изготавливать одежду в домашних условиях и должны были приобретать ее. В таком же положении находились приезжие люди, которых имелось немало в Вавилоне и других городах страны.

Наконец, существовал еще один потребитель одежды, изготовленной профессиональными мастерами, — храмы. В каждом из них имелось большое количество истуканов божеств, окруженных многочисленным штатом жрецов и служителей, и множество помещений. Истуканы и жрецов надо было одевать, храмовые помещения убирать. Одежды и убранство часто менялись в соответствии с требованиями ритуала, строго расписанного по месяцам, неделям, дням и по времени дня. Для этой цели требовались разного рода одеяния, скатерти, покрывала, занавеси, ковры, шторы и пр., самые дорогие и самого высокого качества. В старину храмы покрывали эти потребности собственными силами и за счет военной добычи и дани, часть которых выделя-

лась им царями. Теперь же гораздо выгоднее и дешевле стало пользоваться услугами свободных ремесленников-профессионалов. В храмовых документах встречается множество ремесленников самых разнообразных профессий, работавших на храмы.

Так, храм Эбаббарру в Сиппаре не менее восьмидесяти лет (с 608 по 531 г.) обслуживала ткацкая мастерская, принадлежавшая сначала Набу-бэл-шумате, сыну Думмука, а затем его сыну Набу-нацир-апли. Набу-бэл-шумате умер около 545 г. При его преемнике Набу-нацир-апли наступил расцвет мастерской. В ней работало не менее одиннадцати человек, в том числе рабы и свободные наемные работники. Главную роль среди них играл Бакуа, раб хозяина, высококвалифицированный ткач. Чаще всего через него мастерская брала заказы у храма, сдавала готовую продукцию и получала плату за работу.

Обычно храм заказывал мастерской определенное количество изделий и обеспечивал ее материалами — либо сырыми (шерсть, лен, красители, квасцы), либо полуфабрикатами (крашеные шерсть и льняная пряжа). Продукцию мастерской во всех случаях составляли готовые изделия. В мастерской производились все виды текстильных работ: здесь мыли шерсть, трепали и чесали лен, красили, пряли, ткали, выколачивали, стирали и вышивали. Мастерская изготовляла все известные наименования текстильных товаров, шерстяных и льняных, цветных и белых: туники верхние и нижние, плащи, пояса, головные уборы, покрывала, накидки, ковры, занавеси и прочие изделия. Она сдавала храму свою продукцию поштучно и по весу. Каждый заказ, каждая выдача материалов и сдача продукции оформлялись накладными. В них указывалась продукция не мастерской в целом, а каждого работника индивидуально, ибо храм-заказчик придавал большое значение качеству изделий, которое зависело от индивидуального мастерства создателей. Но такого рода учет был возможен только потому, что в мастерской не существовало детального разделения труда между работниками и труд каждого из них не обезличивался. Каждый работник мастерской, будь то сам хозяин Набу-нацир-апли или его раб Бакуа, самостоятельно выполнял все основные трудовые операции.

За свою работу ткачи мастерской получали плату деньгами или продуктами (ячменем, финиками и т. д.), которая также начислялась каждому из них индивидуально, по количеству и качеству изготовленных им вещей. Но получали эту плату либо хозяин мастерской, либо его раб Бакуа, так что фактический заработок свободных работников, не говоря уже о рабах, определялся не храмом, а хозяином мастерской. Иногда храм в качестве платы за работу выдавал шерсть, которая использовалась в мастерской для изготовления товаров, предназначенных уже не храму, а другим потребителям. Мастерская работала не только на храм, но и на рынок¹²⁰. Аналогичный характер носила работа и прочих ремесленных мастерских — ткацких, кузнечных, ювелирных, кожевенных, гончарных и пр. В Вавилонии VI в. до н.э. ремесло еще не выделилось полностью из домашнего хозяйства. Большинство населения вело натуральное хозяйство, которому присуще стремление к автаркии. Каждое хозяйство старалось само обеспечить себя всем необходимым. В домашнем хозяйстве производили пищу, одежду, обувь, глиняную посуду, мебель и прочую утварь. К помощи рынка прибегали только тогда, когда не могли удовлетворить свои потребности собственными силами. В ремесленном производстве очень важную роль продолжала играть работа на заказ из материала заказчика — первичная форма отделения ремесла от земледелия, характерная как раз для эпохи господства натуральных форм хозяйства.

Такова была господствующая тенденция ведения хозяйства. Но эти традиционные устои все время подрывались. Усиливалась связь домашнего хозяйства с рынком. Многие потребности, например в металлических, каменных, деревянных вещах, вообще нельзя было удовлетворить в рамках домашнего хозяйства. Да и прочие потребности выросли настолько, что домашнее производство уже не справлялось с ними. Наконец, росло число людей, лишенных возможности вести самостоятельное домашнее хозяйство. Все это способствовало росту ремесел, развитию производства на рынок из материала мастерской, а не заказчика, то есть товарного производства в полном смысле слова. Это был качественно новый этап в развитии ремесла и его выделения в само-

стоятельную сферу производственной деятельности. Основы домашнего производства постепенно расшатывались. Происходило отделение ремесла от земледелия.

В Вавилонии VI в. до н.э. этот процесс зашел достаточно далеко. Профессии кузнецов, плотников, гончаров, ткачей, корзинщиков, кожевников, золотых и серебряных дел мастеров, резчиков по камню, строителей и другие, известные издревле, в описываемое время начали дробиться. Так, наряду с ткачами вообще появились ткачи по шерсти, ткачи по льну, ткачи цветных тканей, златоткачи, красильщики, портные, валяльщики, прачечники; среди кузнецов выделились кузнецы по железу и кузнецы-медники. То же самое происходило и в других отраслях ремесла. Однако дифференциация внутри ремесел только начиналась. Между возникающими подразделениями единого производства пока не обозначилось определенных граней. В вавилонском ремесле еще не существовало сколько-нибудь четкого разделения труда вне мастерской. В этом заключается его качественное отличие от средневекового феодального ремесла¹²¹.

Другой качественной особенностью вавилонского ремесла было отсутствие в нем четко выраженного разделения труда внутри мастерской. Мастерская представляла собой простую кооперацию, и каждый ее работник выполнял те же операции, что и его товарищ. Эта черта роднит вавилонское ремесло с феодальным и качественно отличает его от капиталистической мануфактуры, основанной как раз на детальном разделении труда внутри мастерской. Вавилонское ремесло по уровню своего развития и степени существовавшего в нем разделения труда носило такой же характер, как ремесло древнегреческое и римское. Это было не феодальное и не капиталистическое, а античное ремесло.

Развитие ремесла неразрывно связано с развитием торговли и товарно-денежных отношений. В отличие от земледельца ремесленник производит всегда товар, предназначенный для продажи, а не для личного потребления. Развитию торговли в Вавилонии во многом способствовали также имущественное расслоение общества и рост неземледельческого населения. Отсутствие в стране таких видов сырья, как камень, дерево и металлы, с одной стороны, и ее богатство

продуктами сельского хозяйства и промышленности, с другой, привели к очень раннему развитию внешней торговли. К VII—VI вв. до н.э. за Вавилоном давно закрепилась слава торгового центра всего Древнего Востока. Здесь можно было купить и продать любой товар, известный древнему миру.

Местом торгога служили городские ворота. Возле них по прилегающим улицам, переулкам и тупикам размещались лавки, ремесленные мастерские, трактиры. От зари до зари, пока ворота были открыты, тут гудел, как улей, шумный и красочный восточный базар. Здесь продавали и покупали, торговались, клялись, проклинали, ссорились, мирились, надували друг друга горожане и сельские жители, разносчики, лотошники, лавочники, ремесленники, приказчики купцов-оптовиков. На вавилонских базарах толпилась разноплеменная и разноязыкая масса людей.

На иноземцев, впервые попавших в эту сутолоку, вавилонские торжища производили ошеломляющее впечатление. Недаром среди пленных иудеев, выросших в захолустном Иерусалиме, родилась легенда о том, что боги нарочно заставили надменных и гордых своим богатством вавилонян говорить на разных языках, чтобы они не понимали друг друга. Впрочем, в последнем творцы легенды определенно ошибались: завсегдатаи вавилонских базаров отлично понимали друг друга, жизнь научила их владеть по меньшей мере двумя языками — арамейским и вавилонским. Торговались обычно по-арамейски, контракты писали либо по-вавилонски на глиняных табличках клинописью, либо по-арамейски краской на кусочках пергамента, кожи, папируса, дощечках и глиняных черепках-остраконах.

В связи с потребностями торговли возникла необходимость соответствующего развития путей сообщения и транспорта. В изрезанной каналами Вавилонии сухопутными дорогами служили дамбы. По ним проходили магистральные царские дороги во все концы страны. По ним передвигались повозки, запряженные ослами, мулами, волами, и вьючные караваны из ослов и верблюдов. Но особо важную роль в стране издревле играл водный транспорт, ибо реки и каналы — самые удобные и дешевые пути сообщения. У вавилонян существовали различные типы судов, начиная с деревян-

ных кораблей и лодок, ходивших на веслах и под парусами, и кончая рыбачьими челноками из тростника. Наиболее распространенным типично вавилонским видом грузового судна была гуфа. Геродот описывал ее следующим образом: «Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи [остов] обтягивают плотными шкурами наподобие [круглого] днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой [для обертки груза] и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загребают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой отталкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза [131 тонна]. На каждом судне находится живой осел, и на больших — несколько. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и [плетеный] остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом. Таковы у них [речные] суда»¹²².

В гуфах, подобных вавилонским, жители Ирака по сей день плавают по Тигру и Евфрату. До сих пор они пользуются еще одним вавилонским типом судна — келеком, плотом на кожаных бурдюках, надутых воздухом.

Товарно-денежные отношения в Вавилонии достигли очень высокого для античного мира уровня. Деньги как всеобщий эквивалент стоимости в виде кусочков и слитков серебра появились здесь еще в середине III тысячелетия до н.э. у шумерийцев. Вавилоняне унаследовали эту денежную систему. В VII в. до н.э. в Лидии была изобретена монета, которую вскоре стали чеканить во всем древнем мире.

Персидский царь Дарий I (522—486 гг. до н. э.) ввел единую монетную систему по всей Персидской империи от берегов Эгейского моря до Инда. Все древние монетные системы заимствовали у вавилонян весовые соотношения и часто названия основных денежных единиц. Однако один народ упорно не признавал монету и столь же упорно держался традиционных весовых денег. Это были вавилоняне. Они продолжали принимать серебро по весу, не обращая внимания на чеканку. Так они поступали не только с персидской монетой, но и 300 лет спустя с селевкидскими серебряными статерами.

Нежелание вавилонян признать монету объясняется отнюдь не их косностью. Они строго придерживались монометаллического денежного обращения. В качестве денег у них ходило только серебро, тогда как соседние народы употребляли и серебряные, и золотые, и электровые, и медные, и свинцовые, и даже железные деньги. Разобраться в курсе всех этих монет было очень сложно. Вавилоняне считали более удобным и практичным принимать по-прежнему серебро по весу. Кроме того, они не имели собственного серебра и пользовались иноземным металлом различной степени чистоты. В обращении находились «чистое серебро», «белое серебро», серебро с шестой, пятой, восьмой, двенадцатой долями лигатуры и т. д. При таком разнообразии качества и соответственно стоимости серебра его удобнее было принимать по весу. Так вавилоняне и поступали, будь то серебро с клеймом (то есть монета) или без клейма.

Наряду с торговлей товарами в Вавилонии издавна процветала торговля деньгами — ростовщичество. Однако давно прошли те времена, когда ростовщик за несколько мер ячменя или фиников закабалял должника и превращал его в раба. С 1790 г. до н. э., после издания прославленных Законов царя Хаммурапи долговое рабство для вавилонских граждан было отменено. Ростовщик времен столпотворения выглядел гораздо цивилизованнее и деликатнее своих предшественников, что, однако, не мешало ему получать такие прибыли, которые тем и не снились.

Ростовщичество пропитало все поры вавилонской деловой жизни, наложило на нее и на самих вавилонян неизгладимый отпечаток. Сказанное отразилось и на форме новова-

вилонских деловых документов. Было выработано простое универсальное «обязательство» (u'iltum), в основе которого лежало долговое обязательство. Этот документ годился для фиксации самых разнообразных сделок: ссуды, займа, кредита, заказа у ремесленника или торговца, платежа ренты, квартирной платы, разного рода поставок, пошлин, сборов, мыта, налогов, приданого и т. п. Каждый плательщик независимо от характера платежа при таком оформлении сделки становился в положение должника получателя. Кредитор и должник — вот две основные фигуры вавилонских деловых отношений, каково бы ни было их содержание.

Ростовщик получал доход в виде ссудного процента, ставка которого в VI в. колебалась от 10 до 33 ½ процента годовых — при денежных операциях обычной была ставка в 20 процентов годовых. Это была вавилонская норма прибыли, тот уровень, с которым сравнивалась доходность в любой сфере хозяйственной деятельности. Если земля, дом, раб давали прибыль ниже 20 процентов своей стоимости в год, то они считались нерентабельными.

Вавилоняне имели четкое представление о капитале, выработанное еще шумерийцами в III тысячелетии до н.э. Они называли его «головой» (по-шумерски — sag-du, по-вавилонски — qaqa-du). Наше слово «капитал» происходит от латинского caput, что тоже значит «голова». Таким образом, термин «капитал» имеет шумеро-вавилонское происхождение. Капиталом шумерийцы и вавилоняне называли сумму, даваемую взаймы или помещаемую в деловую операцию и приносящую прибыль, ибо им отлично было известно главное свойство капитала — приносить прибыль.

В случае сомнений в платежеспособности должника ссуда обеспечивалась залогом земли, дома, раба или иного вида имущества. Существовало два основных вида залога — ипотека и антихреза. При ипотеке залог оставался у должника, но, если тот не мог погасить долг, кредитор получал право на заложенное имущество. При антихрезе залог немедленно поступал в распоряжение кредитора, и доходы от него засчитывались как проценты на ссуду. Особую разновидность залога представляла генеральная, или общая, ипотека — залогом объявлялось все имущество должника. Она

применялась в тех случаях, когда платежеспособность должника не вызвала сомнений, но имелись опасения, что он не заплатит долг. В таком случае кредитор мог компенсировать себя за счет любого имущества должника. К генеральной ипотеке прибегали и тогда, когда должник не мог дать определенный залог, равноценный ссуде. Поэтому в векселе указывались реальный залог и одновременно генеральная ипотека. Кредитор имел право забрать залог, а оставшуюся часть долга покрыть за счет прочего имущества должника.

Получить долг с должника в Вавилонии эпохи столпотворения не всегда было простым делом. Кредитор не имел права на личность должника, а его права на имущество последнего были весьма ограниченными. Кредитор мог забрать только залог, но и это считалось неэтичным: ростовщичество в неприкрытом виде вызывало осуждение. Поэтому ростовщики часто прибегали к маскировке своих действий. Они давали ссуды под поручительство третьих лиц или самих должников, и в случае неустойки заложенное имущество забирали не кредиторы, а поручители; кредиторы же после этого имели дело уже не с должниками, а с их поручителями. Часто ростовщик добивался распродажи имущества должника и получал вырученные таким способом деньги, а не само имущество. Но при этом покупателем имущества банкрота во многих случаях было подставное лицо из числа клиентов кредитора, так что залог в конечном счете все-таки попадал к ростовщику, хотя и окольным путем.

При известной ловкости и нахальстве должник мог увильнуть от уплаты долгов, и ростовщик не всегда располагал возможностью принудить его к платежу. Некоторые ростовщики по неопытности и из-за излишней доверчивости терпели ущерб. Но выгоды превышали риск: при ставке 20 процентов годовых и исправном платеже процентов ростовщик за пять лет полностью возмещал свой капитал. Если должник начал задыхаться под бременем долга и процентов, «гуманный» ростовщик не спешил топить его, а, напротив, давал ему новые ссуды, в том числе даже беспроцентные, чтобы он был в состоянии продолжать уплату процентов. Должник на долгие годы попадал в силки ростовщика. Подчас дело тянулось из поколения в поколение. Ростовщик времен столпо-

творения перестал быть тигром, стремившимся слопать свою жертву. Он превратился в терпеливого паука, постепенно высасывавшего из должника все жизненные соки.

Практически в подавляющем большинстве случаев должник не мог отказаться от уплаты долга. Он твердо знал, что лишится кредита, если посмеет обмануть займодавца. Для очень многих вавилонян это означало немедленное и полное разорение без проблеска надежды снова встать на ноги, что было страшнее любой долговой паутины. Вот это-то и заставляло должников терпеть гнет ростовщиков.

Каждая сделка, будь она самой незначительной и с кем бы она ни заключалась — с близким соседом, родственником, братом, женой, мужем, сыном, дочерью, отцом, — фиксировалась письменно. Когда дело доходило до денег, голос крови, дружбы, любви и привязанности у вавилонян замолкал. Поэтому вавилонское общество производило отталкивающее впечатление на многих иноземцев, которые близко соприкасались с ним. Не случайно в Библии Вавилон стал синонимом неумной корысти и бессердечия.

К числу наиболее ярких представителей нововавилонского делового мира принадлежали потомки Эгиби. Жизнь этой семьи, с которой мы уже не раз встречались, известна на протяжении четырех поколений, с конца VII по начало V в. до н.э.

Фамилию Эгиби носило большое число лиц, проживавших в Вавилоне и Уруке. Они встречаются с XII в. до н.э. Когда-то, видимо, это был халдейский клан. К концу VII в. его уже не существовало, и люди с фамилией Эгиби принадлежали к самым различным слоям общества. Так, урукские Эгиби входили в состав правящей олигархии Урука, а Шула, сын Набу-зер-укина, потомка Эгиби, создатель интересующей нас семьи Эгиби, был скромным жителем селения Пахирту под Вавилоном. Кстати сказать, фамилию Эгиби носили многие жители этого селения, которые не были родственниками Шулы.

Шула начал делать свою карьеру в качестве деревенского ростовщика в те годы, когда пала Ассирия и вавилонские армии устремились на запад. Начиналась эпоха вавилонского процветания, и Шула был одним из тех, кто стремился воспользоваться открывавшимися радужными перспективами.

Сколотив небольшое состояние за счет своих односельчан, он около 590 г. перебрался в Вавилон, где с головой окунулся в ростовщические операции. В 582 г. Шула умер, оставив детям довольно значительное наследство и свою ненасытную жажду наживы.

Набу-аххе-иддин, старший сын Шулы, сразу же отделил своих младших братьев, чтобы они не связывали его в делах, и пошел по стопам отца. Однако скоро он убедился, что отцовские методы ведения дел не отличаются оригинальностью и едва ли позволят ему подняться над уровнем таких же, как он сам, дельцов средней руки. И Набу-аххе-иддин нашел иные пути к богатству. В начале 70-х гг. он перебрался в город Опис, где отыскал покровителя в лице богатого и влиятельного вельможи Нергал-шарру-уцура, сына Бэл-шум-ишкуну, с которым мы уже встречались.

Выходец из халдеев, Нергал-шарру-уцур в генеральском чине «раб-мага» командовал вавилонскими полками при штурме Иерусалима в 586 г. После этого он занял пост наместника провинции Бит-Син-магир на севере Вавилонии и должность царского уполномоченного в Сиппаре. Нергал-шарру-уцур женился на дочери царя Навуходоносора II и занял второе по рангу место среди «князей страны Аккад». Он владел обширными землями, множеством рабов, громадными отарами овец и находился в близких отношениях с правящими кругами Сиппара и его храма Эбаббары, одного из крупнейших в стране¹²³. Набу-аххе-иддин сначала втерся в доверие к рабам и приказчикам вельможи, оказывая им услуги в делах, а затем его заметил сам Нергал-шарру-уцур и сделал своим поверенным. В этом качестве Набу-аххе-иддин в конце 60-х гг. вернулся в Вавилон. Здесь от имени патрона он провел одну операцию, которая сильно смахивала на крупную аферу.

Во времена царя Навуходоносора в Вавилоне проживал богатый молодой человек по имени Набу-аплу-иддин, сын Балату, потомка кабатчика. Он любил жизнь со всеми ее прелестями и сорил деньгами без счета. Несмотря на состояние, оставленное отцом, ему пришлось делать долги, закладывая и перезакладывая свое имущество. Набу-аплу-иддин обладал редким даром обаяния, перед которым не могли усто-

ять даже опытные вавилонские толстосумы: они верили его векселям и ссужали деньги. Так продолжалось свыше пятнадцати лет. Но всему рано или поздно приходит конец. Окончательно запутавшись в долгах, Набу-аплу-иддин, ставший уже зрелым мужем, придумал оригинальный способ отделаться от кредиторов — способ, который 24 столетия спустя в комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» Сысой Псоич подсказал купцу Большову. Роль Сысоя Псоича при этом сыграл Набу-аххе-иддин, а роль Подхалюзина — Нергал-шарру-уцур.

В конце 561 г. Набу-аплу-иддин объявил себя банкротом. Его имущество пошло в продажу с молотка и было куплено Набу-аххе-иддином на имя Нергал-шарру-уцура. Набу-аххе-иддин же взял на себя от имени патрона расчеты с кредиторами Набу-аплу-иддина. Тем из них, которые держали в залоге имущество банкрота, он заплатил полностью, а остальным, имевшим на руках только векселя, предложил на выбор либо половину суммы, означенной в векселе, либо вообще ничего. Грабеж среди бела дня продолжался несколько лет. За это время в августе 560 г. Нергал-шарру-уцур захватил царский престол в Вавилоне, и вопли обманутых кредиторов, его новых подданных, нисколько не омрачили его настроение.

В итоге новый царь Нергал-шарру-уцур стал обладателем нескольких прекрасных особняков в столице, прежде принадлежавших банкроту; его поверенный Набу-аххе-иддин прославился в деловых кругах Вавилона и открыл респектабельный банк Эгиби, а несчастный банкрот Набу-аплу-иддин... Впрочем, почему несчастный? Читатель напрасно ожидает увидеть его в долговой яме в поте лица отработывающим грехи своей непутевой жизни. Ведь он жил в Вавилоне во времена столпотворения! Набу-аплу-иддин не только не разорился, а, наоборот, обзавелся новыми домами и рабами, продолжал вести прежний образ жизни и водить дружбу со своим благодетелем Набу-аххе-иддином¹²⁴.

Итак, на рубеже 60—50-х гг. на вавилонском деловом небосводе взошла новая звезда первой величины — Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби. С этого времени и ведет начало знаменитый дом Эгиби. Набу-аххе-иддин стремительно богател. Он скупал имения, дома, рабов, вел круп-

ные денежные операции. Политические бури, потрясавшие в эти годы Вавилон, пошли ему только на пользу. Чутье дельца и здесь не подвело его. Еще в годы царствования Нергал-шарру-уцура (560—556 гг.) Набу-аххе-иддин установил деловые связи с Набу-цабит-кате, дворецким царевича Бэл-шарру-уцура (Валтасара) ¹²⁵.

Правда, тогда Валтасар еще не был знаменит и даже не мечтал о власти, а когда после переворота 556 г. достиг ее и с 553 г. стал соправителем царя Набонида, то не забыл услуг, оказанных Набу-аххе-иддином. Последний утвердился в своей роли царского банкира и получил пост царского судьи. В эти же годы Набу-аххе-иддин вступил в союз с таким же, как он сам, денежным воротилой Иддин-Мардуком, сыном Икиши, потомка Нур-Сина, о котором уже шла речь.

Кудурру, дед Иддин-Мардука, тоже носил фамилию Эгиби и происходил из того же села Пахирту, что и Шула, отец Набу-аххе-иддина, с которым он был лично знаком. Начав, как и Шула, свою деятельность деревенским живоглотом, Кудурру в 599—598 гг. переехал в Вавилон. Он скончался около 593 г. Его сын Икиша оказался неудачником и умер нищим. Не помогло ему даже то, что он сменил халдейскую фамилию Эгиби на чисто вавилонскую Нур-Син ¹²⁶. Иддин-Мардук был младшим сыном Икиши, и потому ему предстояло пробиваться в жизни самостоятельно.

Свою фортуна он поймал в облике девицы Ина-Эсагили-рамат, дочери Зерии, потомка Набайи, которая около 572 г. стала его женой. Ина-Эсагили-рамат располагала приличным приданым. У нее были деньги, рабы, а главное — она обладала качествами дельца. С ее помощью Иддин-Мардук быстро нажил состояние на ростовщических операциях и спекуляции чесноком, финиками, ячменем, сезамом, шерстью, скотом. В 50-х гг. он открыл банк. Вот тогда-то его дочь Нупта вышла замуж за Итти-Мардук-балату, старшего сына Набу-аххе-иддина. Так соединились два крупных состояния. Позже, после смерти Иддин-Мардука в 525 г., его единственными наследниками остались внуки — Мардук-нацир-апли, Набу-аххе-буллити и Нергал-ушезиб, дети Итти-Мардук-балату и Нупты, четвертое поколение семьи Эгиби.

Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, умер, осе- нью 543 г., передав руководство семьей Итти-Мардук-бала- ту, при котором дом Эгиби достиг зенита своего процвета- ния. Основу его богатства составило землевладение — ему принадлежало не менее 48 имений. Кроме того, у Эгиби было около 59 городских домов в Вавилоне, Барсиппе, Кише и других городах, около 300 рабов, крупный денежный капи- тал, который использовался в ростовщических и банковских операциях. Наконец, Итти-Мардук-балату, будучи прорица- телем¹²⁷, был связан с храмами. О дальнейшей судьбе семьи Эгиби и о ряде фактов ее биографии нам придется еще не раз говорить ниже.

Иддин-Мардук, в отличие от семьи Эгиби, предпочитал богатство в деньгах. Земля, дома, рабы в составе его имуще- ства играли скромную роль. Когда его дочь Нупта выходи- ла замуж, он дал ей в приданое 24 мины (12 килограммов) серебра и специально купленное для нее имение, а вместо предназначенных ей рабов отдал зятю деньги: у него не было лишних имений и рабов, но имелись наличные. Основные доходы Иддин-Мардуку приносили ростовщичество, спеку- ляция и банк.

Пример Иддин-Мардука свидетельствует прежде все- го о высоком развитии денежного обращения в Вавилоне и о том, что денежное богатство в глазах общества успеш- но конкурировало с богатством, заключавшимся в земле, домах и рабах. А это, в свою очередь, говорит о стабильности деловой конъюнктуры. Только при таком условии денежное богатство могло считаться гарантированным от обесцене- ния в результате резких колебаний курса серебра и от кон- фискаций.

Рассказывая о семье Эгиби и об Иддин-Мардуке, я не ого- ворился, упоминая банки. Вавилон эпохи столпотворения был родиной банков, как Шумер III тысячелетия до н.э. — родиной бухгалтерии. Банки родились в результате разви- тия ссудно-ростовщического и торгового капитала, а так- же денежного обращения. Их вызвала к жизни потребность в кредите, без которого деловая жизнь в Вавилоне VI в. до н.э. стала уже невозможной. Ростовщические ссуды не мог- ли удовлетворить дельцов, нуждавшихся в наличных деньгах.

Тогда появилась комменда — по-вавилонски *harrana* («дорога») — ссуда, выданная на торговую поездку.

Вавилонская деловая практика выработала две формы комменды. При одной из них делец брал капитал в деньгах или товарах у другого дельца и пускал его в оборот, за что отдавал собственнику капитала определенную долю прибыли, обычно половину или треть. При другой форме комменда создавалась путем сложения паев двух или нескольких дельцов, каждый из которых либо не имел достаточного капитала для ведения дела в одиночку, либо не хотел вести операцию один. В этом случае прибыль делилась в соответствии с размерами паев. Но и при равенстве паев обычно не существовало равенства между партнерами: один из них, как правило, был богаче и сильнее своих компаньонов, которые не могли обойтись без его помощи и потому брали на себя практическое ведение операций, выплачивая патрону его долю прибыли.

Комменда уже представляла зародыш банковских операций. По крайней мере, средневековые итальянские банки выросли на операциях типа комменды. Так было и в Вавилоне. Следующим шагом явился переход к приему и выдаче вкладов, предоставлению кредита, безналичному расчету между вкладчиками, оплате чеков, выданных вкладчиками. Это были уже чисто банковские, а не ростовщические операции. Банки Эгиби, Иддин-Мардука и многие другие постоянно занимались ими. В деловой жизни Вавилона VI в. до н.э. такие операции стали обычным явлением.

Благодаря вкладам банкир получал возможность по своему усмотрению распоряжаться деньгами вкладчиков, пускать их в оборот. Они приносили ему в среднем 20 процентов годовых (такова была средняя ставка ссудного процента), а банковский процент, который получали вкладчики, был ниже ссудного примерно на 7 процентов, что и составляло прямой доход банкира¹²⁸. Кроме того, банкир получал возможность контролировать имущество вкладчиков и приобретал власть над ними, а это, в свою очередь, приносило ему разнообразные выгоды и доходы.

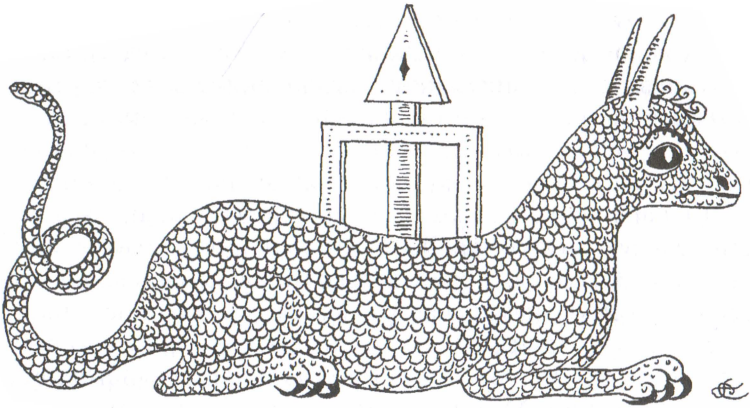
Не следует, однако, переоценивать уровень денежного обращения в Вавилоне. Здесь, как и в ремесле, вавилонское общество не вышло за рамки Античности. Особенно четко

это прослеживается как раз на примере вавилонских банков. Банковское дело в Вавилоне оставалось неразрывно связанным с ростовщичеством, торговлей, предпринимательством, земледелием, домовладением, рабовладением и другими видами деловой активности. Ни Эгиби, ни Иддин-Мардук, ни их коллеги не были банкирами-профессионалами и не подозревали, что они банкиры: вавилоняне даже не имели соответствующего термина для обозначения этой профессии. Для них банковские операции служили одним из многих видов получения доходов, и притом не самым важным.

В Вавилоне банковское дело еще не выделилось в самостоятельную профессию. В этом-то и состоит коренное отличие вавилонских банков не только от современных, но и от средневековых, например итальянских и южнонемецких. Для Эгиби и Иддин-Мардука банковское дело было придатком к другим занятиям, тогда как для средневековых Барди, Перуцци, Медичи, Фуггеров или Вельзеров, наоборот, — основной профессией, а прочие занятия дополнениями к ней.

Вавилонская экономика в целом — сельское хозяйство, ремесла, торговля, денежное обращение — находилась на уровне развития античного мира. Но страны, лежавшие за пределами Древнего Востока, в том числе Греция и Рим, достигли этого уровня лишь несколько веков спустя. Уровень с Вавилоном во всем мире шли только Египет и отчасти некоторые города Финикии и Сирии.

Глава 6
«Врата Божьи»

Вавилон устроен так прекрасно, как ни один известный нам город!

Геродот, I, 178

Вавилон основали шумерийцы еще в III тысячелетии до н.э. Тогда это был небольшой городок, не игравший сколько-нибудь заметной роли в жизни страны, хотя он и получил от своих основателей гордое имя Кадингирра, что по-шумерийски значит «Врата Божьи». Вавилон грабили и подчиняли цари Аккада, гутии, урукский царь Уту-хегаль и цари III династии Ура, сменявшие друг друга в господстве над страной Шумера и Аккада. Так продолжалось до 1894 г. до н.э., когда Вавилон захватил аморейский вождь Сумуабум, первый царь Вавилона и основатель I Вавилонской династии (1894—1595 гг. до н.э.). В первом же году своего царствования Сумуабум возвел городские стены Вавилона. К этому времени население города стало уже семитским, а не шумерийским. В связи с этим древнее название города было переведено на семитский аккадский язык и стало звучать Баб-или — «Врата Божьи», Вавилон¹²⁹.

Знаменитый Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), шестой царь I Вавилонской династии, подчинил своей власти все Южное Двуречье, и с этого времени Вавилон превратился в главный город страны. По его имени греки, а за ними и другие народы стали называть страну Вавлонией, а ее жителей вавлонянами. Со времен Хаммурапи вплоть до начала III в. до н.э., на протяжении целых пятнадцати столетий, Вавилон оставался экономическим, политическим, культурным и интеллектуальным центром Древнего Востока. Он оставил неизгладимый след в истории человечества. Память о нем жила постоянно, даже тогда, когда его руины покрылись землей и превратились в холмы Бабиль, Каср, Амран ибн Али, Меркес, Хомера и другие, возле которых в Средние века выросло арабское селение Хилла.

Развалины Вавилона привлекли внимание археологов с 1850 г. Их обследованием занимались О. Г. Лэйярд, Ж. Опперт, Ф. Френель, О. Рассам, Дж. Смит и другие ученые. Но только в 1899 г. начались систематические раскопки города, продолжавшиеся вплоть до 1917 г. Их вела археологическая экспедиция Германского Восточного общества (Deutsche Orient-Gesellschaft) под руководством Роберта Кольдевея. В результате раскопок был открыт Вавилон времен Навуходоносора II и Геродота.

Сохранилось несколько описаний Вавилона, сделанных людьми, вне всякого сомнения видевшими его своими глазами и ходившими по его улицам. Но, как ни странно, ни одно из этих описаний не совпадает с тем, что обнаружили при раскопках Р. Кольдевей и его коллеги. Прежде всего это касается размеров и плана города.

Ассирийский царь Асархаддон, который в 680 г. начал восстанавливать Вавилон, описывал его как квадрат, окруженный стенами, со стороной в 30 ашлу (3600 локтей); следовательно, периметр городских стен составлял 14400 локтей (около 7200 м). То же самое сообщает и вавилонский царь Набонид. У Вавилона Геродота «вид четырехугольника, каждая сторона которого содержит в себе 120 стадий (22,2 километра); число всех стадий, составляющих окружность города, — 480 (88,8 километра)»¹³⁰. Греческий врач и писатель Ктесий, на рубеже V и IV вв. до н.э. долгое время живший

при персидском дворе, определял периметр стен Вавилона в 360 стадий (66,6 километра)¹³¹, а сподвижники Александра Македонского, побывавшие в Вавилоне лет семьдесят спустя, — в 365 стадий (67,5 километра)¹³².

На самом же деле Вавилон представлял собой в плане вытянутый с запада на восток почти правильный четырехугольник с периметром стен 8150 метров и площадью около четырех квадратных километров. Стороны этого четырехугольника были сориентированы по четырем «ветрам», то есть по четырем странам света, которые у вавилонян не совпадали с нашими: вавилонский север (ильтану) соответствовал нашему северо-северо-западу, юг (шуту) — нашему юго-юго-востоку, запад (амурру) — нашему юго-западу-западу, а восток (шаду) — нашему северо-востоку-востоку. Река Евфрат, протекая с севера на юг, делила город на две неравные части: на левом берегу находился Старый город, а на правом — меньший по размерам Новый город. Таков был собственно Вавилон.

Вокруг Вавилона располагались финиковые и фруктовые сады, виллы богатых горожан, поселки и хутора, где жили земледельцы и садоводы. Царь Навуходоносор II возвел вокруг этих предместий на левом берегу Евфрата внешнюю стену длиной почти 18 километров. С учетом территории в пределах этой стены общая площадь «Большого Вавилона» достигала 10 квадратных километров. Его население составляло не менее полумиллиона человек. Даже по современным масштабам Вавилон был большим городом, а по сравнению с прочими древними городами он выглядел настоящим гигантом. К тому же сплошная цепь предместий и пригородов соединяла Вавилон в одно целое с соседним городом Барсиппой, расположенным в 17 километрах южнее. В западной половине древнего мира с ним по размерам могли соперничать только Ниневия, Карфаген, Александрия и Рим, причем последние три города только спустя 300–400 лет после эпохи Навуходоносора II и Геродота, а Ниневия, как мы уже знаем, была разрушена в 612 г. до н.э. Гигантские древние города Индии и Китая выросли только в III в. до н.э. Таким образом, в VI–IV вв. до н.э. Вавилон вообще не имел соперников во всем мире¹³³. Этим, видимо,

и следует объяснить, почему Геродоту, Ктесию и сподвижникам Александра он казался городом фантастических размеров: нигде и никогда они ничего подобного не видели.

И все же, несмотря на свои громадные размеры, Вавилон не являлся городом в нашем понимании этого слова. Городом в строгом, социально-экономическом смысле называется поселение людей, главным занятием которых являются промышленность и торговля. Город противостоит деревне, где население занимается в основном сельским хозяйством, земледелием. Древний же мир не знал противоположности между городом и деревней. Вавилон, Ниневия, египетские Стовратые Фивы, Афины, Коринф, Александрия, Карфаген, Рим по своим размерам, великолепию и численности населения намного превосходили любой город средневековой Европы — с ними могли соперничать только византийский Константинополь и мавританская Кордова, — и тем не менее они не были городами в указанном смысле.

Из сказанного не следует, что в древних городах не было ремесленников и торговцев. Напротив, только что говорилось о Вавилоне как о крупном торгово-ремесленном центре. Но древнее ремесло еще не достигло той ступени развития, на которой происходит общественное разделение труда между городом и деревней. Такое разделение труда возникло лишь в начале Средних веков, в эпоху становления феодализма.

Древний город отличался от деревни не экономически, а политически. В древних языках даже нет слов, которые соответствовали бы современным понятиям «город» и «деревня». Ассиро-вавилонское слово *alu* значило «селение» вообще, будь то Вавилон, или хутор с десятком жителей, или временная стоянка кочевников. Под городом древние понимали поселение сообщества людей (*греч.* πόλις, *лат.* *civitas*), обладающего политическим самоуправлением и земельной территорией (*вавил.* *segu*, *греч.* χωρά). Такое поселение по-вавилонски называлось *maħazu*, по-гречески *αστυ*, по-латински *urbs*. Деревней же (*вавил.* *каргу*, *греч.* εἰσρα, *лат.* *rus*) именовали мелкое селение на городской территории, подчиненное городу политически, в котором постоянно или временно жили люди, занимавшиеся обработкой земли.

Экономическую основу древнего города составляло землевладение. Понятия «гражданин» и «земледелец» были неотделимы друг от друга. Город не мыслился без сельскохозяйственной территории, составлявшей собственность гражданского коллектива. Город обладал политическим самоуправлением и являлся в то же время государством. Как правило, он был окружен стенами и имел храм божества, которое было воплощением единства гражданского коллектива и его государственности, палладием города.

Языческое божество выросло из родового тотема. Антропоморфизировавшись, вавилонские боги продолжали сохранять черты своего происхождения. Каждое божество имело свое священное животное, свой символ, выросший из первобытного фетиша. Сохранилось также свойственное тотемизму и фетишизму грубо материалистическое восприятие божества — идолопоклонство. Для язычников, в том числе и для вавилонян, бог представлялся не бесплотным иррациональным духом, а в виде реального предмета — идола, истукана из дерева, камня или металла. Идол наделялся всеми качествами, какие, по мнению язычников, надлежало иметь богу, созданному по образу и подобию чтивших его людей. Его надо было кормить, поить, одевать, развлекать. Ему требовались жилье, женщины и мальчики. Его можно было разгневать и умиловить, обмануть и обокрасть. С ним можно было поторговаться. Языческий бог требовал жертвоприношений плодами земли, скотом, вещами, драгоценностями, а в седой древности и людьми.

Языческий храм, в отличие от христианской церкви, мусульманской мечети или еврейской синагоги, был не местом молитвенных собраний верующих, а жилищем бога, «домом Божьим» (по-вавилонски bit-ili). В облике истукана бог стоял в святой святых храма, и доступ к нему имел только узкий круг лиц, именовавшихся «входящими в дом» (egib-biti).

Языческий бог носил локальный характер. Он был тесно связан с определенным коллективом и чтился только в этом коллективе. Он мог погибнуть вместе со своим коллективом, но мог попасть и в плен. Один такой случай нам уже известен. Вавилонский бог Бэл-Мардук пробыл в ассирийском плену 21 год, с 689 по 668 г., и все это время вавилонского

государства не существовало. Еще более показательна история богини Иштар (Наны) Урукской.

В глубокой древности (видимо, в 2024 г. до н.э. при разгроме шумерийского государства III династии Ура или же в 1171 г. до н.э. при эламском царе Кутир-Наххунте) эламиты увезли истукана этой богини из Урука к себе, в Сузы, в качестве трофея. Здесь пленница прижилась и со временем стала эламской богиней. Но вот в 646 г. до н.э. (по расчетам ассирийских историков, правда ошибочным, через 1635 лет после пленения Наны) ассирийцы разграбили Сузы и обнаружили древний урукский истукан. Ашшурбанипал торжественно вернул его в Урук. Но здесь за много столетий уже успели забыть о нем и обзавелись новым идолом богини Наны. Урукиты были неприятно поражены, когда по милости Ашшурбанипала узнали, что их теперешний истукан не божество, а подделка. Но ведь за счет этой подделки кормилось много поколений граждан Урука. Было от чего прийти в смятение! И урукиты приняли мудрое решение: не верить Ашшурбанипалу и при первой же возможности избавиться от древнего идола. В марте 625 г. Набопаласар, стремясь привлечь на свою сторону эламитов, вернул в Сузы их богов, захваченных в плен ассирийцами и находившихся в Уруке. При этом «он вывел неподобающую богиню Иштар из храма Эанны и настоящую богиню Иштар вернул в Эанну, ее божественный покой, а богиню Иштар, госпожу Элама, правительницу, обитающую в Сузах, вернул в Сузы». Так древний истукан богини Наны не был признан в родном Уруке и вернулся в Сузы¹³⁴.

В описываемую эпоху главой вавилонского пантеона считался царь богов Бэл-Мардук, владыка Вавилона. Его священным животным был знаменитый Дракон Вавилона, его небесным светилом — планета Юпитер, а днем недели — четверг. Культ бога Мардука вырос вместе с Вавилоном. Когда Вавилон возглавил страну, вавилонский бог Мардук был отождествлен с древним шумерийским верховным богом Энлилем (по-вавилонски Элليل, или Бэл — «Господь»), богом воздуха, который чтился в Ниппуре, где находился его храм Экур («Дом горы»). Так возникло двойное имя вавилонского бога — Бэл-Мардук («Господь Мардук»).

Бэл-Мардук возглавлял семерку верховных богов вавилонского пантеона, каждый из которых имел свой город, свой храм-жилище, свои функции, свое небесное светило и свой день недели. Кроме Бэла-Мардука, в эту семерку входили: бог мудрости Набу¹³⁵ — город Барсиппа, храм Эзида, планета Меркурий, среда; бог солнца и справедливости Шамаш — город Сиппар, храм Эбаббарра, воскресенье; бог луны и знаний Син — город Ур, храм Эгишширгаль, понедельник; бог кровопролитной войны и владыка преисподней Нергал — город Кута, храм Эмешлам, планета Марс, вторник; бог счастливой войны, витязь богов Забаба (или Нинурта), — город Киш, храм Эпатутила, планета Сатурн, суббота; богиня любви и красоты Иштар (она же Бэлит — «Госпожа», Царпаниту — супруга Мардука, Анунит, Нана, Иннина) — город Урук, храм Эанна, планета Венера, пятница.

Эта семерка богов воплощала единство Вавилонии, федерацию ее семи главных городов, семь видимых невооруженным глазом светил Солнечной системы, семь дней недели. Через посредство греков, римлян, евреев и арабов священная вавилонская семерка и некоторые связанные с нею представления вошли в культурную традицию всех христианских и мусульманских народов — доброй половины всего человечества.

Вокруг верховной семерки группировалось множество великих и малых, высокочтимых и полузабытых божеств, каждое из которых имело свой храм, целлу или алтарь. В Вавилоне, религиозном центре страны, по данным самих вавилонян, насчитывалось 53 храма, не менее 955 целл и 384 уличных алтаря, не считая всех алтарей домашних.

Главным храмом Вавилона и всей страны была Эсагила (по-шумерийски «Дом, в котором поднимают голову»), жилище бога Бэла-Мардука и его обширного божественного семейства. Мардук был богом города Вавилона, а Бэл — главой всего вавилонского пантеона, воплощением единства вавилонян, владыкой Вавилона и всей страны. Его храм, как главный храм города, имел храмовую башню-зиккурат — знаменитую Вавилонскую башню, Этеменанки (по-шумерийски «Дом краеугольного камня неба и земли»). Эсагила находилась в самом центре Вавилона. Ее развалины покры-

ты холмом Амран ибн Али, который Р. Кольдевею не удалось раскопать полностью. Однако план и облик этого величественного святилища с помощью описаний, оставленных Навуходоносором II и Геродотом, установлены полностью.

Территория Эсагилы представляла собой прямоугольник, ориентированный по вавилонским странам света, длиной около 650 метров (с севера на юг) и шириной около 450 метров (с запада на восток). На западе она была ограничена набережной Евфрата, а на востоке — главным городским проспектом Айбуршабум. Улица, отходившая от проспекта под прямым углом и ведущая к мосту через Евфрат, рассекла территорию Эсагилы на две части. В южной (450 на 250 метров; по Геродоту, квадрат со стороной в 2 стадии — 370 метров) находился собственно храм, а в северной (450 на 400 метров) — Вавилонская башня. Каждую из частей окружала стена с медными воротами.

Центральное место в южной части храмовой территории занимало святилище бога Мардука — так называемый «Нухар», прямоугольник размером 79,3 на 85,5 метра. Все его четыре стороны имели ворота; у ворот при царе Нергалшарру-уцуре были поставлены бронзовые изваяния полужмелей-полугрифов. Внутри Нухара находился большой двор (31,3 на 37,6 метра), вокруг которого располагались капеллы. Экуа — святая святых бога Мардука; Кахилисуд — святая святых богини Царпаниту, его супруги; Эзида — покои бога Набу, сына Бэла-Мардука, где помещался идол этого божества, когда его доставляли во время празднования Нового года из барсиппского храма Эзиды.

«В вавилонском святилище есть внизу еще другой храм, в котором находится большое золотое изображение сидящего Зевса (то есть Мардука), — рассказывает Геродот об Экуа. — Перед ним стоит большой золотой стол, золотая скамеечка и такой же стул. Все это сделано, как говорят халдеи, из 800 талантов (около 24 тонн) золота. Подле храма есть золотой жертвенник. Есть еще и другой жертвенник, большой, на котором приносится в жертву взрослый мелкий скот. На золотом же жертвеннике можно приносить в жертву только сосущих еще животных. Кроме того, на большом жертвеннике халдеи ежегодно возжигают тысячу талан-

тов (около 30 тонн) ладана во время праздника этого божества»¹³⁶.

Мраморные стены капеллы были украшены золотом и лазуритом, ее потолок из кедрового дерева покрыт чистым золотом. В пределах Нухара стояла массивная золотая статуя бога Бэла высотой 12 локтей (6 метров) — палладий Вавилона. Вокруг Нухара находилось много других дворов, капелл второстепенных божеств, хозяйственных и жилых помещений для жрецов и паломников.

В северной части храмовой территории возвышалась Вавилонская башня — Этеменанки. Ступенчатая храмовая башня-зиккурат являлась неперменным украшением главного храма каждого ассиро-вавилонского города-таһазу. Шумерийцы, религия которых была воспринята вавилонянами и ассирийцами, на своей прародине поклонялись богам на вершинах гор. Переселившись в низменное Двуречье, они не изменили своему обычаю и стали возводить искусственные горы-насыпи. Так появились зиккураты, соединявшие, по мнению вавилонян, небеса и землю. Именно так поняли и истолковали назначение Вавилонской башни пленные иудеи, впервые увидевшие столь грандиозное творение рук человеческих. Эти впечатления описаны в знаменитом отрывке книги Бытия о Вавилонском столпотворении:

«На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»¹³⁷.

Зиккураты возводились из земли и кирпича-сырца, а снаружи облицовывались обожженным кирпичом. Дожди и ветры довольно быстро приводили эти сооружения в ветхость. Они оплывали, и их приходилось периодически восстанавливать. В итоге зиккураты становились все выше и больше по размерам. Конструкция их тоже менялась. Шумерийцы строили их трехступенчатыми в честь верховной троицы своего пантеона — бога воздуха Энлиля, бога вод Эа и бога неба Ану. У вавилонян соответственно зиккураты имели по семь ступеней, которые окрашивались в разные цвета: черный, белый, пурпурный, синий, ярко-красный, серебряный и золотой.

По описанию Геродота, вавилонский зиккурат Этеменанки выглядел так: «Посреди храма стоит массивная башня, имеющая по одной стадии (185 метров) в длину и ширину. Над этой башней поставлена другая, над второй третья и так далее до восьмой. Подъем на них сделан снаружи: он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема, находишь место для отдыха со скамейками: восходящие на башню садятся здесь отдохнуть. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакой статуи, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, кроме одной только туземной женщины, которую выбирает себе божество. Так рассказывают халдеи, жрецы этого божества. Они же говорят, чему я, однако, не верю, будто божество само посещает храм и отдыхает в постели»¹³⁸.

Эсагила была разрушена Синаххерибом в 689 г. Ее начал восстанавливать Асархаддон. Строительными работами руководил ассирийский вельможа зодчий Ардияххешу. При Ашшурбанипале и Шамаш-шум-укине строительство было закончено. Зиккурат тогда имел квадратное основание со стороной 91,5 метра и высоту 42 локтя (21 метр). В дальнейшем Набопаласар и Навуходоносор II перестроили Эсагилу и придали ей небывалую пышность. Высота Этеменанки была доведена до 90 метров. Геродот прав, говоря о ее восьми этажах, потому что, по представлениям вавилонян, она имела семь видимых надземных этажей и восьмой подземный этаж «Кигаллу», служивший основанием для над-

земных и невидимый для непосвященных. Вокруг зиккурата находился широкий двор, окруженный многочисленными помещениями различного назначения.

С вершины Этеменанки на юго-западе была хорошо видна почти такая же башня Эуриминанки в Эзиде, храме бога Набу в соседнем городе Барсиппе. Этот зиккурат имел основание 82 на 82 метра и, видимо, такую же высоту. Его руины, покрытые холмом Бирс-Нимруд, долгое время принимали за развалины Вавилонской башни. Дело в том, что Эсагила к середине IV в. до н.э. обветшала и Александр Македонский, избравший Вавилон своей столицей, задумал восстановить эту святыню. Работы начались, однако неожиданная кончина Александра в 323 г. и последовавшая за нею борьба диадохов прервали их. Но вавилоняне собственными силами продолжали убирать прах Эсагилы, из которого образовался огромный холм Хомера. Только в 275 г. царь Антиох I Сотер восстановил Эсагилу, но ее зиккурат Этеменанки так и не был построен заново. При раскопках нашли лишь его основание. Тогда и установили, где же в действительности находилась Вавилонская башня.

В северо-западном углу Старого города, между Евфратом, городскими стенами, проспектом Айбуршабум и рвом, продолжением которого служил канал Либильхегалла, пересекавший весь город, стоял царский дворец. Это так называемый Южный дворец, руины которого Р. Кольдевей открыл под холмом Каср (по-арабски «Замок»). Он был окружен мощными стенами общей протяженностью 900 метров и представлял собой настоящую крепость внутри города. Единственные внешние ворота дворца, укрепленные башнями, находились со стороны проспекта Айбуршабум.

Дворец состоял из пяти комплексов, каждый из которых включал открытый двор и группировавшиеся вокруг него парадный зал и множество помещений. Дворы соединялись между собой укрепленными воротами, и каждый комплекс представлял собой крепость в крепости. Первый двор и прилегавшие к нему помещения были заняты дворцовой стражей. Вокруг второго двора размещалась резиденция начальника дворца, третьего по рангу придворного вельможи.

Центр дворца занимал самый большой третий двор (60 на 55 метров). Здесь находилась официальная царская резиденция. На южной стороне двора помещался грандиозный тронный зал длиной 52 метра и шириной 17 метров, из которого во двор вели три арки — средняя шириной 6 метров и две боковые по 4,5 метра. В глубине зала, в нише против средней арки, стоял царский трон. Стены зала были облицованы глазурированным кирпичом различных оттенков белого, бирюзового и коричневого цветов, из такого же кирпича был выложен орнамент в виде веерообразного листа пальмового дерева. В тронном зале царь устраивал приемы, сюда являлись данники и иноземные послы.

Вокруг четвертого двора размещались личные покои царя, а на пятый двор выходили апартаменты царицы и помещения царского гарема. Для защиты дворца со стороны реки посреди ее русла был возведен бастион, вплотную примыкавший к стенам дворца с запада. Воды Евфрата, огибая бастион, не могли подмывать стены дворца.

В северо-восточном углу дворца при раскопках нашли ряд сводчатых помещений с водопроводным устройством, служивших основанием прославленных висячих садов, одного из семи чудес Древнего мира. Вавилонский историк Берос (Бэл-ре'ушу) начала III в. до н.э. рассказывает: «При своем дворце (царь Навуходоносор) велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие с виду на горы, обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад из-за желания своей жены, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине»¹³⁹.

Висячие сады, по Диодору, занимали квадрат со стороной в четыре плетра (123,5 метра; следовательно, их площадь — 15 252,25 квадратных метра)¹⁴⁰ и представляли собой искусственные террасы на толстых каменных столбах, возвышавшиеся одна над другой на высоту до 50 локтей (25 метров). Платформы террас, сложенные из массивных каменных блоков, покрывал тростник, смешанный с асфальтом, затем следовал двойной ряд кирпичей на гипсовом растворе, а поверх него — свинцовые плиты. На это перекрытие насыпали слой земли, достаточный для того, чтобы в нем могли расти боль-

шие деревья. Всякие сады были засажены самыми редкими и красивыми растениями. Под террасами помещались беседки и гроты. Один из столбов был полым: в нем находились трубы, по которым с помощью насосов подавалась наверх вода, орошавшая сады ручейками. Сами насосы, качавшие воду из реки, были спрятаны в основании садов и приводились в движение рабами¹⁴¹.

Не меньшей достопримечательностью и славой Вавилона являлись его стены — защита и символ его самостоятельности, его святыня. Город был окружен двумя стенами: внутренняя, собственно «Стена», или «Великая стена», носила имя Имгур-Эллиль («Услышал бог Эллиль»); внешняя стена, более низкая, «Вал», называлась Немет-Эллиль («Местожителство бога Эллиля»). Вавилонские стены получили название в честь ниппурского бога Эллиля, с которым отождествлялся вавилонский бог Мардук. А в Ниппуре, тоже имевшем две стены, они назывались в честь вавилонского бога — Имгур-Бэл и Немет-Бэл.

Стена Имгур-Эллиль была восстановлена при Асархаддоне, а Немет-Эллиль — при Ашшурбанипале и Шамашшум-укине. Набопаласар и Навуходоносор II перестроили их и сделали более мощными и высокими. Обе стены были сложены из кирпича-сырца на асфальте и облицованы обожженным кирпичом. Стена Имгур-Эллиль достигала 6,5 метра толщины и имела через каждые двадцать метров чередовавшиеся между собой большие поперечные и малые продольные башни. Вал Немет-Эллиль отстоял от нее на 7,2 метра и имел 3,72 метра толщины; через каждые 20,5 метра в нем были устроены поперечные прямоугольные башни одинаковых размеров. Высота стен остается неизвестной, но она была не менее 25 метров у вала Немет-Эллиль и еще выше у Имгур-Эллиля. Обе стены и их башни имели зубцы и бойницы.

В 33,53 метра перед Немет-Эллиль находился ров шириной 25 локтей (12,5 метра). Его стены были сложены из обожженного кирпича на асфальте и снабжены зубцами. Соединявшийся с Евфратом и наполненный водой ров сплошным кольцом опоясывал весь город. Строительство его завершил Навуходоносор II.

В вавилонских стенах имелось восемь ворот, которым придавалось священное значение. От каждого ворот внутрь города шел прямой и широкий проспект; он вел к одному из храмов города, а за воротами начиналась дорога в тот город, где чтился бог, чье имя носили ворота, проспект и храм в Вавилоне. Вот восемь городских ворот Вавилона: Ворота богини Иштар — дорога в Ага-де; Ворота бога Сина — дорога в Бит-Хаббан на Тигре; Ворота Гишшу, или Ворота бога Мардука (у Геродота — Ворота бога Бэла), — дорога в Куту, где чтился бог Нергал, но улица Нергала Радостного, или улица бога Мардука, от Ворот Гишшу вела прямо в Эсагилу; Ворота бога Забабы, или Ворота бога Нинурты, или Кишские (у Геродота — Киссийские) ворота, — дорога в Киш; Ворота бога Эллиля — дорога в Ниппур; Ворота бога Ураша — дорога в Дильбат, от ворот вела улица бога Набу и богини Наны к храму богини Гулы (Наны) и Эсагиле, по которой в Новый год следовала процессия с истуканом бога Набу из Барсиппы; Ворота бога Шамаша — дорога в Ларсу; Ворота бога Адада, или Акуцские ворота, — дорога в Акуц. Девятыми городскими воротами считались Священные ворота Эсагилы в центре города.

Парадным ходом Вавилона служили Ворота богини Иштар (полностью раскопаны Р. Кольдеевем), облицованные глазурированным кирпичом: по синему фону чередовались друг с другом цветные изображения могучих быков и Драконов Вавилона. Перед воротами, по обеим сторонам от них, были возведены два мощных замка, между которыми проходила процессионная дорога. Стены замков, выходившие на нее, тоже были облицованы глазурированным кирпичом: по бирюзовому фону цветные изображения львов, пальмообразных колонн и пальметок. Сама дорога и являвшийся ее продолжением в черте города проспект Айбуршабум достигали десять — двадцать метров ширины. Их мостовая шириной шесть метров была вымощена плитами розовой брекчии, а обочины — плитами белого ливанского известняка¹⁴².

Близ Ворот богини Иштар, на проспекте Айбуршабум, находился изумительный по красоте храм богини Нинмах (Иштар), а напротив поднимались стены Южного дворца, над которыми возвышались висячие сады. В замке, стояв-

шем перед Воротами богини Иштар слева, находился Центральный царский дворец, построенный Навуходоносором II за пятнадцать дней¹⁴³. В нем был создан своего рода царский музей, где хранились древние надписи, рельефы, статуи, библиотека, трофеи, добытые вавилонскими царями во время походов, в том числе и в Ассирию.

За пределами городских стен, как уже говорилось, лежали предместья, окруженные при Навуходоносоре II мощной внешней стеной. С нее обычно и начиналось знакомство иноземцев с городом. На Геродота и его земляков она произвела ошеломляющее впечатление.

«Вавилон прежде всего окружен рвом, глубоким, широким и наполненным водой, — пишет Геродот. — За рвом следует стена шириной в 50 царских локтей (26 метров) и высотой в 200 локтей (свыше 100 метров). Царский же локоть больше обыкновенного локтя на три пальца. При этом мне следует сказать еще, на что была использована земля, вынутая из рва, и каким способом была сооружена стена. Копая ров, рабочие в то же время выдвигали кирпичи из вынимаемой земли. Приготовив достаточное количество кирпичей, их обжигали в печах. Цементом им служил горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они клали в стене ряд тростниковых плетенки. Сначала укрепили края рва, а потом таким же способом возвели и самую стену. По обоим краям стены поставлены одноэтажные башни, одна против другой. В середине между башнями оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами»¹⁴⁴.

Раскопки показали, что внешняя стена Вавилона достигала 7,12 метра толщины и через каждые 52,5 метра (по осям) имела прямоугольные башни шириной по 8,37 метра. В 12 метрах от стены находился ров, окаймленный кирпичной стеной толщиной 11,1 метра. На линии этой стены находился Северный дворец, летняя резиденция царского двора, построенная Навуходоносором II. Руины его образуют холм Бабиль, который до сих пор не раскопан. Вокруг этого дворца выросло фешенебельное предместье с вилами вельмож и богачей, получившее название Бит-шар-Бабили («Дом царя Вавилона»).

Посредине Вавилона, отделяя Новый город от Старого, протекал Евфрат. В пределах городских стен его левый берег носил священное название Арахту, тогда как правый назывался Пуратту (Евфрат). Ширина реки в Вавилоне достигала 150 метров. При царях Навуходоносоре II, Нергал-шарру-уцуре и Набониде были сооружены набережные и мост через Евфрат. Их постройку традиция приписывала царице Нитокрис, супруге царей Навуходоносора II и Набонида.

«Нитокрис, — рассказывает Геродот, — возвела вдоль обоих берегов реки набережные, достойные внимания по величине и высоте. Значительно выше Вавилона она велела выкопать бассейн для озера очень близко к реке, углубленный до уровня воды и имеющий в окружности 420 стадий (около 78 километров. — *В. Б.*). Из этой земли, которую вынимали из котлована, она велела соорудить набережные. А когда озеро было выкопано, сюда по ее распоряжению были доставлены камни, из которых по берегам вокруг озера соорудили стену...

Так как город состоял из двух частей, между которыми находилась река, то при прежних царях всякий желавший перейти из одной части в другую должен был переправляться через реку на лодке, а это, как я полагаю, было затруднительно. Нитокрис позаботилась и об этом. Выкопав бассейн для озера, она вместе с тем оставила по себе следующий памятник. Она велела вытесать камни большой длины и, когда камни были готовы, а бассейн вырыт, направила всю воду реки в вырытый бассейн. Когда тот наполнился водой и прежнее русло реки совершенно высохло, она прежде всего велела выложить обожженным кирпичом края речных берегов в городе и спуски, ведущие от ворот к реке, таким же способом, каким была построена стена. Потом приблизительно посреди города она велела построить мост из кусков тесаного камня, скрепив их железом и свинцом. На этом мосту по ее распоряжению в начале дня клали настил из деревянных брусьев, по которому и переходили вавилоняне. На ночь настил снимался, чтобы они не переходили через реку и не обворовывали друг друга. Когда вырытый бассейн наполнился водою реки и постройка моста через реку была закончена, Нитокрис снова отвела воды реки Евфрата в прежнее русло»¹⁴⁵.

Искусственный бассейн для отвода вод Евфрата — это канал Паллукат, о котором шла речь выше. Остатки моста — восемь быков из блоков известняка и обожженного кирпича длиной 21 метр и шириной 9 метров каждый — найдены при раскопках. Общая длина моста достигала 115 метров, ширина его проезжей части — 6 метров. Пролет, крайний с правого берега, был вдвое больше остальных: здесь находилась та часть настила, которую снимали на ночь. Высокие и прочные набережные, сомкнувшись с городскими стенами, превращали каждую из частей города в неприступную крепость.

Помимо постоянного моста, в пределах Вавилона был устроен понтонный мост через Евфрат. Городские власти сдавали его в аренду дельцам, которые взимали с прохожих мостовой сбор.

«Сам город, — пишет Геродот о Вавилоне, — полон трех- и четырехэтажных домов и пересекается прямыми улицами, параллельными реке и поперечными, ведущими к реке»¹⁴⁶. Планировка Вавилона вызывала изумление иноземцев, привыкших к узким и кривым улочкам своих городов. Города с прямыми улицами, пересекавшимися под прямым углом, первыми стали строить вавилоняне и ассирийцы. Этот принцип градостроительства в эпоху эллинизма был воспринят греками и римлянами, а затем в Средние века забыт. Европейские градостроители с видом первооткрывателей вернулись к нему только в XVIII—XIX вв.

В основе планировки Вавилона лежали восемь широких проспектов, каждый из которых вел к городским воротам. К ним примыкали узкие улицы, переулки и тупики, застроенные частными жилыми домами. Они, конечно, выглядели не столь нарядно, как проспекты, и не мостились камнем, но содержались в чистоте и порядке. Поскольку городская почва представляла собой толстый культурный слой из распавшегося кирпича-сырца, мусора, золы, битой глиняной посуды, поверхность улиц была покрыта тем, что на языке современных дорожников называется оптимальной смесью, и плотно утрамбована.

Городской дом, как это принято на Востоке до сих пор, выходил на улицу глухими стенами. Все его помещения открывались во внутренний двор. У богатых домовладель-

цев во дворах росли деревья и имелись водоемы с фонтанами. Семья домовладельца, как правило, занимала нижние этажи южного флигеля, двери и окна которого выходили на прохладный север и были защищены от палящего солнца. В верхних этажах и остальных флигелях дома располагались хозяйственные помещения, прислуга и жили квартиранты.

Постройки возводились из кирпича-сырца и тростника. Деревянные балки употреблялись только для устройства плоской кровли и междуэтажных перекрытий. Для этой цели служили стволы пальм и некоторых других местных древесных пород. Кедр, кипарис, дуб, бук, доставлявшиеся с гор Ливана, Амана, Сенира и Васана, использовались только при сооружении храмов, дворцов и наиболее богатых особняков. Дерево было дорогим, и деревянные двери считались движимым имуществом: арендатор, снимая дом, привозил их с собой вместе с прочей утварью. Пол в домах был глинобитный.

На окраинах и в предместьях имелось немало домов сельского типа. Это были тростниковые и глинобитные хижинны. Туго связанные пучки тростника служили столбами, промежутки между которыми закрывались циновками. Вся постройка обмазывалась глиной.

Кирпич-сырец и тростник — недолговечные материалы. Поэтому строения, возведенные из них, требовали постоянного ремонта: починки кровли, заделки щелей, побелки стен и т. д. Когда дом приходил в полную негодность, его сносили, разравнивали площадку и на ней строили новый дом.

Городская земля стоила очень дорого. Постройки примыкали вплотную друг к другу. Многие дома находились в глубине кварталов и сообщались с улицей посредством тупичков — «выходов», причем таким «выходом» иногда пользовалось несколько соседей. На этой почве между ними нередко возникали ссоры. Несколько таких конфликтов известно по документам семьи Эгиби.

Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, 14 марта 554 г. заставил своих соседей по дому в Вавилоне размежевать тупичок, которым до этого они пользовались сообща. Каждому домовладельцу отводилась полоса земли, и Набу-аххе-иддин запретил соседям пользоваться его «выходом»¹⁴⁷.

Другая история такого же рода невольно заставляет вспомнить Н. В. Гоголя и его «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Вавилонские Иван Иванович и Иван Никифорович повздорили из-за... стены дома. Дело было так.

В 527 г. Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, купил у Забаба-иддина, сына Бэл-иддина, потомка Адад-усипе, дом у Ворот Гишшу в Вавилоне за 4½ мины (2,25 килограмма) серебра. Вплотную к этому дому был пристроен другой дом, которым продолжал владеть Забаба-иддин. Долгое время соседи жили в мире и согласии. Но в 522 г. Итти-Мардук-балату умер, а его сыну Мардук-нацир-апли сосед Забаба-иддин пришелся не по душе, так как не хотел продать свой второй дом. Повод для ссоры быстро нашелся: балки кровли дома Забаба-иддина были укреплены в стене того дома, который он в 527 г. продал семье Эгиби. И вот в 518 г. Мардук-нацир-апли потребовал от Забаба-иддина убрать балки, то есть собственными руками разломать кровлю своего дома или продать его семье Эгиби. Забаба-иддин, конечно, заартачился. Тогда Мардук-нацир-апли подал в суд и 25 октября 518 г. выиграл иск: спорная стена была признана его собственностью; Забаба-иддину предложили убрать свои балки, не трогая при этом бревен и дренажных труб в стене, и возместить ущерб, который тем самым будет причинен дому истца и внешнему виду улицы¹⁴⁸.

Этот же Мардук-нацир-апли 23 января 517 г. в Барсиппе купил у соседей за 15 сиклей серебра полоску земли 7½ локтей (3,75 метра) длины и 14 пальцев (около 30 сантиметров) ширины и присоединил ее к «выходу» из своего дома. Соседям, естественно, запрещалось даже ногу ставить на эту землю¹⁴⁹.

В городах, особенно в самом Вавилоне, где имелось много бездомного и приезжего люда, спрос на жилье был велик. Богачи усиленно скупали дома. Появились крупные домовладельцы, собственники десятков домов, занимавших подчас целые кварталы. Так, семья Эгиби имела 42 дома в Вавилоне, 7 домов в Барсиппе, дома в Кише, Шахрине и других городах.

Городские дома сдавались внаем. Съемщик, как правило, обязывался дважды в год вносить квартирную плату и, сверх

того, три раза в год «угощать» хозяина. Текущий ремонт дома — починка кровли, заделка щелей и побелка стен, — а также украшение дома зеленью во время праздников производились съемщиком за свой счет. Средний ремонт с применением кирпича, тростника и дерева тоже возлагался на съемщика, но стоимость его шла в счет квартирной платы. Когда же дом приходил в полную негодность, домовладелец сдавал его в аренду подрядчику, который возводил новый дом и вместо платы получал право в течение нескольких лет сдавать восстановленный дом внаем. Домовладельцы никаких расходов по содержанию домов не несли, но зато получали от домов порядочные доходы.

Собственники домов предпочитали иметь дело с солидными и платежеспособными съемщиками. На бедноту они смотрели как на обузу, и ей с трудом удавалось найти жилье. Роскошные особняки с садами, водопроводом, бассейнами, канализацией и даже средние дома с двориками и колодцами были доступны лишь богатым людям. Беднякам же приходилось ютиться в лачугах, развалившихся домах, комнатухах многоэтажных домов и пользоваться водой из реки и каналов.

Вавилон был многолюдным и шумным городом. Он притягивал к себе людей, как магнит, и среди его прелестей не последнее место занимали злачные места — публичные дома, дорогие рестораны и подозрительные трактиры, нередко служившие притонами для разного сброда. Содержали эти заведения обычно рабы, отпущенные на оброк, часто рабыни, совмещавшие ремесло трактирщиц и проституток. Производство алкогольных напитков — виноградных вин и разных сортов сикеры (род пива или браги) из фиников и ячменя — и торговля ими были прибыльным делом. Рабовладельцы охотно разрешали своим рабам заниматься этим промыслом и, отпуская на оброк, давали им необходимые средства на обустройство.

Одним из таких рабов был Набу-дини-эпуш. В 547 г. семья Эгиби купила его у Набу-эреша, сына Табнеа, потомка Ахубани, и передала своему компаньону Мардук-шапик-зери, сыну Набу-шум-иддина, потомка Надин-шеима. Раб проявил себя в качестве приказчика, скупая урожай у мелких

землевладельцев. 6 марта 544 г. господа предоставили ему и другому рабу, Курбат-Набу-накбату, коммendu в 5 мин (2,5 килограмма) серебра и 130 пустых пифосов. Рабы открыли трактир. Дело пошло настолько успешно, что 22 декабря 544 г. Набу-дини-эпуш получил от господ новую коммendu в 1 мину (505 граммов) серебра и раба-слугу¹⁵⁰.

Рабыня Исхуннатум, принадлежавшая той же семье Эгиби, 20 декабря 524 г. заключила контракт со своим господином Итти-Мардук-балату. Тот дал ей запасы сикеры, фиников, кассии, бронзовую посуду, мебель и инвентарь на общую сумму в 2 мины 2 сикля (1,019 килограмма) серебра, а также сдал ей внаем помещение. Исхуннатум открыла фешенебельное увеселительное заведение в городе Кише, которое приносило солидные доходы¹⁵¹. Таким же промыслом занимались Нана-ана-битишу и Хашта, оброчные рабыни семьи Эгиби¹⁵².

В Дильбате питейные заведения и вертепы были сосредоточены у так называемых «Ворот смесительниц». Здесь рабыни содержали кабаки, притоны и лупанары и занимались приготовлением разнообразных смесей напитков — вавилонских коктейлей. Ворота с таким же названием имелись и в городе Сиппаре¹⁵³.

Вавилонский уголовный мир в древности славился не менее, чем багдадские воры времен халифа Харун ар-Рашида (786—809 гг.) или «Двор чудес» в средневековом Париже. В Вавилоне при желании можно было получить своего рода высшее образование и диплом мастера уголовных дел. Так, в апреле 629 г. в Барсиппе некий Набу-уцалли обязался за два года и пять месяцев обучить свободного вавилонянина Бэл-аххе-риба профессии высококвалифицированного бандита и сутенера. За это учителю, помимо доходов от «работы» ученика, полагалось 2 сикля (17 граммов) серебра на «угощение». В случае неудачи в обучении ученик имел право взыскать с учителя 1 суту (15 литров) ячменя за каждый день ученичества. Сделка была оформлена контрактом¹⁵⁴.

Ночью ходить по Вавилону в одиночку не рекомендовалось. Недаром, по свидетельству Геродота, на ночь разбирали настил моста через Евфрат. Шайки воров и бандитов доставляли немало хлопот властям. В 561 г. Син-иддин, пре-

фект урукского храма Эанны, приехал в Вавилон. Его знакомство со столицей началось с того, что вор Набу-этир, сын Бэлшуну, и его брат украли у него осла¹⁵⁵.

Сыщик Бэл-надин-апли однажды напал на след настоящей мафии, о которой считал необходимым, минуя все инстанции, донести прямо царю. Главарями организации были Иштар-шум-эреш, сын Шакин-шуми, его брат Нана-эпуш и их двоюродный брат Набу-аххе-иддин, жители Урука. Члены банды Набу-этир, Арди-Иннин и сын последнего Бэл-этир организовали нападение на царский полицейский пост и перебили его гарнизон. Сыщик обнаружил явки бандитов в Сиппаре и Барсиппе, а также установил, что они связаны с разбойниками. Речь шла о преступной организации, действовавшей по всей стране. Донос кончился словами: «Пусть царь поскорее прочтет это сообщение, чтобы мужики (бандиты. — *В. Б.*) не ушли к разбойникам»¹⁵⁶.

Таков был Вавилон — «Врата Божьи», крупнейший и богатейший город мира, где великолепие, роскошь и утонченный разврат уживались с трущобами, нищетой и уголовщиной. Громадный город ни в чем не знал соперников. Священный Вавилон был в то же время проклятым Вавилоном,местилищем всех пороков, какие только существовали на земле.

Глава 7 Дети Вавилона

В стране Шумер и Аккад господствовали злые силы. Люди, жившие в ней, постоянно произносили устами «да», а сердцем «нет», говорили ложь... Слабого притесняли и дарили сильному. В Вавилоне царили гнет и подкуп, изо дня в день, без конца похищали имущество друг у друга. Сын на улице проклинал своего отца. Раб не подчинялся своему господину, рабыня не слушала слова своей госпожи.

Из надписи Асархаддона, царя Ассирии

Граждане Вавилона называли себя «сынами Вавилона» (*mag-babili*), или «сынами вавилонскими» (*mag-babilaja*), или просто вавилонянами (*babelaja*). После 648 г. это название распространилось на все свободное население страны Аккад, вошедшей в состав города-государства Вавилона. Но вавилоняне, населявшие Урук и Ниппур и не имевшие прав вавилонского гражданства, называли себя соответственно урукитами и ниппурцами.

Отличительным признаком вавилонянина было имя. Оно включало личное имя, которое он получал при рождении или приобретении прав гражданства, имя его отца (отчество) и имя предка (фамильное имя). Такой порядок утвердился с конца VII в. до н.э.. До этого времени рядовые граждане не употребляли отчества: они довольствовались личным именем и фамилией. Напротив, видные вавилоняне, занимавшие важные посты в государстве, звались только личным именем с добавлением титула и иногда отчества, но никогда не пользовались фамильным именем. Поэтому, в частности, остаются неизвестными фамилии вавилонских царей и князей страны Аккад.

Полное имя вавилонского гражданина звучало, например, так: Таб-цилли-Мардук, сын Набу-аплу-иддина, потомка Син-или, что буквально по-русски значит: Таб-цилли-Мардук Набу-аплу-иддинович Син-илиев сын.

Личные имена (и соответственно отчества) вавилонян отличались цветистостью и разнообразием. Каждое имя представляло собой целое предложение. Так, имя Таб-цилли-Мардук значит «Блага сень бога Мардука», имя Набу-аплу-иддин — «Бог Набу дал сына», а имя Син-или — «Бог Син (то есть луна) — мой бог». Имена обязательно включали в свой состав имя одного из вавилонских богов (часто одного из верховной семерки или местного бога города, уроженцем которого был вавилонянин) или их храмов. Вот, например, женское имя: Ина-Эсагили-рабат («Любима в храме Эсаги-ле»), дочь Итти-Мардук-балату («Жить вместе с богом Мардуком»), потомка кузнеца.

В обиходе такие имена, конечно, были не очень удобны, и вавилоняне широко употребляли их сокращенные формы. Так, Таб-цилли-Мардука звали Табией, Набу-аххе-буллитта — Либлутом, Набу-шум-ишкуна — Шумой и т. д. У вавилонян, как у современных немцев, англичан и особенно американцев, в отличие от русских, уменьшительные имена не имели уничижительного или фамильярного оттенка и употреблялись в официальном обращении наряду с полными.

Помимо полных и сокращенных форм у вавилонян в качестве личного имени нередко употреблялись прозвища

и клички, и тоже без оттенка уничтожения и фамильярности; например: Хашдайя — «Халдей», Арраби — «Араб», Сукайя — «Уличный», Шапи-кальби — «Тот, что изо рта собаки» (подкидыш), или женские: Луринду — «Смоква», Нупта — «Пчелка», Шинбана' — «Прекраснозубая».

Среди вавилонских граждан было много невавилонян, главным образом халдеев, которые при рождении получали свои туземные имена и наряду с ними вторые имена — вавилонские, включающие имя бога или божественный эпитет. Например, в семье Эгиби халдейского происхождения первым именем Итти-Мардук-балату было Иддина, а его сыновей Мардук-нацир-апли и Нергал-ушезиба — соответственно Ширку и Пуршу. Иудейский пророк Даниил, попавший в Вавилон в 605 г. и получивший там права гражданства, принял вавилонское имя Балат-шарри-уцур («Жизнь царя сохрани»).

Что касается фамильных имен, то таковыми, как и у нас, служили имена предков (Эа-илута-бани, Син-или, Бэл-аплу-уцур), их этническое происхождение (Мици-райя — Египетский, Сухайя — Сухийский), профессия, титулы и должности.

Читатель, конечно, уже заметил, что вавилонская система имен собственных поразительно совпадает с современной русской. Впрочем, особых причин удивляться здесь нет. Вавилонский обычай был воспринят греками и от них вместе с христианством заимствован русскими. Таким образом, мы до сих пор пользуемся вавилонской системой имен, не подозревая об этом.

Рабам давали вавилонские имена, нередко менявшиеся по прихоти господина. Например, у Набу-туль-табши-лишира, сына Бэл-зер-ибни, потомка кузнеца, была рабыня, которую звали Табатум («Добрая»). Попав в тяжелое положение, господин переименовал ее в Шалам-дининни («Присуди мне благо!»), надеясь таким заклинанием поправить свои дела. Но это ему не помогло: рабыню пришлось продать, и покупатель, известный уже нам богач Иддин-Мардук, снова назвал ее старым именем Табатум¹⁵⁷.

В документах раб назывался по имени с указанием имени своего господина, причем в последнем нередко опускалось

отчество, а иногда и фамилия. Вот примеры; Силим-Бэл, раб Бэл-убаллита; Даян-бэл-уцур, раб Итти-Мардук-балату, потомка Эгиби; Нергал-рицуа, раб Итти-Мардук-балату, сына Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби.

В детстве жизнь вавилонянина протекала дома под присмотром родителей. О внешнем виде и устройстве домов мы уже говорили. Их внутреннее убранство состояло из незначительного количества мебели и множества разного рода циновок, ковров, занавесей и т. п. Мебель была дорогой. Наиболее распространенными видами ее являлись стол, стул, ложе, скамеечка для ног. У народов Востока в древности, как и ныне, было принято при приеме пищи сидеть на полу на коврах и подушках. Греки и римляне возлежали за столом на обеденных ложах. Но вавилоняне ели, сидя за столом на стульях. Правда, в богатых домах мужчины позволяли себе пользоваться во время трапезы ложами, но женщины всегда сидели на стульях, поставив под ноги скамеечку.

В Южном Двуречье с незапамятных времен существовали школы, где детей учили чтению, письму, счету и другим необходимым в жизни знаниям. Существует широко распространенное мнение, будто бы сложные системы древнего письма, вроде египетских иероглифов или шумеро-вавилонской клинописи, были доступны только узкому кругу избранных. На самом же деле еще в III тысячелетии до н.э. в Шумере почти все мужчины умели писать и читать. То же самое можно сказать и о вавилонянах эпохи столпотворения. Подавляющая масса деловых документов на глиняных табличках написана не писцами-профессионалами, а обыкновенными людьми из самых различных слоев общества. При этом орфографические ошибки встречаются преимущественно только у невавилонян, для которых вавилонский язык и клинопись не были родными. Сложность клинописи никогда не служила помехой для очень высокого уровня грамотности.

Клинопись, унаследованная вавилонянами и ассирийцами от шумерийцев, получила свое название от характерной формы знаков, которые выдавливались в мягкой глине палочкой треугольного сечения, в связи с чем выглядели как комбинации горизонтальных, вертикальных и косых

клинышков. Она развилась из примитивного рисунчатого письма — пиктографии. Каждый клинописный знак в зависимости от контекста мог читаться и как слог, и как целое слово. Кроме того, клинописи свойственна полифония: каждый знак имел несколько различных значений, и слоговых, и идеографических. Для людей, знавших язык, выбор того или иного чтения знака в данном контексте не составлял особого труда. Всего известно около 400 клинописных знаков, из коих только 70—80 были наиболее употребительными.

Наряду с письмом, детей обучали в школах счету. Вавилоняне знали шестидесятеричную и десятичную системы счета и основы той цифровой системы, которой под именем арабской мы пользуемся ныне. Они владели не только четырьмя действиями арифметики, но умели также исчислять проценты, измерять площадь и объем различных геометрических фигур.

Кроме того, в школах обучали основам юридических знаний и делопроизводства. Вавилонянину необходимо было правильно и грамотно писать разнообразные деловые документы, кратко и точно формулировать существо деловых операций. Многочисленные документы показывают, что дети Вавилона хорошо владели этим искусством. В большинстве случаев документы составлены по образцам, выработанным многовековой практикой. Вавилоняне писали их на память и очень редко отступали от обычного формуляра, но зато допускали бесконечные вариации в орфографии и порядке размещения клаузул. Последнее свидетельствует о том, что они не пользовались шпаргалками или образцами, а держали клаузулы в голове. К помощи писцов-профессионалов прибегали только при составлении наиболее сложных и важных документов, таких, как купчие на дома и земли, и то не потому, что не умели их написать сами, а из желания иметь документ с оттиском печати писца.

Школа давала минимум образования, доступный и необходимый каждому гражданину. При желании и располагая досугом, вавилонянин мог совершенствовать свои знания. Вавилонская наука, наряду с египетской, по уровню своего развития занимала одно из первых мест в древнем мире.

Вавилонские ученые, которых греки и римляне звали халдеями, пользовались всемирной славой как чародеи, мудрецы, маги, чернокнижники, астрологи и вообще знатоки оккультных наук. В этом значении слово «халдей» употреблялось в Европе вплоть до XIX в.

Особой славой пользовалась вавилонская астрономия, неразрывно связанная с астрологией. В этой области халдеи вообще не имели себе равных. Храмовые зиккураты служили им обсерваториями для наблюдений за ночным небом. И вавилонские звездочеты отлично знали все, что видно на нем невооруженным глазом. Они изучили движения небесных светил, четко различали звезды и планеты. Мы до сих пор пользуемся в греко-латинском переводе вавилонскими названиями пяти планет солнечной системы, различаемых без помощи телескопа: Набу — Меркурий, Иштар — Венера, Нергал — Марс, Мардук — Юпитер, Нинурта — Сатурн. Вавилонского происхождения и названия двенадцати созвездий Зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы.

В Ниневийской библиотеке царя Ашшурбанипала были обнаружены два текста, которые повергли в изумление современных астрономов. Это таблицы фаз планеты Венеры, составленные на основании наблюдений в Вавилоне в течение двадцати одного года правления вавилонского царя Аммизадуги (1646—1626 гг. до н.э.). Данные оказались настолько точными (ошибки в измерении угловых величин не превышали долей секунды), что с их помощью удалось установить абсолютную хронологию эпохи Старого Вавилона. Неясным остается лишь то, каким образом без современной оптики вавилонские звездочеты добились столь высокой точности.

Вавилонские астрономы создали лунный календарь, которым и поныне пользуются мусульмане и государство Израиль. В основе европейского христианского календаря лежит египетский солнечный, дополненный, однако, такими заимствованиями из вавилонского, как семидневная неделя, деление часа на 60 минут, а минуты на 60 секунд. Вавилонянам же принадлежит изобретение солнечных и водяных часов. В историю мировой науки вошли име-

на двух великих вавилонских астрономов: Набу-риманни (Набури-анос, около 500 г. до н.э.) жил в интересующую нас эпоху, Кидинну (Киденас, около 380 г. до н.э.) — примерно столетие спустя. Астрономические школы в Вавилоне, Уруке и Сиппаре в VI—III вв. до н.э. пользовались мировой славой.

Вавилонские звездочеты оставили в наследство человечеству астрологию. Можно снисходительно улыбаться по этому поводу, но не следует забывать, что в течение многих столетий астрология и магия во всем мире воспринимались вполне серьезно. Многочисленные греко-римские, арабские, еврейские и европейские трактаты по этим дисциплинам представляли в своей основе переводы и пересказы соответствующих трудов халдеев и египетских мудрецов.

Вавилонские математики создали не только основы арифметики и геометрии. Им принадлежит деление окружности на 360 градусов, градуса — на 60 минут, минуты — на 60 секунд. Они вычислили отношение длины окружности к диаметру (число π) и определили его равным 3, что вполне достаточно для практических целей. Знаменитая теорема Пифагора была известна вавилонским математикам не менее чем за тысячу лет до Пифагора. Вавилоняне знали арифметическую и геометрическую прогрессии, системы линейных уравнений, квадратные и кубические уравнения, умели возводить в степень и извлекать корень. У них были таблицы умножения и таблицы обратных величин. Они же разработали сложную символику цифр, которая принесла халдеям такую же славу, как и астрология. Достижения математиков Вавилона и Египта легли в основу греческой математики, родоначальницы современной математической науки.

Крупных успехов достигла вавилонская медицина, тесно связанная со знахарством и колдовством. Болезни считались наваждением демонов, и задача врача состояла в изгнании последних из больного с помощью заговоров, заклинаний и различных лекарств. Вавилоняне оставили после себя на глиняных табличках солидную литературу по терапии, хирургии, фармакологии и другим отраслям медицины. Если в теоретическом плане вавилонская медицина, вероят-

но, уступала египетской, то лечебное дело в Вавилоне стояло на очень высоком уровне. Об этом позволяют судить хотя бы следующие статьи Законов царя Хаммурапи, сохранявшие силу и в Новом Вавилоне:

«(§ 215) Если врач сделал гражданину операцию бронзовым ланцетом и вылечил гражданина или снял бронзовым ланцетом бельмо у гражданина и вылечил глаз гражданина, то он может взять (в качестве гонорара) 10 сиклей серебра... (§ 218). Если врач сделал бронзовым ланцетом операцию гражданину и причинил гражданину смерть или, снимая бронзовым ланцетом бельмо у гражданина, повредил глаз гражданина, то ему следует отрубить кисть руки».

Тот факт, что такие законы были изданы и действовали свыше тысячи лет, говорит прежде всего о высокой квалификации врачей. Смерть или увечье при операции считались результатом халатности или невежества врача, что рассматривалось и каралось как уголовное преступление.

Услуги врача, однако, стоили дорого и были доступны лишь богатым людям. Простой же люд лечился иначе. «Больных они выносят на площадь, ибо врачей не имеют, — с восхищением писал о вавилонянах Геродот (насчет отсутствия врачей, как мы уже знаем, он ошибался). — К больному подходят и говорят с ним о болезни. Подошедший, быть может, сам страдал такой же болезнью, как больной, или видел другого такого же больного. Такие подошедшие беседуют с больным и советуют ему те же самые средства, благодаря которым они излечились от подобной болезни или видели, что этими средствами излечились другие больные. У них запрещается пройти мимо больного молча, не спросив о болезни»¹⁵⁸.

Таковы некоторые важнейшие достижения вавилонской науки, унаследованные современным миром. Эти знания не были, как принято считать, достоянием узкой элиты жрецов. Дело в том, что в Вавилоне вообще не существовало профессионального жречества. Жрец был выборным должностным лицом, и право на занятие жреческой должности имел каждый гражданин. Разумеется, не всякий гражданин, достигший жречества, имел необходимую подготовку для исполнения своих обязанностей. А они были достаточ-

но сложными и требовали знаний в области и астрологии, и символики цифр, и медицины, и юриспруденции, и мифологии, и ритуала, и хиромантии, и мантики, и гаданий по печени, и толкования снов, и т. п.

Всеми этими премудростями владели «халдеи» — ученые, они же специалисты в области религии. Халдеи не занимали никаких официальных постов, но к их услугам постоянно прибегали цари, жрецы и прочие магистраты и сановники, а также частные лица. Без их участия и совета не решалось ни одно сколько-нибудь важное государственное или личное дело¹⁵⁹. Это была своего рода вавилонская интеллигенция, в ряды которой мог вступить любой человек, обладавший соответствующими возможностями, способностями и склонностями.

Следует, однако, иметь в виду, что интеллигентный труд в древности презирался и считался, как и труд ремесленника, недостойным гражданина, потому что интеллигент трудился не на себя, а на других¹⁶⁰. Поэтому особой тяги к знаниям в древнем мире не было. Знания, становясь источником существования, не сулили ничего, кроме презрения. Науками занимались либо те, кто не мог жить без них, либо презираемые ремесленники, торговавшие своими знаниями, — в обоих случаях люди труда и подвижники. По этой причине древний мир и дал человечеству первоклассных ученых, писателей, поэтов и художников.

Внешний облик вавилонян Геродот описывает так: «Одежда у них следующая: спускающийся до пят льняной хитон, поверх него другой, шерстяной, хитон, а затем набрасывается небольшой белый плащ. Обычная туземная обувь походит на беотийские башмаки. Волосы на голове длинные, укрепляются повязкой. Все тело умащается. Каждый из них имеет печать и хорошо сделанный посох. Каждый посох украшен сверху искусственным яблоком, или розой, или лилией, или орлом, или чем-нибудь другим; у них не в обычае иметь посох без украшений»¹⁶¹.

Сохранившиеся изображения и письменные памятники вавилонян подтверждают слова Геродота и позволяют уточнить их. Так, помимо повязок, вавилоняне носили головные уборы в виде тюрбанов, круглых и остроконечных шапок.

Ношение печатей в виде цилиндриков или печаток на перстнях, вырезанных из камня, вошло в моду только с конца VI в. до н.э.: оттисками этих печатей вавилоняне скрепляли документы на глиняных табличках. Волосы, борода и усы были предметом особых забот мужчин: их завивали мелкими колечками и тщательно укладывали. Женская одежда мало отличалась от мужской. Непременным предметом туалета вавилонянки вне дома было покрывало; с непокрытым лицом ходили только рабыни и блудницы.

Вавилоняне любили цветные одежды, особенно красные и синие, а также желтые, зеленые, коричневые, оранжевые, черные и белые. Платье покрывалось затейливой и сложной вышивкой. Туалет дополнялся серьгами, перстнями, браслетами, ожерельями, пряжками, пуговицами, фибулами, застежками из золота, серебра, бронзы, меди, железа, драгоценных и полудрагоценных камней. Большой популярностью пользовались косметические и парфюмерные снадобья. Так выглядела праздничная, выходная одежда состоятельных вавилонян. Народ попроще носил одноцветные — белые, темные и коричневые — одежды в виде коротких туник. Вавилонские моды играли в древности примерно такую же роль, какую в наше время играют парижские моды.

В брак вавилоняне вступали рано: юноши в восемнадцать — двадцать лет, девушки в четырнадцать — шестнадцать лет. Брак заключался по договоренности жениха и его родителей с родителями невесты. У девушки согласия на брак, как правило, не спрашивали: этот вопрос за нее решали родители или братья. Со стороны жениха согласия родителей на брак сына формально не требовалось, но на практике часто дело обстояло иначе, если сын находился в материальной зависимости от отца или матери. Набу-аххеддин, сын Шулы, потомка Эгиби, женил своего сына Итти-Мардук-балату на Нупте, дочери Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, по собственному усмотрению. Он, а не сын догваривался с Иддин-Мардуком, отцом Нупты, о приданом¹⁶². Бэл-кацир, сын Надину, потомка Саггиллии, женился на вдове Зунне, у которой от первого мужа был сын Бэл-усат. Брак оказался бездетным, и Бэл-кацир захотел усыновить

пасынка, но его отец Надину запретил, угрожая лишением наследства. Бэл-кацир вынужден был покориться воле отца¹⁶³.

Вмешательство родителей иногда оборачивалось для сыновей трагически. Иддин-Набу, сын Шулы, потомка Магната, и рабыня Нана-бэл-уцри полюбили друг друга. Но Нупта, дочь Наид-Мардука, потомка Бабуту, мать Иддин-Набу, и слышать не хотела об их браке. При поддержке брата и младшего сына она постаралась разлучить их. 9 февраля 537 г. Нупта продала рабыню Нана-бэл-уцри с ее новорожденным сыном, своим внуком, семье «Кузнецовых», державшей лупанар. Иддин-Набу опротестовал продажу любимой, и, поскольку он был старшим сыном, наследником матери, суд 6 июля 537 г. отказался признать купчую на рабыню действительной без его согласия. Мать, дядя и брат приложили все силы, чтобы сломить сопротивление Иддин-Набу, и в конце концов добились своего. 13 декабря 533 г. Иддин-Набу в присутствии старейшин утвердил купчую¹⁶⁴.

А вот еще случай, отраженный в документах, которые нельзя читать без смеха. Это история женитьбы вавилонского Митрофанушки. В 531 г. в Вавилоне проживал важный сановник Наргия. Когда его великовозрастному чаду, по имени Набу-аххе-буллит, пришла пора жениться, заботливый папаша подыскал ему невесту из приличной семьи, девицу по имени Куббутум. В один прекрасный день Набу-аххе-буллит отправился в дом невесты заключать брачный контракт. Но, как повелось исстари, он предварительно заглянул в одно из злачных мест, чтобы отметить прощание с молодостью. Здесь судьба свела его с сиппарским вельможей Амурру-шарру-уцуром, который в сопровождении своей любовницы Таблуту и ее брата явился в столицу повеселиться. Узнав, что Набу-аххе-буллит собирается жениться, сиппарец основательно напоил его и отправил к невесте в сопровождении своего раба. Только попал наш Митрофанушка не к Куббутум, а к Таблуту, которая порядком надоела сиппарцу, так что тот жаждал отделаться от нее, разумеется, с соблюдением приличий. Будучи не в состоянии отличить черное от белого, Набу-аххе-буллит храбро заключил брачный контракт и стал законным мужем Таблуту.

Легко себе представить ярость Наргии, когда он узнал, как и на ком женился его сынок-балбес. В царский суд полетела жалоба на Амурру-шарру-уцура за то, что он без ведома Наргии обманом женил его сына. Дело приняло дурной для сиппарца оборот. Спасли его раб и два наемных лжесвидетеля, которые заявили на суде о полной непричастности Амурру-шарру-уцура к злополучной женитьбе. Суд расторг брачный контракт. Таблуту и ее брату пригрозили обращением в рабство, если они не оставят в покое Набу-аххе-буллита. Раба выпороли, а с лжесвидетелей содрали крупный штраф в 1 талант (30,3 килограмма) серебра. Эти деньги сиппарец занял у Эгиби, после чего отбыл к себе в Сиппар. Банкиры так и не сумели взыскать с него долг: вместо денег он оставил им на память протоколы и решения суда¹⁶⁵. Все это дело получило публичную огласку, и можно не сомневаться, что Наргия и его незадачливый сынок, а вместе с ними и попавшие впросак Эгиби долго служили мишенью для вавилонских зубоскалов. Такие анекдотические истории случались нечасто даже во времена Вавилонского столпотворения.

У вавилонян существовала моногамия, что, однако, не мешало мужу держать наложниц. Но и вавилонянка не была безответным существом, запертым в гареме, тем, что принято называть «восточной женщиной». Более того, нигде в древнем мире женщина не пользовалась такой свободой, как в Новом Вавилоне. В этом смысле с вавилонянками могли сравниться в некоторых отношениях только египтянки и спартанки.

Поворотным событием в жизни женщины было замужество. С этого момента она навсегда выходила из-под власти родителей и становилась самостоятельной, хотя и не равной мужчине. Основой этой самостоятельности служили имущественные права женщины. При выходе замуж она получала от родителей или братьев приданое, состав и размер которого зависели от возможностей ее семьи. У вавилонян среднего достатка в приданое давали обычно участок земли или городской дом, деньги, мебель, домашнюю утварь и обязательно рабов. Считалось неприличным, если у вавилонянки не было личной рабской прислуги. Типичен следующий случай.

В 493 г. девица Луринду, дочь Мушезиб-Бэла, потомка Эа-илута-бани, вышла замуж за Ахушуну, сына Набу-мушетик-урри, потомка Нанахху. Мушезиб-Бэл, отец Луринду, к этому времени умер, оставив состоятельную некогда семью на грани разорения. Амти-Сутити, мать Луринду, сумела дать в приданое дочери флигель городского дома площадью 24 квадратных метра с амбаром, 2 мины (1 килограмм 10 граммов) серебра, 4 бронзовые вещи, 2 покрывала, 2 эксомиды¹⁶⁶, 4 туники, 3 кресла из ивового дерева, но не могла выделить ей рабов. Тогда через полтора года после женитьбы Ахушуну продал молодой жене рабыню с сыном за 2 мины серебра (по тому времени довольно дешево). Амти-Сутити отдала зятю эти деньги из приданого дочери. Так Луринду лишилась своих денег, но зато приобрела собственных слуг-рабов¹⁶⁷.

Кроме приданого, невеста часто располагала кубышкой с деньгами и прочим имуществом, появившимся у нее за счет подарков, завещаний и иными путями. И приданое и кубышка были личной собственностью жены. Муж ни при каких обстоятельствах не мог получить на них права. Если жена умирала, ее имущество наследовали дети или, если детей не было, родители и братья, но не муж.

Юноша Набу-аплу-иддин рано лишился матери и получил в наследство не только ее приданое, но и имущество ее родителей, у которых он был единственным внуком. Однако и сам Набу-аплу-иддин не отличался крепким здоровьем. Когда стало ясно, что он не жилец на этом свете, было составлено завещание, по которому его наследником становился... его родной отец Шамаш-аплу-уцур! Без такого завещания он ничего не получил бы из имущества своих покойных жены и сына, потому что не имел на него никаких прав. Это имущество осталось бы выморочным¹⁶⁸.

Располагая личной собственностью, жена не зависела от мужа в имущественном отношении. Юридическая власть мужа над нею была невелика. Муж имел право наказать неверную жену смертью, но этим правом давно уже никто не пользовался. Он мог дать жене развод, но, если жена не имела за собой вины, обязан был выплатить ей солидную компенсацию. Женщина обладала полной правоспособностью

в области частного права. Она могла покупать, продавать, сдавать в аренду и внаем, дарить, завещать, закладывать, давать в долг любой вид движимого и недвижимого имущества, включая землю, дома, рабов и деньги, являвшиеся ее собственностью. Она в полном объеме пользовалась правами юридического лица в деловой сфере. И многие вавилонянки умели осуществлять свои права на деле.

Мар-бити-адду-натану, сын Аддии, и его жена Бунаниту, дочь Харицайи, взяли ссуду в банке Иддин-Мардука, и 4 марта 553 г. по их поручению агент и шурин банкира Даяншум-иддин, сын Зерии, потомка Набайи, купил для них за 11 ½ мины (5,8 килограмма) серебра дом в Барсиппе площадью около 94 квадратных метров. В течение нескольких лет супруги покрыли ссуду. Банковский кредит им понравился. Мар-бити-адду-натану решил таким же способом приобрести еще один дом в Барсиппе площадью около 96 квадратных метров, который стоил 9 ½ мины (4,713 килограмма) серебра. Он взял у жены в долг 3 ½ мины (1,8 килограмма) серебра из ее приданого и вместе с нею занял еще 2 ½ мины (1,26 килограмма) серебра у того же банкира. Таким путем Мар-бити-адду-натану купил второй дом. Из-за этого дома между ним и женой в 552 г. возник спор.

Бунаниту предъявила вексель на 3 ½ мины серебра, полученный ею от мужа, ко взысканию и выиграла дело в суде. Мар-бити-адду-натану вынужден был уступить ей право собственности на спорный дом, но в то же время суд обязал Бунаниту вместе с мужем уплатить 2 ½ мины серебра долга банкиру. Так поступали вавилонские матроны, когда их мужья пытались присваивать принадлежавшие им деньги. И это считалось в порядке вещей. Тяжба отнюдь не нарушила согласия в семье Мар-бити-адду-натану. У супругов была дочь Нупта, но не было сына. В 551 г. они усыновили мальчика, дав ему имя Мар-бити-адду-амару. Вскоре после этого муж умер. Его вдова Бунаниту вместе с приемным сыном купила третий дом, снова при помощи банковского кредита. А в 547 г. она выиграла в суде тяжбу с братом покойного мужа, который пытался оттягать у нее имущество последнего как выморочное. Суд признал акт усыновления Мар-бити-адду-амару и вклад самой Бунаниту в при-

обретение спорного имущества; право собственности на это имущество осталось за Бунаниту, Мар-бити-адду-амару и Нуптой¹⁶⁹.

Такой же энергичной матроной была Ина-Эсагили-рамаат, дочь Зерии, потомка Набайи, жена банкира Иддин-Мардука, о которой уже говорилось. Муж разбогател благодаря ее помощи, но при этом Ина-Эсагили-рамаат не забыла и себя. Муж аккуратно платил ей долги и проценты, ибо свои деньги она держала отдельно и даже не в его банке, а в банке своего зятя Итти-Мардук-балату, главы семьи Эгиби. Рабская фамилия Ина-Эсагили-рамаат (по именам известен 21 ее раб) тоже была отделена от рабской фамилии Иддин-Мардука (известно 63 раба из ее состава). Иддин-Мардук не смел и думать посягнуть на имущество жены. Зато Ина-Эсагили-рамаат такой шепетильностью не отличалась. Будучи намного моложе мужа, она командовала им, а когда он состарился, вместе с зятем Итти-Мардук-балату прибрала к рукам все его имущество и сама вела все его дела. Это была настоящая вавилонская Кабаниха, энергичная, властная и деспотичная¹⁷⁰.

В 525 г. Иддин-Мардук умер в возрасте около 90 лет. В 522 г. умер и Итти-Мардук-балату, а с его сыновьями, своими внуками, вавилонская Кабаниха не поладила. Старший из них, Мардук-нацир-апли, не позволил ей распоряжаться домом Эгиби. Неприязнь между бабкой и внуком в конце концов привела к публичному скандалу. Поводом для скандала послужило наследство раба Нергал-рицуа.

Нергал-рицуа, жизненный путь которого известен по уцелевшим документам с 554 по 525 г., был собственностью Ина-Эсагили-рамаат. Став агентом ее мужа Иддин-Мардука, раб занимался скупкой чеснока, ячменя и фиников у землевладельцев селения Ах-иддина, о чем говорилось выше. Помогая Иддин-Мардуку обирать должников, Нергал-рицуа разбогател и сделался его коммендатарием. Он занялся ростовщичеством и даже открыл свою банкирскую контору, принимая и выдавая вклады рабам и свободным. В 533 г., после смерти Мардук-риманни, единственного сына своих господ, Нергал-рицуа был подарен Нергал-ушезибу, младшему сыну Итти-Мардук-балату и Нупты, дочери Иддин-

Мардука и Ина-Эсагили-рамат. С этого времени он стал слугой двух господ — Иддин-Мардука, мужа своей бывшей госпожи, и Итти-Мардук-балату, отца своего нового господина.

Нергал-рицуа приобретал дома и земли, вел крупные денежные операции. Вавилонские дельцы охотно предоставляли ему кредит на крупные суммы под простой вексель, не требуя ни залога, ни поручительства: его слову и его платежеспособности они верили безоговорочно. Такой незапятнанной репутации не имели даже его господа — известные всему Вавилону богачи и банкиры Иддин-Мардук и Эгиби.

В 525 г. Нергал-рицуа умер, и его имущество вместе с домом в Вавилоне на улице Хубур, захваченным им в 529 г. у должников, перешло в собственность его юридического господина Нергал-ушезиба, младшего отпрыска семьи Эгиби. В 508 г. Мардук-нацир-апли, Набу-аххе-буллит и Нергал-ушезиб разделили отцовское наследство. При этом дом на улице Хубур достался Мардук-нацир-апли, старшему брату, чего старая Ина-Эсагили-рамат не могла пережить. Она расценила такой дележ как отказ Нергал-ушезиба от ее подарка — раба Нергал-рицуа, давно умершего, и от его имущества. На этом основании она вчинила иск на дом на улице Хубур: раз внук от дара отказался, дар должен вернуться к ней. Юридически Ина-Эсагили-рамат была права, и Мардук-нацир-апли не стал с ней спорить, но зато доказал на суде с участием Нергал-ушезиба, что тот не отказался от дома, а обменял его на соответствующую компенсацию при разделе семейного имущества. В 507 г. суд отклонил иск Ина-Эсагили-рамат¹⁷¹.

Нупта, дочь Ина-Эсагили-рамат, тоже была богатой невестой, но не обладала характером матери. Она не смела перечить своему мужу Итти-Мардук-балату, главе семьи Эгиби, и тот распоряжался ее имуществом, как своим собственным, не считаясь ни с какими юридическими нормами. Таким образом, реальное положение женщины в семье и обществе зависело не столько от ее юридических прав, сколько от ее характера и характера ее мужа, от взаимоотношений, существовавших между супругами.

Отношения между родителями и детьми, как и отношения между супругами, в значительной степени строились на имущественной основе. К эпохе столпотворения родители уже утратили патриархальную власть над взрослыми сыновьями, но у них оставалось сильное средство воздействия на сыновей — наследство.

Наследниками отца, согласно закону или неписаному обычаю, имевшему силу закона, считались только трое старших сыновей. Так, Набу-аххе-иддин, глава семьи Эгиби, имел не менее семи сыновей, но в официальных документах именовался отцом лишь трех старших — Итти-Мардук-балату, Иддин-Набу и Нергал-этира, которые и считались его наследниками¹⁷².

Раздел наследства происходил следующим образом. Старший сын брал половину себе, а другую половину отдавал младшим сыновьям, своим братьям, которые, в свою очередь, делили ее поровну. Если сыновей-наследников было только двое, то старшему доставались две трети, а младшему — треть отцовского имущества. Остальные сыновья доли в наследстве не имели и получали только то, что отец или старшие братья считали нужным им дать. Дочери при наличии сыновей тоже не имели права на наследство: им полагались только приданое и подарки, сделанные родителями или братьями. Женщина становилась наследницей лишь при отсутствии наследников мужского пола.

Наследство до раздела находилось в общей собственности братьев-сонаследников, причем единственным правоспособным из них являлся старший брат. Если один из братьев умирал до раздела наследства, его права переходили к сыновьям, а при отсутствии таковых — к оставшемуся в живых брату, причем старший не мог наследовать младшему, если был жив другой младший брат или его сыновья. Но после раздела наследства каждый из братьев становился самостоятельным хозяином и мог наследовать другому брату лишь при отсутствии у него сыновей и дочерей.

Цель подобного порядка наследования ясна: воспрепятствовать слишком быстрому дроблению собственности, особенно на землю, дома и рабов, и тем самым задержать измельчание хозяйств граждан. Вместе с тем существовал

институт завещаний, позволявший собственнику вносить коррективы в порядок наследования в пользу того или иного наследника. Этим правом чаще всего пользовались женщины.

Наследование и завещания играли очень важную роль в жизни вавилонян. От этих институтов зависело воспроизводство новых поколений граждан, способных нести гражданские обязанности, и, следовательно, численность и сплоченность всего общества. Кроме того, они были неразрывно связаны с некоторыми религиозными представлениями вавилонян. Вавилоняне, как и прочие древние семиты, не знали ни рая, ни ада. Преисподняя рисовалась им в весьма непривлекательном виде царства теней, мрака и тлена, где пищей умершим служили прах и глина. По представлениям вавилонян человек продолжал жить не в загробном мире, а в своем потомстве, в своем семени. Самым страшным несчастьем для вавилонян была бездетность. Сын, внук являлся прямым продолжением жизни человека. На него ложилась и забота об умерших предках.

Покойников вавилоняне обычно хоронили рядом со своим жилищем: их клали в глиняные гробы и зарывали во дворе или прямо под глинобитным полом дома. Более состоятельные люди строили склепы, в которых хоронили всех умерших членов семьи. Никаких памятников на могилах не ставили. Дом ветшал, разрушался, на его месте возводили новый. Но из поколения в поколение мертвые оставались с живыми, и на живых ложилась забота о них. Они справляли поминки и лили воду на могилы, чтобы умершие предки могли утолить голод и жажду в преисподней. Иначе, по поверьям вавилонян, душа умершего (etemmu) могла покинуть преисподнюю и принести много бед живым. Поэтому вавилоняне так дорожили местом, где стоял их дом.

Но заботы о престарелых родителях и их душах после смерти целиком зависели от наследства, которое они оставляли детям. Если наследства не было, то дети освобождались от каких бы то ни было обязанностей по отношению к родителям.

Иддин-Мардук, о котором не раз говорилось выше, не получил никакого наследства от своего отца Икиши, сына

Кудурру, потомка Нур-Сина. Тем не менее он неплохо относился к отцу. Став богатым человеком, он неоднократно помогал ему материально и платил его долги. Никто не мог упрекнуть Иддин-Мардука в черствости, хотя он не нес никаких обязанностей по отношению к отцу. Состарившись, Икиша, его отец, отпустил на волю своего единственного раба Риманни-Бэла, дав ему по этому случаю новое имя Римут. На вольноотпущенника была возложена обязанность давать своему бывшему господину до конца его дней «пищу, мазь и одежду», то есть содержать его. Но, получив свободу, Римут, он же Риманни-Бэл, исчез, и старый Икиша остался без средств к существованию. Однако ему и в голову не пришло обратиться за помощью к богачу-сыну, а тому тоже не пришло в голову взять престарелого отца к себе. Икишу выручила невестка Ина-Эсагили-рабат, жена Иддин-Мардука. Она, а не ее муж добровольно взялась кормить и одевать нищего свекра. Через некоторое время неверного вольноотпущенника Римута поймали. За нарушение своих обязанностей по отношению к бывшему господину он снова был обращен в рабство под своим прежним именем Риманни-Бэл. Икиша разбил документ об отпуске его на волю и 24 мая 543 г. подарил этого раба невестке и ее дочери Нупте, своей внучке, в благодарность за их заботу. Ни единого слова упрека не последовало при этом в адрес Иддин-Мардука, ибо тот ничем не нарушил этики того общества, в котором жили он и его отец. Так выглядел сыновний долг по-вавилонски¹⁷³.

В случае бездетности вавилоняне прибегали к усыновлению. Приемные дети во всех отношениях были равны родным. В некоторых случаях они принимали отчество и фамилию приемного отца. Так, Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, вырастил и усыновил Кальбу, сына некоего Шум-укина. Усыновление официально оформили 17 ноября 546 г., когда Кальба был уже взрослым¹⁷⁴. В других случаях приемные дети сохраняли отчество и фамилию настоящих родителей и не освобождались от своего долга перед ними, но в то же время становились наследниками приемных отца и матери и брали на себя все связанные с получением наследства обязанности по отношению к ним. На практике эти отношения строились на чисто деловой основе.

Гимиллу, сын Мардук-зер-ибни, потомка кузнеца, усыновил своего племянника Иддин-Набу, сына Набу-бани-зери, потомка кузнеца, который сохранил свое отчество, и завещал ему все свое имущество, заключавшееся в векселях, домах и храмовых доходах. Около 525 г. Гимиллу умер, и Иддин-Набу некоторое время содержал его вдову Таппашру, но уже 9 ноября 525 г. откупился от этой обязанности деньгами. При этом он не постеснялся выставить вдову из дома покойного Гимиллу, разрешив ей взять только ложе, стол, стул, медные жаровню и чашу, принадлежавшие ее мужу. И опять-таки, с вавилонской точки зрения, поступок Иддин-Набу не был аморальным, и Таппашру не имела к нему никаких претензий¹⁷⁵.

Для понимания права, психологии и этики вавилонского общества большой интерес представляет следующая история, которую можно назвать повестью о бездетных супругах, хотя она изложена в деловых документах из архива семьи Эгиби, а не в литературном произведении.

В городе Хурсаг-каламме жили Арди-Гула и его жена Дамка, люди небогатые, но достойные. Поженившись в 577 г. и прожив в любви и согласии тридцать три года, они были глубоко несчастны, так как не имели детей. Свободного ребенка они не могли усыновить, потому что не располагали достаточным имуществом, для того чтобы дать ему приличное наследство. К тому же в конце жизни супруги увязли в долгах. В 547 г. они заняли у некоего Набу-шум-укина $2\frac{1}{3}$ мины (1,178 килограмма) серебра под поручительство некоего Бэл-риманни и под залог всех своих рабов — рабыни Ана-Ташметум-аткаль, ее сына Забаба-иддина и ее дочерей Амти-Нинлиль (Амтии) и Нанаана-битишу. В 544 г. Арди-Гула умер, и уже немолодая Дамка окончательно лишилась надежды иметь детей. Кто же будет заботиться о ее покойном муже и о ней самой после ее смерти? Дамка нашла выход. 23 сентября 544 г. она усыновила своих рабов — красавицу Амтию и ее брата Забаба-иддина. Вскоре после этого, успокоенная, Дамка последовала за мужем в мрачный подземный мир.

Но кредитор Набу-шум-укин, которому покойные супруги остались должны 3 мины 50 сиклей (около 2 килограм-

мов) серебра, интересовался судьбой своих денег, а не тем, каково будет его должникам на том свете. Через суд он взыскал их долг с поручителя Бэл-риманни, вручив ему взамен их векселя. Бэл-риманни, убедившись в том, что имущество покойных не покроет его потерь, попытался найти их наследников. 10 января 543 г. он вызвал в суд племянника Арди-Гулы и сестру Дамки, но те отказались вступить в наследство и взять на себя долги умерших. Суд согласился с ними и предложил Бэл-риманни удовлетвориться имуществом покойных, которое они отдали в залог, то есть их рабами. Но тут обнаружилось, что двое из рабов — Амтия и Забаба-иддин — благодаря усыновлению стали свободными. Столкнулись интересы кредитора и новых вавилонских граждан, вольноотпущенников. Суд принял сторону кредитора: 13 февраля 543 г. акт усыновления аннулировали, Амтия и Забаба-иддин были вновь ввергнуты в рабство и отданы Бэл-риманни.

Среди судей, принявших это жестокое, но юридически безукоризненное решение (Дамка не могла распоряжаться судьбой заложенных рабов без ведома кредитора), находился Набу-аххе-иддин, глава дома Эгиби. В таком решении он был заинтересован лично. На закате жизни этот богатый делец воспылал страстью к юным рабыням. Он сделался завсегдаем аукционов и не жалел денег на приобретение приглянувшихся ему невольниц. Амтия не ускользнула от его внимания, и он приказал своему старшему сыну Итти-Мардук-балату купить ее и ее родных у Бэл-риманни, который, конечно, не упустил случая вернуть свои убытки с лихвой. 31 января 543 г., за две недели до окончательного решения суда о судьбе рабов, агент семьи Эгиби купил Амтию у Бэл-риманни за 1 мину 10 сиклей (589 граммов) серебра, за двойную против обычной цену, а 16 февраля 543 г. Итти-Мардук-балату полностью рассчитался за рабов с Бэл-риманни.

Велико было отчаяние Амтии: едва получив свободу и гражданство, она вновь оказалась рабыней, объектом похоти старого развратника. Девушка пыталась сопротивляться. Разъяренный Набу-аххе-иддин расправился с нею самым подлым образом. Он не только растлил ее, но и при-

нудил стать уличной блудницей. Амтию сдавали внаем за 3 суту (15 литров) ячменя в сутки. Так, 8 марта 543 г. ее нанял для «наслаждения» молодой вавилонянин Нур-Син. У него она пробыла пять дней: на большее у молодчика не хватило средств, ибо папаша отказал ему в дальнейших субсидиях на такого рода развлечения. И 13 марта 543 г. Амтия оказалась у следующего любителя наслаждений, Гузану. Набу-аххе-иддин навсегда отнял у Амтии надежду на свободу, заставив ее заниматься позорным для вавилонянки ремеслом. Вавилонянка без всякого ущерба для своей чести могла быть храмовой проституткой-иеродулой, но уличная лупа ни при каких условиях не могла стать свободной вавилонянкой.

Так продолжалось до сентября 543 г., когда Набу-аххе-иддин умер. Его сын Итти-Мардук-балату, юридический господин Амтии, в душе не одобрял поведения отца, бросавшего тень на репутацию семьи, но не смел перечить ему, пока тот был жив. Теперь же он избавил Амтию от ее ремесла и вообще постарался отделаться от нее. 6 мая 542 г. Итти-Мардук-балату передал рабыню в приданое своей сестре Киби'тумкишат¹⁷⁶.

Амтия стала жертвой бессердечия и жестокости рабовладельца. Но рабы не всегда были только жертвами. Они жили среди вавилонян и научились от них мстить жестоко и беспощадно.

Раб Набу-утирри с молодых лет проявил недюжинные способности дельца. Но его господу Бэл-аххе-риб, сын Бэл-ушезиба, потомка Дабиби, и Кашша, дочь Бэл-икиши, умели делать только долги и не давали рабу развернуться, постоянно отдавая его в залог своим кредиторам. Однако Набу-утирри повезло: его заметил и оценил Набу-аххе-иддин, глава семьи Эгиби. В 545 г. он выкупил Набу-утирри у его господ и их кредиторов, заплатив за него двойную цену — в общей сложности около 2 мин (1 килограмм) серебра. И Набу-утирри стоил этого. В том же 545 г. Эгиби приобрели привлекательную и смышленную рабыню Мизатум. Ее бывший господин Набу-эреш, сын Табнеа, потомка Аху-бани, запутался в долгах, и Эгиби, его главные кредиторы, в короткий срок скупили у него тринадцать рабов, в том числе и Мизатум. Вскоре Мизатум была выдана замуж

за Набу-утирри и стала верной сподвижницей мужа во всех делах.

Набу-утирри и Мизатум занимались ростовщичеством и скупкой урожая у мелких землевладельцев, но главные доходы приносило им питейное дело. Они создали компанию по производству и сбыту горячительных напитков. Их рестораны находились не только в самом Вавилоне, но и в его фешенебельном предместье Бит-шар-Бабили. В 543—542 гг. после расчета с компаньонами и покрытия расходов по своим предприятиям супруги извлекли около 3 мин (1,515 килограмма) серебра чистой прибыли, не считая принадлежавших им запасов сикеры, оборудования и мебели. Кроме того, Набу-утирри вел оптовую торговлю и для этой цели фрахтовал суда с матросами. Он имел собственных рабов. О размерах его доходов можно судить по расчету, который он произвел 8 мая 541 г. со своим господином Итти-Мардук-балату. За полтора предшествующих года раб «унес с улицы» в общей сложности $5\frac{1}{2}$ мины (2,8 килограмма) серебра, из коих 59 сиклей (496,6 грамма) отдал господину. Сверх того он заплатил ему же еще 12 сиклей (101 грамм) серебра дани за Мизатум.

Когда знакомишься с биографией раба Набу-утирри, за его спиной незримо встает облик бальзаковского Гобсека с такой же, как у того, беспощадностью к должникам и лютой ненавистью к бездельникам-господам, причинившим немало горя ему и его жене Мизатум. Объектом этой ненависти стал Набу-эреш, бывший господин Мизатум. Набу-утирри охотился за ним целых пятнадцать лет, с 545 по 530 г., и наконец отомстил ему за жену с чисто вавилонским и, добавлю от себя, гобсековским изяществом. Воспользовавшись денежными затруднениями Набу-эреша, вавилонский Гобсек любезно предоставил ему заем под залог земли. Набу-эреш не смог расплатиться и потерял землю. Но Набу-утирри не удовлетворился этим: надо было пустить Набу-эреша по миру, заставить его самого хлебнуть рабской доли вавилонского нищего. Узнав, что Набу-эреш, пытаясь стать на ноги, затеял ростовщическую операцию и взял в залог землю одной вавилонянки, Набу-утирри перехватил залог и передал его своему господину Итти-Мардук-балату, который не без удовольствия наблюдал, как его раб добывает граждани-

на. Набу-эреш был разорен до нитки¹⁷⁷. Так мстили во времена Вавилонского столпотворения!

Поведение Итти-Мардук-балату объяснялось не только тем, что земли, отнятые у Набу-эреша, достались ему: Набу-утирри скончался в 530 г. и его имущество перешло к господину. Здесь был замешан и личный интерес. Рабыня Мизатум, жена Набу-утирри, была любовницей Итти-Мардук-балату, и ей, уже вдове, пришлось стать действующим лицом в скандальной истории, разыгравшейся в семье Эгиби.

Как уже говорилось, в 543 г. умер Набу-аххе-иддин, глава семьи Эгиби. Его место занял Итти-Мардук-балату как старший сын. Иддин-Набу и Нергал-этир, младшие сыновья-наследники, оказались в полной зависимости от его милостей, которые отнюдь не были щедрыми. Законные требования братьев разделить наследство Итти-Мардук-балату отвергал. Убедившись в том, что по-хорошему им ничего от него не получить, Иддин-Набу и Нергал-этир проделали над братом ряд злых шуток, заставивших хохотать весь Вавилон.

Однажды, в 535 г., Иддин-Набу, сговорившись с Нергал-этиром, сделал без ведома Итти-Мардук-балату крупный заем у персидского царевича Камбиза, отдав ему в залог городской дом. Свидетелями сделки были соседи, прекрасно знавшие отношения между братьями Эгиби. Кудашу, мать братьев, юридическая собственница заложенного дома, дала согласие на залог, отлично понимая, как отнесется к этому старший сын. В курсе дела был и Габби-илани-шарру-уцур, дворецкий царевича Камбиза, оформлявший заем. Все участники сделки были не прочь напакостить жадному Итти-Мардук-балату и, затаив дыхание, ждали дальнейшего развития событий, тем более что юридически сделка была безупречной. Итти-Мардук-балату, к их вяшему удовольствию, остался в дураках: с таким кредитором, как царевич Камбиз, он не посмел скандалить. Ему пришлось заплатить долг брата и выкупить дом.

В 527 г. Иддин-Набу осуществил новую проделку. Воспользовавшись отлучкой Итти-Мардук-балату, он выкрал его пассию Мизатум, вдову раба Набу-утирри, и продал ее

в отдаленном городе Описе. При этом Иддин-Набу выдал себя за Итти-Мардук-балату, так как все документы Мизатум были составлены на имя последнего. Обман, естественно, скоро раскрылся. Итти-Мардук-балату рвал и метал от ярости, а весь Вавилон смеялся над ним. Рабыню он вернул, но ему снова пришлось платить за брата, у которого не было собственных денег.

Что касается Мизатум, то она, окруженная вниманием господина и его сыновей, дожила до глубокой старости. В 508 г. при разделе имущества семьи Эгиби она вошла в долю Мардук-нацир-апли, старшего сына Итти-Мардук-балату, который выдержал характер и, несмотря на проделки братьев, не разделил с ними наследства. Они добились от него только выделения содержания и личной рабской прислуги.

В конце 522 г. Итти-Мардук-балату и Иддин-Набу погибли во время разгрома персами восстания в Вавилоне. Права Иддин-Набу на наследство перешли к его младшему брату Нергал-этиру, который в 519 г. заставил племянников, сыновей Итти-Мардук-балату, отдать причитающуюся ему половину наследства (за себя и за Иддин-Набу). При этом разделу подверглось фамильное имение семьи Эгиби на Новом канале близ Вавилона.

Раздел наследства, однако, не принес радости Нергал-этиру. Его жизнь была вконец испорчена многолетней борьбой за наследство. Получив наследство, он женился на своей двоюродной сестре Сукайити, дочери Итти-Набу-балату, потомка Эгиби, но у них рождались только дочери. В полном отчаянии Нергал-этир в короткий срок промотал все имущество и залез в долги. В 512 г. он умер, и Сукайити, будучи не в состоянии уплатить долги мужа, обратилась за помощью к его старшему племяннику Мардук-нацир-апли, главе дома Эгиби. Последний выменял у нее половину фамильного имения на Новом канале, полученную Нергал-этиром в 519 г., на небольшое имение в отдаленном Дильбате и в качестве компенсации заплатил долги покойного дяди¹⁷⁸.

С именем Мардук-нацир-апли связана еще одна история, типичная для вавилонских нравов, — история Кальбы, сына Циллы, потомка Набайи. Он долгое время был агентом

Итти-Мардук-балату и, занимаясь разного рода спекуляцией, сколотил довольно приличное состояние. После гибели Итти-Мардук-балату его старший сын Мардук-нацир-апли в 521 г. женился на Амти-Бабе, дочери Кальбы. Старый Кальба вне себя от радости большую часть своего с трудом нажитого состояния отдал в приданое дочери, чтобы той не стыдно было войти хозяйкой в богатый дом Эгиби. При этом Кальба обездолил своего сына и, значит, обрек себя после смерти на участь блуждающего духа — «этемму». Но зятю и дочери этого казалось мало. Мардук-нацир-апли и его брат Набу-аххе-буллит без зазрения совести обирали Кальбу. Они ссужали ему деньги и вынуждали продавать остатки земли, рабов и другого имущества. Оба отлично знали, что вырученные таким путем деньги Кальба тратит на свою ненаглядную дочь. Амти-Баба ходила в драгоценностях, а ее отец, вконец обобранный, в 509 г. умер нищим.

Если Амти-Баба была плохой дочерью — конечно, с нашей точки зрения, а не вавилонян, — то это не мешало ей быть прекрасной женой. Ее брак с Мардук-нацир-апли был заключен по любви, и они жили душа в душу. В 506 г. Мардук-нацир-апли оказался в тяжелом положении. Тогда Амти-Баба, не задумываясь, отдала ему свое приданое — золото, деньги, браслеты и даже продала своих личных слуг. Муж в качестве компенсации перевел на ее имя одно из своих имений и девять рабов — своего управляющего раба Даян-бэл-уцура с его семьей. Правда, эта компенсация была меньше стоимости приданого. Тем не менее Амти-Баба, видя, что положение мужа остается тяжелым, пошла на новую жертву: она продала Даян-бэл-уцура и его семейство за 24 мины (12,1 килограмма) серебра. Но как раз в это время Мардук-нацир-апли сумел получить кредит в 45 мин (24,6 килограмма) серебра, и Амти-Баба успела расторгнуть невыгодную для нее продажу рабов. Даян-бэл-уцур так и остался управлять имениями семьи Эгиби в районе Шахрина¹⁷⁹.

Перед нами прошла целая галерея вавилонян и их рабов, людей эпохи столпотворения. Эти образы — не плод литературного творчества, не обобщающие типы эпохи, в которых умышленно сконцентрированы ее характерные черты. Это реальные люди, дела и помыслы которых зафиксирова-

ны ими самими в деловых документах. При этом они меньше всего думали о том, чтобы оставить грядущим поколениям свои портреты и «вывернуть себя наизнанку» перед потомками. И тем не менее они это сделали. Людей судят не по их словам, а по делам. В документах как раз и нашли полное и беспристрастное отражение дела вавилонян. Корыстолюбие, алчность, холодный и расчетливый эгоизм, жестокость, мстительность и прочие низменные качества человеческой души рельефно проступают в их будничных поступках с беспощадной откровенностью. Они налагают отпечаток даже на такие свойства, как деловитость, трудолюбие, юмор, забота о ближнем, любовь и преданность. Нет ничего удивительного, что иноземцам бросались в глаза в первую очередь те качества вавилонян, которые принято считать отрицательными. Именно этим и объясняется образ Вавилона и вавилонян, хорошо известный по Библии. Но таковыми вавилоняне стали не по своей природе. Такими их сделало общество, в котором они жили. Ведь они были детьми Вавилонской блудницы.

Глава 8 Вавилонская блудница

Вавилон, великая блудница... яростным вином
блудодеяния своего она напоила все народы.

Откровение Иоанна Богослова, XVIII, 2

Вавилонская блудница, вавилонское общество эпохи столпотворения... Каким же оно было?

Среди историков нет единого мнения о характере общественно-экономической формации на Древнем Востоке вообще и в Вавилоне в частности. Одни считают, что здесь существовала та же рабовладельческая формация, что в Греции и Риме, но на более низкой, примитивной стадии своего развития. Новый Вавилон, по их мнению, только приближался к уровню развития Греции и Рима¹⁸⁰. Другие, признавая Грецию и Рим рабовладельческими, утверждают, что на Древнем Востоке господствовал азиатский способ производства, который, полагают они, был прафеодальным, протофеодальным или просто феодальным¹⁸¹.

Сторонники рабовладельческой концепции считают, что на Древнем Востоке ведущую роль играла эксплуатация

рабского труда. Сторонники же азиатского способа производства, напротив, полагают, что здесь рабство не получило массового развития и преобладали феодальные способы эксплуатации непосредственных производителей.

Основным средством производства в античном мире являлась земля, и формы земельной собственности определяли отношения собственности в обществе в целом. Античная собственность на землю в Вавилоне существовала в виде храмового и частного землевладений, органически связанных между собой.

Храмовые земли в Вавилонии были тем же, чем «общественное поле» (*ager publicus*) в Риме, — коллективной собственностью граждан. Но в Вавилонии в силу особенностей ее природы, истории и экономики эта коллективная собственность играла гораздо большую роль, чем в греко-римском мире.

Основой вавилонской экономики служило ирригационное земледелие. Урожай, а следовательно, и существование населения в сильнейшей степени зависели от состояния ирригации, от обожествленных сил природы. Коллективные интересы граждан в Вавилоне были больше по объему и разностороннее, чем в Греции и Риме. Они не только заключались в военной службе для защиты и расширения земельных владений общины, но и включали не менее важные для жизни общины ирригационные работы, постоянное обновление быстро ветшавших храмов и других общественных сооружений, а также очень сложное богослужение. Все это требовало непрерывного напряжения коллективных усилий и больших средств. Храмы направляли эти усилия и давали необходимые средства.

Храмовое хозяйство было обширным и сложным. В той или иной форме в него вовлекалось все население страны. Храмы располагали громадным земельным фондом и множеством скота и птицы, владели рыболовными угодьями, ремесленными мастерскими, городскими домами, судами, караванами и массой рабов. Они занимались торговлей, ростовщичеством и банковским делом. В храмы поступали многочисленные дары и пожертвования, большая доля военной добычи и дани с покоренных стран. Все доходы и расходы строго учитывались отлично поставленной храмовой

бухгалтерией. Часть храмовых доходов шла на общие нужды гражданства, такие, как содержание ирригации и строительные работы. Часть расходовалась в самом храме на богослужение и содержание многочисленного храмового персонала. А часть, и притом весьма значительная, распределялась между гражданами в виде аренды и различных форм держания храмовых земель и скота или прямых раздач натурой (*kirummatu* — «кормление») и деньгами (*rarrasu* — «содержание»). Наконец, храмовые сокровища служили неприкосновенным запасом государственной казны на крайний случай. Так, например, сокровища храма Эсагилы были использованы вавилонянами в 702–689 гг. и в 652–648 гг. для покупки помощи эламитов во время войн с Ассирией.

Другая часть земельного фонда страны находилась в частной собственности граждан. Гражданин нес определенные обязанности в отношении коллектива, олицетворенного в божестве. По представлениям вавилонян весь смысл жизни человеческой состоял в служении богам. Отдельный гражданин не мог обойтись без коллектива, который защищал его и создавал для него условия существования. Чтобы иметь возможность выполнять свой долг, гражданин должен был владеть собственностью, землей.

Так в сознании самих вавилонян преломлялись господствовавшие у них отношения собственности, которые, в свою очередь, определяли классовую структуру античного общества. Свободные и рабы — вот два класса-антагониста античного общества, в том числе и вавилонского.

Класс свободных — это граждане. Сословное деление, существовавшее в их среде, после кровавых ассирийских расправ в 689 и 648 гг., аграрного переворота и реформ Ашшурбанипала было ликвидировано. Общество демократизировалось. В Новом Вавилоне гражданин именовался *mar-bani*, то есть «благообразный, благородный сын», а в переносном значении — «свободнорожденный». Между гражданами существовало юридическое равенство, которое, однако, не означало равенства социального.

Гражданин не только обладал правами, но и нес определенные обязанности, причем объем тех и других прямо зависел от его имущественного ценза. Он обладал полной юри-

дической и имущественной правоспособностью. Его дети, рожденные в законном браке или усыновленные им, становились вавилонскими гражданами. Граждане имели право участвовать в народном собрании и занимать любую общественную должность вплоть до должности царя Вавилона.

Роль народного собрания (*puḫru, bihirtu*) в самом Вавилоне в VII—VI вв. упала. Вавилонский город-государство в результате реформ Ашшурбанипала охватил всю страну Аккад и настолько расширился, что регулярные сходки всех его граждан стали практически невозможными. Народные собрания в Вавилоне созывались лишь в исключительно важных случаях. Зато возросло значение совета старейшин (*sibu*) или граждан (*maḡ-bani*), который решал многие дела, входившие в компетенцию народных собраний, например вопросы, связанные с храмовым имуществом, правами граждан, некоторые судебные дела. Одновременно поднялась роль царя и магистратов.

Царь Вавилона (*šarru, šar Babilī*), высший магистрат государства, помимо жреческих функций выполнял обязанности верховного военачальника и верховного судьи. Ему принадлежали высшая исполнительная власть и высшее руководство хозяйством страны. В ведении царя находились все внешние владения Вавилона — города Вавилонии, не входившие в состав вавилонского города-государства, зарубежные провинции и государства-клиенты. Он руководил внешней политикой и собирал дань с подвластных Вавилону стран и народов. Эти обязанности он выполнял при помощи чиновников, которых сам же и назначал.

Высший слой бюрократии составляли придворные чины, наместники провинций, градоначальники, генералы армии — магнаты, или князья (*rabuti*), в ранге «царских голов» (*reš-šarri*). Ниже их стояли царские судьи, мытари и другие чиновники. Чиновников имели также прочие магистраты.

Кроме вавилонского царства, на территории Вавилонии находились города Ниппур, Урук и Ур, сохранившие свой статус городов-государств, свое гражданство и автономию. Здесь, в отличие от Вавилона, наряду с магистратами, советом старейшин и чиновниками нормально функционировали народные собрания. Эти города состояли в федера-

ции с Вавилоном и подчинялись власти вавилонского царя. Их связь с Вавилоном укреплялась также тем, что верхушка горожан в лице магистратов, экс-магистратов и их потомков, наряду с местным гражданством, обладала правами вавилонских граждан. Граждане этих городов и вавилоняне были равны в сфере частного права.

Так в общих чертах выглядела политическая организация вавилонского гражданства.

Гражданин, формально обладая полными политическими правами, далеко не всегда мог ими пользоваться. Речь идет прежде всего о праве на занятие магистратур. В отличие от чиновничьей должности, магистратура была правом и обязанностью гражданина. Она не оплачивалась и считалась почетной. Исполнение обязанностей магистрата требовало от гражданина крупных личных издержек. Поэтому практически доступ к магистратурам был открыт только самым богатым лицам.

Из гражданских обязанностей основными являлись военная служба, участие в общественных работах и служение богам. Каждая из них требовала от гражданина материальных затрат. Гражданин обязан был на свой счет вооружаться и содержать себя во время похода, обеспечивать себя инструментами и материалами при выполнении общественных работ, приносить жертвы богам. Размер этого бремени зависел от имущественного ценза гражданина. Между его обязанностями и правами существовала прямая зависимость: чем больше обязанностей, тем больше прав, и наоборот. В итоге формальное равенство граждан превращалось в их фактическое неравенство. Решающую роль играло право распоряжаться и пользоваться храмовым имуществом.

Это право принадлежало магистратам, каковыми могли быть только самые богатые граждане. Так, например, в Уруке должность советника принадлежала семье Хунзу в 550—541 и 537—536 гг.; фамилия Дабиби держала в своих руках должности эконома (с 611 по 601 г. и с 539 по 523 г.) и писца храма Эанны (с 619 по 597 г.); фамилия Эгиби (не смешивать с вавилонскими Эгиби!) в 550—543 гг. занимала пост эконома Эанны и много лет подряд должность писцов Эанны. Так было и в других городах¹⁸². Кучка богатейших фамилий

монополизировала магистратуры, а с ними и право распоряжаться храмовыми богатствами. Эта кучка составляла вавилонскую олигархию. Храмовые доходы являлись основой ее могущества.

Рядом с нею, соперничая в богатстве и влиянии, стояла верхушка царской бюрократии, особенно военная. Она существовала за счет царских милостей, военной добычи, дани и доходов от своих должностей. Среди царского окружения вплоть до подчинения Вавилона в 539 г. персами ведущую роль играли халдейские выходцы — опора царей-халдеев, сидевших на вавилонском троне.

Каждая из этих группировок, составлявших в целом верхушку общества, имела влияние на определенные слои среднего гражданства. Олигархия, распоряжаясь храмовым имуществом, располагала обширной клиентелой среди городских и пригородных жителей, преимущественно вавилонян по происхождению. Эта часть гражданства имела доступ к аренде храмовых земель и к храмовым должностям, дававшим право на «кормление» и «содержание» от храмов. А распределение этих благ зависело от магистратов, то есть олигархии. Многочисленные получатели храмовых доходов составляли верхнюю прослойку храмового персонала и назывались *gab-bani* («великие, большие благообразные, благородные»). Халдейская верхушка имела опору в армии, большая часть которой состояла из сельских жителей халдейского происхождения. Опорой ее служило также мелкое чиновничество на царской службе из числа городских жителей как халдеев, так и вавилонян.

Основной костяк общества составляли средние слои — средние и мелкие собственники, которые вели самостоятельное хозяйство и обладали имущественным цензом, достаточным для несения военной службы и участия в общественных работах. Эти средние слои возродились в результате аграрного переворота и реформ Ашшурбанипала, приведших к восстановлению мелкого землевладения и слиянию вавилонян и халдеев.

Среднее гражданство не было однородным по своему составу. Уже в VII в. в его рядах началось имущественное расслоение, коснувшееся прежде всего халдейских землевла-

дельцев. Их вавилонизация сопровождалась быстрой ликвидацией пережиточных форм натурального хозяйства и клановых связей, торжеством античных форм собственности и развитых товарно-денежных отношений. Для многих из них такая перестройка общественных отношений оказалась губительной. В то же время из их среды выделился слой крепких хозяев — вавилонских граждан, способных нести службу в гражданской милиции в качестве линейной пехоты, всадников и колесничих. Они-то и добыли Вавилону победу на полях сражений при Набопаласаре и Навуходоносоре II.

В первые десятилетия VI в. в судьбах средних слоев граждан произошел перелом. Закончились большие войны, возникла империя Навуходоносора II. В Вавилонию широкой рекой хлынули вереницы пленных, богатая военная добыча, дань с покоренных народов. Вавилонским купцам были распахнуты пути во все концы мира. Началась эпоха вавилонского процветания, невиданного бума, ажиотажа и спекуляции. Состояния росли как грибы. Олигархия набиралась сил.

Но за этим фасадом благополучия развертывалась трагедия средних слоев общества. Они вынесли на своих плечах все тяготы великодержавной политики и надломались. Их хозяйства пострадали от военных опустошений и отвлечения хозяев на военную службу. Многие из них сложили головы на поле брани, другие вернулись калеками. А пока они воевали, их хозяйства обрастали долгами, закладывались и перезаклаывались ростовщикам. Разорению мелкого землевладения способствовали еще два фактора, которые дали себя знать в это время: реконструкция ирригационной системы, вызвавшая переворот в агротехнике и методах ведения земледельческого хозяйства, и дробление парцелл между сыновьями-наследниками. Оба фактора свидетельствовали о том, что античная форма земельной собственности изживала себя и превращалась в тормоз экономического развития общества. Это особенно остро сказывалось в сфере частного землевладения.

В богатых семьях тоже имели место разделы земли между наследниками, что создавало препятствия для мобилизации земельной собственности и роста крупного землевладения. Однако богатые собственники гораздо чаще делили не землю, а ренту с нее. В этом заключалось одно из важных преимуще-

ществ крупного хозяйства перед мелким. Мелким хозяйчикам, лично обрабатывавшим свою землю с помощью домочадцев и немногих рабов, волей-неволей приходилось дробить parcelлу, нанося тем самым непоправимый ущерб хозяйству. Крупные же собственники, как правило, своего хозяйства не вели и сдавали землю в аренду. Поэтому дележ ренты, при котором имения как хозяйственные единицы не дробились и их доходность не падала, был для них гораздо выгоднее дележа земли. Арендаторы со своей стороны тоже прибегали к одновременной аренде нескольких соседних мелких участков, принадлежавших разным хозяевам. Таким путем эти клочки земли сливались в имения, а их собственники становились совладельцами, делившими между собой ренту.

В психологии вавилонского гражданства произошли резкие изменения, сущность которых помогает понять следующий эпизод. В 569 г., когда Навуходоносор II вел подготовку к египетскому походу, состоявшемуся в следующем году, землевладелец Бэл-шум-ишкун из района Шахрина под Вавилоном, чтобы раздобыть серебро для найма заместителя на военную службу, занял под залог своей земли и двух рабов у знакомого уже нам Иддин-Мардука около 3 мин (1,515 килограмма) серебра, обязавшись покрыть долг за счет урожая фиников. Бэл-шум-ишкун откупился от военной службы, но долг заплатить не смог и спустя полгода разорился¹⁸³.

Бэл-шум-ишкун и многие его сограждане предпочитали разорение военной службе. Они были по горло сыты победами и завоеваниями, от которых не видели ничего, кроме смерти, увечий и опять-таки разорения. Так рассуждали и поступали сыновья и внуки тех, кто полвека тому назад, не щадя жизни, штурмовал гигантские валы Ниневии, отражал яростные атаки египтян и доведенных до полного отчаяния ассирийцев в Харране, дрался в кровавом рукопашном бою с солдатами фараона на горящих улицах Кархемиша.

Эпоха просперити высоко подняла значение денежного богатства, что вызвало существенные сдвиги в структуре средних слоев гражданства. В то время как ряды мелких землевладельцев, живших за счет урожая с земли, сокращались, росло число городских собственников — владельцев имений, доходных домов, трактиров, мастерских, ростовщиков.

Для них богатство заключалось в деньгах. Они скупали земли, дома, рабов. Свои доходы они исчисляли не размерами урожая, а размерами ренты, процентов, наживой. Именно в 60-е гг. выросли состояния Иддин-Мардука и семьи Эгиби. В это время вавилонское общество с невиданной силой охватили дух стяжательства, тяга к паразитическому существованию и равнодушие к политике. Пожалуй, наиболее ярко эти настроения проявились опять-таки по отношению к основным гражданским обязанностям. Каждый старался откупиться от них, нанять заместителя или заплатить деньги. О разнице в психологии этих новых средних слоев и граждан, продолжавших жить по-старому, можно судить по следующему факту, зафиксированному в документах семьи Эгиби.

4 апреля 523 г. Надину и его жена Инцабтум, жители города Киша, обменялись имуществом с Итти-Мардук-балату, главой семьи Эгиби. Супруги отдали городской участок площадью 288 квадратных метров в обмен на участок пашни в 1,33 гектара под Вавилоном и четырех рабынь; затем в мае 523 г. они продали рабынь, а землю оставили за собой¹⁸⁴. Итти-Мардук-балату охотно пошел на обмен, поскольку городской участок стоил дороже пашни и рабынь. Супруги тоже считали обмен выгодным: вместо участка с развалившимся домом, который они не могли восстановить и который не приносил им никаких доходов, они получили землю, а от продажи рабынь выручили наличные деньги и снова стали самостоятельными хозяевами.

Но почему супруги прибегли к обмену, а не продали свой развалившийся дом, чтобы прямо купить землю на добытые таким путем деньги? Ответ простой. Такую операцию легко мог осуществить Итти-Мардук-балату, владевший десятками имений и домов, сотнями рабов и большими деньгами, но не нищие супруги, не имевшие средств к жизни и не умевшие спекулировать. Кроме того, важную роль играл глубоко укоренившийся взгляд на собственность. Вавилоняне, воспитанные в духе традиции, не могли допустить даже временной потери земли без ущерба для своей чести. Поэтому они предпочитали мену даже в убыток себе.

Ниже средних слоев на социальной лестнице стоял античный плебс — разорившиеся граждане, лишившиеся земли,

рабов, домов. Для них гражданские права превратились в пустой звук. Они были вытолкнуты из рядов господствующего класса в число эксплуатируемых. Сюда относились арендаторы, поденщики, клиенты, окружавшие богатых сограждан и служившие им агентами, приказчиками и приживалами. Некоторые из них изо всех сил старались сохранить хотя бы видимость принадлежности к обществу. Другие, махнув на все рукой, просто опускались на дно и пополняли ряды наемников и уголовников. Численность таких деклассированных элементов непрерывно росла вместе с ростом имущественного расслоения. Они были продуктом разложения гражданского коллектива, грозным симптомом начавшегося кризиса античного строя.

Классу свободных, гражданству, противостоял класс рабов. Раб был лишен свободы и должен был служить другому человеку. Он не имел гражданских прав и обязанностей, а потому и права собственности. Сам раб и все, чем он владел, являлись собственностью господина. Господином раба мог быть как отдельный человек, так и целый коллектив, государство. В античном обществе, однако, понятие рабства (по-вавилонски *ardutu*) отличалось от современного. Под рабством древние понимали не только рабство в собственном смысле слова, но и любую форму зависимости человека от человека. Для вавилонян рабами были и храмовые крепостные, и пленники, и покоренные народы. Даже на свободных наемных рабочих, ремесленников и людей «интеллигентного» труда, работавших по найму, смотрели как на рабов, потому что они работали не на себя, а на других людей. Так понимали рабство и в Греции и Риме, где рабами считались и спартанские илоты, и фессалийские пенесты, и афинские союзники эпохи Перикла, и все подданные персидского великого царя. Состав рабов в античном обществе был очень пестрым и неоднородным.

В развитом античном обществе — а Вавилон представлял такое в эпоху столпотворения — гражданин не мог быть рабом в своем отечестве. Рабство-должничество для граждан было запрещено в Вавилонии еще в 1790 г. до н.э. законами царя Хаммурапи¹⁸⁵. Рабами могли быть только иноземцы. Следовательно, между свободными и рабами существова-

ли и социальные, и этнические различия. Правда, в Вавилонии имели место отдельные исключения из этого правила. Читатели уже знают, что во время осады Вавилона в 650—648 гг. и Ниппура в 627 г. граждане, чтобы спастись от голодной смерти, продавали в рабство своих детей и самих себя. Такие же случаи известны и в голодные годы, в частности в 596 и 544 гг.¹⁸⁶

В подавляющем большинстве случаев люди становились рабами не по доброй воле, а в результате насилия, внеэкономического принуждения. Война и разбой являлись главными источниками рабства. Все войны, которые вел Вавилон, сопровождалась захватом и порабощением пленных. С этого, собственно говоря, и началась история Нового Вавилона. В 689 г. побежденные вавилоняне сами были обращены в рабство, а через семьдесят — восемьдесят лет поработили своих поработителей-ассирийцев. Затем в вавилонский плен попали урарты, маннеи, египтяне, сирийцы, финикийцы, иудеи, киликийцы, лидийцы, арабы и др. После каждого похода и Заречье — а такие походы с 605 по 586 г. происходили почти ежегодно — Навуходоносор II пригонял в Вавилонию все новые и новые тысячные толпы рабов.

Другим источником рабства служила работорговля, ввоз рабов из-за границы. Вавилон был крупнейшим центром работорговли на Ближнем Востоке. Кроме того, вавилоняне сами ездили за рабами за границу. Так, например, семья Эгиби приобрела в Иране рабынь-эламитянок и рабыню-гандаритку.

Основным источником рабства внутри страны было размножение рабов. Многие рабы имели жен и детей, еще больше насчитывалось рабынь с детьми без мужей. 8 сентября 508 г. братья Эгиби произвели частичный раздел имущества. Среди 98 рабов, которых они поделили, 53 раба были членами семей (родители и их дети), 17 — рабыни с детьми и 28 — рабы-одиночки¹⁸⁷.

Столь высокий процент потомственных рабов типичен для развитого античного общества. Не менее характерен для него и незначительный перевес числа рабынь над числом рабов мужского пола¹⁸⁸. Новый Вавилон представлял собой общество потомственных рабовладельцев и потомственных рабов.

Положение раба в вавилонском обществе зависело от того, к какой категории рабов он принадлежал и кто им владел, от формы эксплуатации, которой он подвергался, и от характера как самого раба, так и его господина. Все вавилонские рабы делились на рабов общественных и рабов, принадлежавших частным лицам. Юридическое различие между ними заключалось в том, что общественные рабы, как правило, были неотчуждаемыми — их не имели права ни продать, ни освободить, тогда как частновладельческих рабов и продавали, и покупали, и дарили, и освобождали.

Главную массу общественных рабов составляли храмовые рабы. Наряду с ними в виде особой категории существовали царские, то есть общегосударственные, рабы. Среди храмовых рабов основную роль играли так называемые «ширку» — «посвященные», подаренные богу. Они, как и царские рабы, рекрутировались преимущественно из вавилонских пленников, которых распределяли по царским и храмовым хозяйствам в качестве пахарей, ремесленников и т. д., а частью делили между солдатами и офицерами, участвовавшими в походе, или продавали на невольничьих рынках частным лицам. В храмовых архивах сохранилось множество документов о выдаче пленникам провианта и одежды из храмовых складов. Здесь встречаются имена и иудеев, и аскалонцев, и киликийцев, и лидийцев, и египтян, и арабов, и других пленников Вавилона. Многие из них, в частности пахари, сами вели хозяйство и содержали себя. По положению они походили на крепостных.

Так, например, под Вавилоном в 538 г. существовало несколько селений пленных египтян, занимавшихся обработкой храмовых земель. Эти селения составляли общину, имевшую свой сход и подчинявшуюся храмовым властям¹⁸⁹. В аналогичных условиях жило большинство пленных иудеев. Их селения находились в различных местах Вавилонии, в том числе на канале Кабару (реке Ховар) под Ниппуром, где, кстати сказать, проживал и пророк Иезекииль. Вскоре после начала плена пророк Иеремия из Иерусалима, советуя своим соотечественникам оставить несбыточные надежды на скорое освобождение, писал: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев, всем пленникам, которых Я переселил из

Иерусалима в Вавилон: стройте дома и живите [в них], и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь; и заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при благосостоянии его и вам будет мир»¹⁹⁰.

Пленные иудеи бурно возмущались словами пророка, но волей-неволей вынуждены были следовать его советам. Вместе с другими рабами Вавилона иудейские пленники возводили стены и дворцы города. Они формовали кирпич, который обжигали в печах, пылавших день и ночь, озаряя сполохами ночное небо. Здесь и родилась легенда об «огненной печи», в которую царь Навуходоносор сверг иудейских отроков за отказ поклоняться вавилонским идолам и из которой отроки вышли целыми и невредимыми благодаря заступничеству бога Яхве¹⁹¹.

Наряду с пленными в рядах ширку было немало вавилонян. Бедняки, доведенные нуждой до отчаяния, иногда сами вступали в число ширку. Так, 27 марта 544 г. в Уруке «Банат-Иннин, дочь Нергал-иддина, заявила в народном собрании Набу-шарру-уцуру, царскому голове, куратору храма Эанны, Габби-илани-шарру-уцуру, префекту храма Эанны, и Зерии, эконому храма Эанны, сыну Ибны, потомка Эгиби: “Мой муж Набу-зер-укин скончался. В стране наступил голод, и я, заклеив звездой, отдала моих маленьких сыновей Шамаш-эрибу и Шамаш-леу богине Бэлит Урукской. Да будут они ширку богини Бэлит Урукской, пока живы”. Набу-шарру-уцур, префект, эконом и кураторы храма Эанны выслушали речь Банат-Иннин, дочери Нергал-иддина, и выдали Шамаш-эрибе и Шамаш-леу “кормление” из храма Эанны. Шамаш-эриба и Шамаш-леу — ширку богини Бэлит Урукской. При сем присутствовал Табия, советник Урука, сын Набу-надин-шуми, потомка Хунзу»¹⁹².

Многие благочестивые вавилоняне посвящали в ширку своих рабов в качестве дара божеству. Дети ширку также становились ширку: попав в это сословие, человек и его потомство навсегда оставались в нем. Ширку нельзя было ни продать, ни освободить, ни еще каким-нибудь способом отнять

от божества, которому его посвятили. Большинство ширку клеймилось знаком этого божества. Но клеймились далеко не все ширку. И не все они были безликой серой массой рабов. Свободные вавилоняне, становясь ширку, сохраняли отчество и подчас свое положение в обществе. Среди ширку попадались даже лица с княжеским титулом, богатые рабовладельцы, землевладельцы, дельцы, арендаторы храмовых и частных земель и домов.

Гимиллу, сын Иннин-шум-ибни, ширку богини Бэлит Урукской, заведовал скотом храма Эанны и много лет подряд вместе со своим братом и своими пастухами систематически крал храмовых коров и овец. Кроме того, он вымогал взятки, отпускал за деньги беглых рабов — словом, наживался, как умел. Храмовое начальство знало об этом и молчало, так как само без зазрения совести воровало в храме золото, серебро, утварь, присваивало храмовые земли, дома и доходы. Но Гимиллу обнаглел до такой степени, что высокие покровители вынуждены были отдать его под суд. 21 августа 538 г. Гимиллу судили все магистраты Урука. Четверо писцов, не разгибаясь, писали протокол. Решение суда составило объемистый текст в 148 строк, разбитых на четыре столбца. Улики были настолько очевидны, что Гимиллу даже не пытался отрицать некоторые из своих краж. На него наложили штраф в 92 коровы, 302 овцы и 1 мину 10 сиклей (590 граммов) серебра.

Однако Гимиллу вместо уплаты штрафа подал апелляцию персидскому сатрапу Губару, а сам продолжал воровать. Сатрап, пригрозив суровой карой, заставил урукских отцов города явиться на суд в Вавилон и обличить Гимиллу. Апелляция была отвергнута, и Гимиллу до апреля 534 г. оставался в Вавилоне под арестом. Но дружки не оставили его в беде. Один из них, Набу-тариц, мясник из вавилонской Эсагилы, вручил кому следует взятку в 5 мин (2,525 килограмма) серебра, и Гимиллу вернулся в Урук, где его встречали чуть ли не как героя. Теперь он занялся также храмовыми землями и, помимо скота, начал красть ячмень и финики. Он воровал десятками тысяч тонн и наконец так погряз в своих темных делах, что счел за благо бежать. Но предварительно он выкрал храмовые документы на сбор ренты финиками и спрятал их

у своих родственников. Из-за этого храм не смог собрать рен-ту. Только 3 сентября 520 г. власти с трудом нашли эти доку-менты, а Гимиллу так и исчез. Да никто и не искал его¹⁹³.

Такова была верхушка храмовых рабов, и таковы были нравы и моральный облик вавилонской олигархии, управ-лявшей храмами — коллективной собственностью граждан. Рядовые ширку находились, естественно, совсем в ином положении. Они трудились в храмовом хозяйстве в качестве пахарей, пастухов, птичников, рыбаков, скотников, ремес-ленников, храмовых служек, бурлаков и т. д. Храм нередко отдавал их внаем. Из ширку набирались лучники и стражни-ки для несения полицейской службы. Храм содержал шир-ку, выдавая им довольствие ячменем, финиками, сикерой, горчицей, чесноком, шерстью, готовой одеждой, деньгами. Ширку постоянно привлекались на ирригационные и строи-тельные работы. Ширку-пахарей храм сдавал в аренду вместе с землей, которую они обрабатывали. Не все ширку мири-лись со своей участью. Если некоторые свободные сами всту-пали в их ряды, то гораздо чаще ширку совершали побеги и пытались иными способами добиться свободы. Их ловили, наказывали и возвращали в прежнее состояние.

Вторую основную категорию вавилонских рабов состав-ляли рабы, принадлежавшие частным лицам¹⁹⁴. Об их чис-ленности нет даже приблизительных данных. Можно лишь утверждать, что каждая мало-мальски состоятельная семья имела рабов. Рабами владели также многие арендаторы, зем-ледельцы и садоводы. Не иметь рабов считалось признаком бедности. Некоторое представление о размерах частного рабовладения дают следующие цифры.

Икиша, сын Кудурру, потомка Нур-Сина, отец богача Иддин-Мардука, в конце жизни имел одного раба. У бездет-ных супругов Арди-Гулы и Дамки из Хурсаг-каламмы было четверо рабов. Набу-эреш, сын Табнеа, потомка Аху-бани, за два года вынужден был уступить семье Эгиби, опутавшей его долгами, 13 своих рабов. Семья Эгиби владела не менее чем 300 рабами. Набу-куцуршу, будучи младшим сыном, полу-чил при разделе наследства со своим старшим братом в каче-стве своей трети 118 рабов; следовательно, у их отца Бэл-уцуршу было около 400 рабов. Но семьи Эгиби и Бэл-уцуршу

принадлежали к верхушке средних слоев гражданства и по вавилонским масштабам считались собственниками средней руки. У богачей же из числа олигархов и царских вельмож рабы исчислялись тысячами.

В античном обществе, в том числе и вавилонском, раб считался вещью, «говорящим орудием» и в то же время необходимым составным элементом семьи¹⁹⁵. Вавилонская матрона Баба-шаррат после кончины своего мужа Таб-цилли-Мардука, сына Набу-аплу-иддина, потомка Син-или, наняла 4 апреля 542 г. некоего Эсаггиль-будию, чтобы он соорудил склеп для нее, ее сыновей и двух рабов ее дома¹⁹⁶. А другая вавилонянка, Цира, дочь Набу-бани-зери, потомка кузнеца, подобрав на улице маленькую девочку, дала ей имя Шепитта и поставила ножками на глинобитный пол своего дома в знак того, что отныне она принадлежит дому, семье. Когда Шепитта подросла, Цира и ее муж весной 529 г. перед гражданами объявили ее своей рабыней¹⁹⁷. Обе матроны строго следовали древней традиции приобщения рабов к семье.

У мелких рабовладельцев рабы находились на положении младших членов семьи и работали вместе со своими господами. Иначе использовали рабов крупные рабовладельцы. Они тоже держали у себя дома рабов в качестве прислуги, но относились к ним, как к вещам. Так, например, уже известный нам Итти-Мардук-балату, глава семьи Эгиби, подражая сильным мира сего, купил себе «раба-наушника» (у римлян он назывался номенклатором), в обязанность которого входило напоминать и подсказывать господину то, что тому желательно было запомнить. Одновременно он приобрел дюжего раба-вышибалу, чтобы тот охранял господина на улице и гнал из дома тех, кого господин прикажет¹⁹⁸.

Зверская эксплуатация рабов на износ в Новом Вавилоне вышла из моды. Такую роскошь могли позволить себе лишь цари и храмы, которым рабы доставались даром. В обществе, где положение человека определялось содержимым его кошелек, хорошо умели считать. С рабом, конечно, можно обращаться, как со скотиной, но глупо забывать, что он человек, и еще глупее стоять над ним с палкой. Раб стоил рабовладельцу денег, и его всегда можно было продать за деньги. Даже в том случае, когда раб рождался в доме гос-

подина или попадал к нему в составе приданого или наследства, суть дела не менялась: в свое время за него или за его предков были заплачены деньги.

Торговля рабами велась несколькими способами. Простейшим из них была покупка раба непосредственно у владельца по цене, на которую он согласился. Но собственник часто не желал продавать раба. Тогда покупатель стремился опутать его долгами и забрать приглянувшегося раба сначала в залог, а затем и полностью в счет уплаты долга. Наконец, раба можно было купить на невольничьем рынке у работорговца-профессионала.

Среди работорговцев имелось немало жуликов, умевших всучить зазевавшемуся покупателю товар с браком: раба с неизлечимой болезнью, скрытыми пороками, склонного к побегу, строптивного и т. п. Покупатели вносили в купчие оговорки, содержавшие гарантии продавца и дававшие возможность вчинить ему иск в случае обмана. Однако и это не всегда спасало даже самых опытных рабовладельцев от промахов.

Иддин-Мардук, сын Икиши, потомка Нур-Сина, 21 января 544 г. купил за 1 мину (505 граммов) серебра раба Набу-натанну у работорговца Арраби. Наряду с Арраби за раба поручились его бывшие хозяева. Тем не менее через некоторое время раб сбежал. Иддин-Мардук, очевидно не без оснований, заподозрил, что побег был устроен самим работорговцем, имевшим в виду продать раба еще раз, и подал в суд. 7 марта 544 г. суд постановил: Арраби, если у него найдут беглого раба, должен будет оплатить Иддин-Мардуку убытки, причиненные побегом¹⁹⁹.

В 546 г. судьи царя Набонида до седьмого пота разбирали шумное дело раба Барики-или. Они начали с того, что спросили его, кто он такой.

— Я гражданин, — не моргнув глазом, ответил раб.

— Докажи нам свое гражданство, — потребовали судьи.

Барики-или таких доказательств не имел и сознался:

— Я совершил два побега из дома моего господина, и много дней меня не было видно. Я с перепугу сказал: «Я — гражданин». У меня нет гражданства: я раб, выкупленный моей госпожой Гагой за серебро.

Однако судьи снова не поверили Барики-или. Потратив немало сил и подняв массу документов, они все-таки выяснили его настоящую биографию.

Барики-или и его мать Апатшу некогда действительно были рабами матроны Гаги из Хурсаг-каламмы. В 1570 г. Гага отдала Барики-или в залог за 28 сиклей (235,6 грамма) серебра Ахи-нури, сыну Набу-надин-ахи, но раб оказался настолько непутевым, что новый хозяин поспешил вернуть его прежней госпоже. Тогда Гага, ее муж Пир'у и двоюродный брат мужа Зерия, посоветовавшись, продали раба 11 июля 566 г. с аукциона за 23 сикля (193,6 грамма) серебра Набу-зер-укину, сыну Бэл-иддина, потомка жреца бога Эа. Покупатель взял с них поруку за то, что раб не убежит. Но Барики-или бежал и пребывал в бегах около четырех лет. Гага вынуждена была вернуть покупателю деньги и снова принять раба, когда того поймали. 1 апреля 562 г. она, ее муж и деверь заняли у Курбани-Мардука, сына Бэл-нацира, потомка Магната, $20\frac{1}{8}$ сикля (180 граммов) серебра, отдав ему в залог рабыню Апатшу и ее сына Барики-или. Кредитор взял Апатшу к себе в услужение, но от ее сына отказался. Наконец Гага нашла средство избавиться от раба: отдала его в приданое своей дочери Нупте. Та же, хлебнув с рабом лиха через край, поспешила подарить его своему сыну Забаба-иддину и своему мужу Иддине.

Однако и мужская рука оказалась не в силах совладать со строптивым рабом. Как только Гага и Нупта скончались, Забаба-иддин и его отец Иддина поспешили продать Барики-или в Вавилон. «Счастливым» обладателем раба стал молодой Итти-Мардук-балату, наследник дома Эгиби, тогда только что делавший первые шаги на деловом поприще под руководством отца. Барики-или ознаменовал свое прибытие в Вавилон новым побегом. А вскоре выяснилось, что его разыскивает семья Ахи-нури, в залоге у которой он был еще в 570 г. и, видимо, что-то там натворил. После длительных поисков сыщик Бэл-риманни поймал Барики-или, и тот предстал перед судьями. Суд признал Барики-или рабом и отдал семье Ахи-нури, у которой Итти-Мардук-балату пришлось выкупать его²⁰⁰.

Не меньше хлопот семье Эгиби принесла покупка раба Ина-кате-Бэл-шакина. На этот раз впросак попал сам многоопытный Набу-аххе-иддин, отец Итти-Мардук-балату.

Ина-кате-Бэл-шакин проживал в славном городе Сиппаре. Его господин Силим-Бэл занимался темными делами на землях местного храма Эбаббарры. Раб следовал по его стопам. В 550 г. в компании с двумя такими же прощельгами, как он сам, Ина-кате-Бэл-шакин подрядился доставить на царский склад чеснок, собранный на храмовых землях гражданином Бэл-ибни. Получив чеснок под поручительство господина, раб и его приятели бесследно исчезли. Бэл-ибни случайно нашел его только через восемь лет и привлек к суду, на котором вскрылись интересные детали.

Оказывается, еще в 555 г., за пять лет до упомянутых деяний Ина-кате-Бэл-шакина, Силим-Бэл продал его семье Эгиби. Новые господа купили раба через посредство своего приказчика и даже не поинтересовались, чем он занимается: раб исправно платил дань и господа оставались им довольны. Таким образом, в 550 г. Ина-кате-Бэл-шакин и его бывший господин Силим-Бэл обманули Бэл-ибни. Отвечать же за них теперь, в 542 г., должен был Итти-Мардук-балату, ставший собственником раба после кончины отца. Ему же пришлось и расплачиваться с Бэл-ибни. Что же касается Ина-кате-Бэл-шакина, то на склоне лет он уgomонился и стал земледельцем в имении семьи Эгиби на Новом канале под Вавилоном. В 523 г. Итти-Мардук-балату передал его в собственность своему младшему брату Нергал-этиру²⁰¹.

В архиве семьи Син-или сохранился уникальный документ, представляющий особый интерес для любителей русской литературы. Он известен ассириологам под шифром VAS IV 27. Вот его перевод:

«До установленного срока Набу-шум-уцур, сын Набу-кузуб-илани, потомка Магната, должен отдать Бабуну, дочери Икиши, жене Табии, 1 мину 22 сикля (690 граммов) серебра, а та должна вернуть и отдать Набу-шум-уцуру купчую, по которой она увела от Набу-ах-иддина за установленную стоимость (рабов) Набу-буллита и Набу-шарру-уцура. Набу-шум-уцур должен до установленного срока отдать Бабуну мертвых и беглых рабов Набу-мушаллима и серебро. После установленного срока рабы принадлежат Бабуну. (Имена двух свидетелей и писца.) Вавилон, 18 ташриту 38-го года Навуходоносора, царя Вавилона (23 октября 567 г.)».

Бабуну — это уже известная нам матрона Баба-шаррат, а Набу-шум-уцур — работорговец-профессионал. Бабуну купила у него мертвых и беглых рабов. Трудно сказать, зачем они понадобились ей, но факт остается фактом: Павел Иванович Чичиков не был оригиналом — вавилонянка Бабуну торговала «мертвыми душами» ровно за 2409 лет до выхода в свет бессмертной поэмы Н. В. Гоголя!

Цены на рабов зависели от их возраста, профессии, личных качеств, условий продажи и от колебаний стоимости живого товара. Так, например, раб Бэл-цуле-шиме при залоге на условиях антихрезы был оценен в 30 сиклей (252,5 грамма) серебра, а при продаже — в 52 сикля (437,6 грамма) серебра²⁰². Раб Ша-Бэл-лишши за свою долгую и нелегкую жизнь сменил семь хозяев. Его продавали четыре раза, и его цена менялась в зависимости от возраста: в 593 г. за него, еще юношу, заплатили 59 сиклей (497 граммов), в 586 г., когда он был в расцвете сил, — 62 сикля (522 грамма), в 576 г., за уже пожилого, — 51 сикль (429 граммов), а в 548 г., за старика, — только 22 сикля (185 граммов) серебра²⁰³.

Средняя цена на рабов постепенно росла. В первой половине VI в. взрослого раба-мужчину можно было купить за 50–60 сиклей (421–505 граммов), рабыню — за 30–50 сиклей (252,5–421 грамм), ребенка — за 15–20 сиклей (126–168 граммов) серебра. В 20-х гг., при царе Камбизе, взрослый раб уже стоил 60–120 сиклей (505–1010 граммов), рабыня — около 60 сиклей (505 граммов) серебра. Десятилетие спустя стоимость раба-мужчины достигла 120–150 сиклей (1010–1262,5 грамма), рабыни — 60–120 сиклей (505–1010 граммов) серебра, то есть выросла по сравнению с серединой VI в. в два-три раза, что было вызвано падением курса серебра, но не сокращением притока рабов в страну извне.

Итак, раба надо было купить. Но купить раба еще не значило создать производство. Для этого от рабовладельца требовались дополнительные расходы. Жизнь научила вавилонских рабовладельцев считать — они понимали, что рабский труд из-под палки отличается очень низкой производительностью. И еще в седой древности отыскивали способы поднять рентабельность труда рабов. Широкое распространение подобные способы получили, однако, только в эпоху столпотворения.

Одним из таких способов была отдача рабов внаем. Их нанимали и в качестве прислуги (особенно рабынь), и для отбывания трудовой повинности, и на земляные работы, и для работы в имениях, мастерских, на судах, и т. д. Срок и условия найма были различными. Обычно наниматель не только платил господину за раба «дань» (*mandattu*), но и брал на себя обеспечение раба пищей, одеждой и жильем. Выгоднее было отдавать внаем квалифицированных рабов. Поэтому рабовладельцы часто отдавали рабов в обучение ремесленникам, о чем уже говорилось выше. Разновидностью найма рабов, причем найма принудительного, являлась ссуда под залог раба на условиях антихрезы: раб отрабатывал кредитору проценты на ссуду, полученную господином.

Отдача раба внаем не меняла характера его труда. Раб по-прежнему оставался «говорящим орудием». И тем не менее рабовладелец и наниматель получали определенный выигрыш. Рабовладелец освобождался от затрат на использование и содержание раба — экономил на основном и оборотном капитале. Он тратился только на покупку раба и получал без дальнейших затрат прибыль в виде дани, которая составляла около 20 процентов годовых от стоимости раба в год, так что за пять лет раб полностью окупал себя и в дальнейшем господин получал уже чистый доход. Наниматель же экономил на капитале, необходимом для покупки раба и составлявшем весьма крупную долю основного капитала. Таким образом, он получал возможность начать производство с меньшим наличным капиталом, не тратясь на покупку раба.

Отдача рабов внаем подсказала рабовладельцам следующий шаг: рабов стали отдавать внаем самим себе. Так появилось оброчное рабство — наиболее распространенная форма эксплуатации рабов состоятельными рабовладельцами в эпоху столпотворения. С оброчными рабами мы встречаемся в самых различных сферах жизни Нового Вавилона. Ими были рабы-ремесленники, рабы-земледельцы и садоводы, арендовавшие землю у своих господ или у других лиц, содержатели трактиров, рабы-дельцы и т. д., о которых неоднократно говорилось выше. Оброчному рабу часто открывалось широкое поле деятельности. Господин предоставлял ему пекулий²⁰⁴ и получал с него дань и определенную долю доходов.

В декабре 575 г. Табия, сын Набу-аплу-иддина, потомка Син-или, взял за 36½ сикля (307,2 грамма) серебра в залог на условиях антихрезы у своей тетки Куннабаты, дочери Бэл-ле, потомка Син-или, ее раба Арраби. Куннабата не могла покрыть долг, и раб стал собственностью Табии. Сначала он был садоводом в имении Табии, платил дань и ренту финиками и постепенно богател. Наконец в мае 551 г. Арраби арендовал у господина на десять лет целое имение, обязавшись засадить его финиковыми пальмами. Часть земли он должен был обрабатывать в счет своей дани, а остальную — за шиссинну, которую господин будет платить его работникам, ибо Арраби уже настолько разбогател, что держал батраков и субарендаторов. Табия обязался также поставить своему рабу новые железные мотыги и 5 мин (2,525 килограмма) шерсти, так как Арраби одновременно завел мастерскую по изготовлению плащей и часть ее продукции должен был отдавать господину²⁰⁵.

Мардук-нацир-апли, глава семьи Эгиби, в 508 г. предоставил своему рабу Набу-айялу и свободному Убару 100 курру (15 156 литров) фиников, 50 курру (7578 литров) ячменя и 60 пустых пифосов на три года, а также бесплатно дал им помещение для трактира в вавилонском предместье Бит-Хаххуру. За это Набу-айялу и Убар обязались ежегодно платить ему по 2 мины (1,01 килограмма) серебра и через три года полностью возместить авансированный капитал²⁰⁶.

При оброчной форме эксплуатации раб переставал быть «говорящим орудием». Он располагал самостоятельным хозяйством, что в корне меняло его отношение к труду. Оставаясь юридически рабом, он уже не был таковым в экономическом смысле. Этот факт явочным порядком признало и вавилонское право: раб становился юридическим лицом, вступал в договорные отношения с разными лицами, включая собственного господина. А господин, отпуская раба на оброк, не только экономил на основном и оборотном капитале, но и получал прибыль намного выше той, которую приносил раб, отданный внаем.

Оброчное рабство служило ступенькой к следующей форме эксплуатации рабов, самой высшей в античном мире, — к вольноотпущенничеству. Мотивы отпуска рабов на волю

были разные, но преобладали экономические. На волю отпускались преимущественно богатые рабы, платившие господину за себя выкуп гораздо больший, чем та цена, за которую их купили. Кроме того, вольноотпущенник часто обязывался содержать своего бывшего господина или выплачивать ему определенные суммы. За нарушение этих обязательств господин мог вернуть его в рабство.

Таким образом, отпускаемая раба на волю, рабовладелец не только избавлялся от всех расходов на содержание и использование раба, но и с лихвой возвращал себе деньги, истраченные на его покупку. Кроме того, рабовладелец получал без всяких затрат и хлопот от вольноотпущенника прибыль, значительно превосходившую ту, которую давали прочие методы эксплуатации рабов.

Оброчные рабы и вольноотпущенники вместе с привилегированными храмовыми и царскими рабами составляли верхушку класса рабов. Многих из них с очень большими оговорками можно назвать эксплуатируемыми. Они сами эксплуатировали и рабов и свободных и были богаче очень многих вавилонских граждан. Основная масса рабов жила, конечно, не так, как эта верхушка. Вавилонские рабовладельцы отнюдь не отличались гуманностью. В обществе, где господствовал золотой телец, не оставалось места для сентиментальности. Но этот же идол заставлял рабовладельцев избегать ненужной жестокости в отношении рабов. При этом рабы, принадлежавшие частным лицам, в целом находились в лучшем положении по сравнению с храмовыми и царскими рабами.

Вавилон не знал таких классовых битв, как сицилийские восстания 137–132 и 104–101 гг. до н.э. или восстание Спартака в 74–71 гг. до н.э., потрясавшие Рим, но в VI в. до н.э. в вавилонском обществе было явно беспокойно. «Мужики» (*sabe*), как в Вавилоне называли трудящихся независимо от того, были ли они рабами, ширку, пленниками или свободными батраками, постоянно тревожили власть имущих.

В деловых письмах этого времени часто говорится о том, что «мужики» отошдали на работах от голода, выглядят не лучше мертвецов, что условия их труда невероятно тяжелы, а нормы выработки непосильны. И в тех же письмах нескон-

чаемые жалобы на то, что земледельцы — «люди ленивые», что «мужики» работают плохо и бегут при первой же возможности. Подчас бегство принимало массовый характер. Бежали рабы от своих господ, бежали крепостные-ширку, бежала даже храмовая прислуга. Беглецы стремились в города, особенно в Вавилон, где легко было скрыться среди множества людей. Из них создавались шайки воров и разбойников. Сомнительные трактиры, которые содержали рабы, служили им притонами, а господа рабов-трактирщиков, одержимые жадной наживы, делали вид, что ничего не знают и не замечают.

Гораздо большую опасность, чем побег и уголовщина, для власть имущих представляли заговоры среди угнетенных и случаи открытого неповиновения. Число таких выступлений все время возрастало.

26 декабря 540 г. урукские власти и народное собрание слушали дело ширку Ибни-Иштара, сына Амель-Наны, который, выхватив из-за пояса кинжал, бросился в больших воротах храма Эанны на царского куратора Иле-риманни, но был вовремя обезоружен. Его кинжал как вещественное доказательство был предъявлен властям и собранию²⁰⁷.

Упомянутый царский куратор Иле-риманни в присутствии 10 граждан 7 сентября 532 г. допрашивал раба Исиннайю, и тот назвал 40 сообщников из своей шайки. Среди них были 24 гражданина, 6 рабов (включая Исиннайю), 5 ремесленников и 6 храмовых рабов²⁰⁸. В чем обвинялись эти люди — не известно, но речь определенно шла не просто о разбое, поскольку дело разбирал один из высших сановников Урука. К тому же социальный состав группы не мог внушать властям самых серьезных опасений: свободные объединились с рабами!

3 января 529 г. в народном собрании Урука разбиралось событие, взволновавшее весь город: в городской тюрьме вспыхнул бунт. Ночью заключенные во главе с храмовым пастухом Наргией, ширку Нидин-ти, Эа и Шамаш-бэл-каккаби устроили пролом в стене и вырвались на волю. Наргия и Шамаш-бэл-каккаби были пойманы и представлены собранию вместе с цепями, которые они сбросили с себя, но остальным удалось бежать²⁰⁹.

В 527 г. магистраты и народное собрание Урука обсуждали дело о коллективном отказе рыбаков платить десятину храму Эанны за ловлю рыбы в каналах на урукской территории. Рыбаки при этом избили и заковали в цепи храмовых чиновников. Власти не рискнули прибегнуть к репрессиям и предпочли договориться с рыбаками, удовлетворив их претензии²¹⁰.

Вавилонское общество VI в. до н.э. было больным обществом, и болезнь его называлась кризисом античного способа производства. Ее главный симптом выражался в разложении и вырождении античной формы собственности. Равенство граждан, самостоятельно обеспечивавших свое существование, собственный труд граждан как условие дальнейшего существования их собственности исчезали под воздействием товарно-денежных отношений и имущественного расслоения внутри гражданства.

Собственность на средства производства все более и более концентрировалась в руках верхушки, а средние слои, социальная база античного строя, деградировали и размывались. Крупное землевладение и рабовладение росли за счет перераспределения собственности внутри общества, за счет разорения мелких собственников, за счет монополизации храмовой собственности в руках все более сокращавшейся численно кучки богачей. В то же время свободная беднота опускалась на дно, пополняла ряды храмовых рабов, оказывалась в числе эксплуатируемых. Классовая грань между свободной беднотой и рабами стиралась.

Разлагался и класс рабов. Среди них появляются богатые люди, которые из эксплуатируемых превращаются в эксплуататоров. Правда, этот процесс был менее заметен, чем разложение гражданства, но все же он давал себя знать. На смену характерному для здорового античного общества антагонизму между свободными и рабами приходит антагонизм между имущими и неимущими, типичный для античного общества эпохи кризиса.

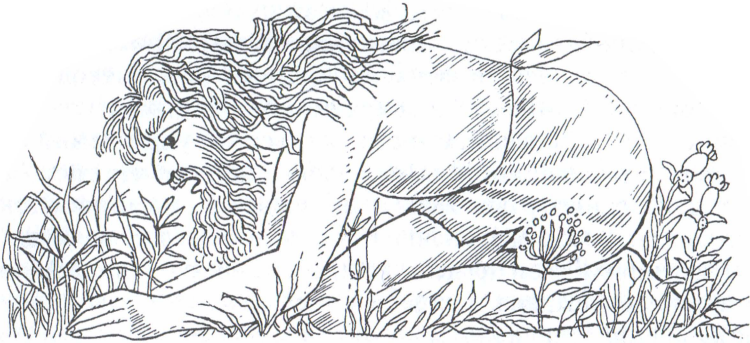
Другим тревожным симптомом надвигавшегося кризиса являлся рост паразитизма и связанного с ним политического индифферентизма. Вавилонские богачи жили за счет ренты с земель и домов, дани и оброка с рабов, процентов

с капитала, отданного в рост, храмовых доходов, созданных не их трудом. Они отрывались от производства, становились паразитами.

Социальная пропасть между ними и трудящимися массами непрерывно увеличивалась, по мере того как прогрессировало разорение средних слоев. На одном полюсе царили баснословная роскошь и разврат, на другом — полуголодное существование и каторжный труд. Так выглядело вавилонское общество в середине VI в. до н.э., таков был итог его процветания.

Как ни была развращена вавилонская правящая верхушка, до сознания некоторых ее представителей все-таки доходило, что процветание не может продолжаться бесконечно и что за ним надвигается неумолимый крах. Это заставляло их искать способ укрепить и продлить свое классовое господство. Единственным выходом было установление диктатуры, способной подавить нарастающее сопротивление трудящихся масс. Это сознавали обе фракции вавилонской верхушки — и олигархия, и халдейская военщина, но диктатуру они понимали по-разному. Олигархия не возражала против сильной власти, но при условии, что эта власть будет всецело служить ей и охранять ее привилегии, то есть хотела бы соединить несоединимое — диктатуру и свои привилегии. Халдейская же военщина видела в диктатуре средство добиться первенствующего положения в государстве и оттеснить от кормила власти олигархию. Она добивалась того, чтобы на вавилонском троне сидел обязательно халдей. На этой почве развернулась борьба между обеими группировками, составившая содержание политического кризиса, охватившего Вавилон после смерти царя Навуходоносора II в 562 г. до н.э.

Глава 9
Перед закатом

Die Mittemacht zog näher schon;
in stiller Ruh lag Babylon.
Nur oben in des Königs Schloß
Da flackerts, da lärmt des Königs Troß.

Heinrich Heine. Belsazar

Уж полночь близится, и сон
Объял огромный Вавилон.
И только в царском замке сход,
Там пьянствует, бесится царский сброд.

*Генрих Гейне. Валтасар*²¹¹

В ночь на 7 октября 502 г. умер царь Навуходоносор II, основатель империи. Кончилось его царствование, длившееся 43 года. После него осталось несколько сыновей, носивших титул царевичей (*mag-sarri*), — Амель-Мардук, Мардук-шум-уцур, Мушезиб-Мардук, Мардук-надин-ахи²¹² и Бэл-шарру-уцур (Валтасар), а также вдова — египтянка царица Нейтакерт (Нитокрис), мать Валтасара. Халдейская верхушка, составлявшая цар-

ское окружение, тотчас же возвела на престол Амель-Мардука, старшего сына покойного царя, установив, таким образом, явочным порядком наследственность царской власти. Олигархия, застигнутая врасплох, не собиралась, однако, сдаваться и немедленно начала готовиться к борьбе. Амель-Мардук очень скоро почувствовал это.

Внутриполитическое положение чрезвычайно обострилось из-за кризиса, охватившего систему международного равновесия. В Мидии были крайне раздражены вавилоно-египетским сближением и строительством укреплений на границах Вавилонии. Мидяне наконец поняли, что система международного равновесия направлена против их попыток продолжить свою экспансию. В самом деле, на востоке мидяне расширили свои пределы до пустынь и гор Средней Азии и Восточного Ирана, а на западе уперлись в границы Лидии и Вавилона. Дальнейшим объектом завоеваний могли быть только владения этих держав, в первую очередь Вавилона. Смерть Навуходоносора II развязала мидянам руки.

Иудейский пророк-пленник возвещал о грядущем нападении на Вавилонию мидян и эламитов. «Пал, пал Вавилон, и все идолы богов его лежат на земле разбитые!»²¹³ — восклицал он, обращаясь к слушателям. Вавилоняне действительно потеряли Сузы, которые были захвачены персами, мидийскими клиентами²¹⁴, но до войны с Мидией дело не дошло.

Столкнувшись с оппозицией олигархии, поддержанной враждебностью Мидии, Амель-Мардук попытался найти опору в провинциях. 2 апреля 561 г. он «вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома темничного и говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне; и переменял темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его»²¹⁵.

Однако дни власти и жизни Амель-Мардука были сочтены. Олигархия подготовила против него заговор. Между 7 и 13 августа 560 г. он был свергнут и убит заговорщиками во главе с уже известным нам халдейским генералом Нергал-шарру-уцуром, сыном Бэл-шум-ишкуна, женатым на

дочери царя Навуходоносора II, сестре Амель-Мардука. Вавилонское гражданство с восторгом провозгласило Нергал-шарру-уцура царем Вавилона, а халдейская партия не стала против этого возражать.

Между соперничавшими партиями был достигнут компромисс. Нергал-шарру-уцур устраивал обе стороны. Халдейская верхушка считала его своим, видя в нем халдея, знаменитого генерала, покорителя Иерусалима и к тому же зятя Навуходоносора II. Но и для олигархии новый царь был тоже «своим человеком» — крупным землевладельцем и рабовладельцем, тесно связанным со жречеством Сиппара и вавилонским деловым миром, в частности с домом Эгиби. Олигархия победила в принципе. Она убрала Амель-Мардука, занявшего престол по праву наследования, объявив его узурпатором, и возвела на трон выборного царя Нергал-шарру-уцура. Халдеи в данном случае проявили непоследовательность, ибо им важно было иметь на престоле халдея, тогда как сам по себе принцип легитимизма мало их интересовал.

Став царем, Нергал-шарру-уцур немедленно закрепил свой союз с олигархией. Его дочь Гигитум 14 апреля 559 г. в праздник Нового года, 1-го года царствования Нергал-шарру-уцура, вышла замуж за Набу-шум-укина, сына Шириктум-Мардука, потомка Шимме-илани-икби, эконома храма Эзиды в Барсиппе²¹⁶. В Мидии воцарение Нергал-шарру-уцура встретили с одобрением: жена его, по-видимому, была дочерью Навуходоносора II и мидянки Амиитис, то есть племянницей мидийского царя Астиага. В знак возобновления союза мидяне вернули вавилонянам истукан богини Анунит, увезенный в глубокой древности гуттями из Сиппара в Аррапху, находившуюся после падения Ассирии под властью Мидии²¹⁷.

Укрепление вавилоно-мидийского альянса встревожило Лидию. Подстрекаемый лидийским царем Крезом, Аппуашу, царь страны Пиринду (Западной Киликии), напал на царство Хуме (Восточную Киликию), союзное с Мидией, и вавилонское Заречье. Нергал-шарру-уцур тотчас же осенью 557 г. выступил в поход. При приближении вавилонской армии Аппуашу стал отступать, оставив в горных проходах Тавра засаду. Но Нергал-шарру-уцур легко разга-

дал его хитрость и перебил вражеских воинов. Вавилоняне вторглись в Пиринду, разграбили и разрушили обе столицы этого государства, города Ур и Кирши, захватили много пленных. Аппуашу, спасаясь от вражеской погони, бежал в Лидию.

Нергал-шарру-уцур не стал трогать владений Лидии. Он повернул к морю и взял штурмом город Питусу (Питиусса), находившийся на островке в море в трех с половиной километрах от берега и защищавшийся гарнизоном в 6000 человек. При этом вавилонская армия впервые в своей боевой практике успешно осуществила высадку морского десанта с кораблей. Вслед за тем вавилоняне опустошили территорию Пиринду от перевала у города Саллуне (Селинунта) до лидийской границы. На этом кампания закончилась, и в феврале 556 г. Нергал-шарру-уцур вернулся в Вавилон.

В разгар празднования Нового года, 4-го года своего царствования, между 16 апреля и 3 мая 556 г., Нергал-шарру-уцур скончался. Халдеи немедленно возвели на престол его несовершеннолетнего сына Лабаша-Мардука. Но олигархия и на этот раз решила не допускать перехода царского трона по наследству. Теперь она действовала смелее, чем в 560 г. Царем был провозглашен Набонид (Набу-наид). Это случилось через несколько недель после кончины Нергал-шарру-уцура и воцарения Лабаша-Мардука, не позже середины мая 556 г.

В отличие от своих предшественников Набонид был не халдеем, а коренным вавилонянином. Его отец Набу-балтсу-икби принадлежал к числу самых крупных вельмож Вавилона и носил титулы «мудрого князя», «совершенного князя», «храброго сановника» и «почитателя великих богов». Еще более замечательной фигурой была Адда-гуппи, мать Набонида. Она родилась в 649 г. и хорошо помнила всех царей, начиная с Ашшурбанипала. В течение 68 лет, с 626 по 562 и с 560 по 556 г., она, будучи жрицей бога Сипа в харранском храме Эхулхул, служила царям Набопаласару, Навуходоносору II и Нергал-шарру-уцуру, но отказалась служить узурпаторам Амель-Мардуку и Лабаша-Мардуку. Это была одна из немногих уцелевших вавилонских аристократок, ярая сторонница олигархии. Не исключено ее род-

ство и с Ашшурбанипалом. Набонид во многом был обязан матери своей карьерой и престолом. Он выдвинулся еще при Навуходоносоре II. В 596 г. он занимал пост царского градоначальника в каком-то провинциальном городе близ Вавилонии, а в 585 г. в качестве вавилонского посла участвовал в заключении мира и союза между Мидией и Лидией, заложившего основы системы международного равновесия.

Набонид в полном смысле слова был «своим человеком» олигархии, и халдеи, естественно, не могли согласиться на его воцарение. Они продолжали поддерживать Лабашу-Мардука. В Вавилонии оказалось два царя, причем в Сиппаре, например, одни признавали Лабашу-Мардука, другие — Набонида. Нависла реальная угроза гражданской войны, которая не входила в расчеты ни олигархии, ни Набонида. И тогда Набонид прибег к ловкому политическому ходу. Он женился на царице-египтянке Нитокрис, вдове Навуходоносора II, и усыновил царевича Бэл-шарру-уцура (Валтасара), сына Навуходоносора II и Нитокрис. Тем самым Набонид привлек на свою сторону халдеев, считавших Валтасара более законным наследником престола, чем Лабашу-Мардука. Кроме того, Валтасар был связан с деловыми кругами Вавилона, в частности с домом Эгиби. Лабашу-Мардук оказался в изоляции. В июне 556 г. он был убит, и престол остался за Набонидом.

Переворот 556 г., как и переворот 560 г., закончился компромиссом между олигархией и халдеями. Олигархи не допустили перехода царской власти по наследству и посадили на престол своего человека, но все же им пришлось сделать уступку принципу легитимизма: рядом с Набонидом появился царевич-халдей Валтасар. Старый спор так и не был решен.

В Мидии убийство Лабашу-Мардука, захват вавилонского престола Набонидом и его женитьбу на египтянке Нитокрис расценили как враждебные акции и предлог для войны. В 555 г. против Вавилона выступило союзное с Мидией киликийское царство Хуме — именно его в 557 г. Нергал-шарру-уцур защищал от нападения соседнего царства Пиринду, союзника Лидии. Набонид разбил киликийцев без особого труда. В честь победы во время праздника Нового года 28

апреля 554 г. он подарил храмам Эсагиле в Вавилоне, Эзиде в Барсиппе и Эмешламу в Куте 100 талантов 21 мину (3040,6 килограмма) серебра, 5 талантов 17 мин (160 килограммов) золота и 2850 пленных киликийцев.

Затем Набонид посетил города Урук, Ларсу, Ур и другие, сделав богатые дары их храмам. Однако за спиной Хуме стояла Мидия. В 554 г. мидяне перешли вавилонские границы и осадили Харран.

Территория Вавилонской империи представляла собой полумесяц, в самом центре которого находился Харран. Овладев этим городом, мидяне одним ударом отрезали бы Вавилон не только от богатого Заречья, но и от Египта и Лидии, его потенциальных союзников. Набонид никак не мог допустить падения Харрана. Он с армией стоял в Хамате, в центре Сирии, но не решался на открытое сражение с мидянами. Исход войны был решен в Иране. Здесь в 553 г. против мидийского царя Астиага подняли восстание персы во главе со своим царем Киром. Мидянам пришлось срочно снять осаду с Харрана и спешить на защиту своей родины. Вавилон избавился от войны с Мидией.

И вот в это-то время пришел конец согласию между олигархией и «ее человеком» Набонидом, который, оказалось, имел свой собственный взгляд на царскую власть и не собирался быть послушным орудием в чужих руках. Поводом для столкновения послужил вопрос о восстановлении храма Эхулхул в Харране.

В свое время Харран принадлежал к числу привилегированных городов Ассирии. Эхулхул, храм бога луны Сина, в последний раз был восстановлен с большой пышностью Ашшурбанипалом столетие назад. В 610 г. его разграбили скифы. Теперь Набонид начал в Эхулхуле реставрационные работы, не жалея ни золота, ни серебра, ни кедров. К строительству привлекли войска и все население империи от Газы на египетской границе до Персидского залива. Набонид разыскал закладные камни ассирийских царей Салманасара II (859–824 гг.) и Ашшурбанипала (669–627 гг.) и восстанавливал храм по ассирийскому, а не вавилонскому образцу. Он осмелился поставить в Эхулхуле такого же быка, какой стоял перед вавилонской Эсагиллой, и не скры-

вал намерения придать Эхулхулу то значение, которое имел ниппурский храм Экур, древняя шумеро-вавилонская святыня.

Олигархия верно усмотрела в действиях Набонида посягательство на права и прерогативы крупнейших храмов Вавилонии, попытку найти опору среди провинциалов, особенно арамеев, поставив их рядом с вавилонским гражданством. И олигархия организовала отпор царю, настроив против него гражданство, и так недовольное налогом-урашу, который ему приходилось платить по случаю строительства в каком-то провинциальном Харране. Вавилоняне отказались строить Эхулхул и платить урашу. Но Набонид твердо стоял на своем. Он заявил им: «Пока я не закончу строительство Эхулхула и не осуществлю мое желание, запрещаю праздники и отменяю праздник Нового года!» Таким тоном с вавилонянами никто еще не разговаривал со времен Синаххериба и Ашшурбанипала. А далее за словами последовали дела, беспремерные в вавилонской истории: царь покинул свое царство и не появлялся в Вавилоне целых десять лет подряд!

В момент разрыва с вавилонским гражданством Набонид находился в Заречье. В августе 553 г. он лечился в горах Амана, а в декабре собирал войско в Амурру и Эдоме. Затем Набонид поручил командование войсками, стоявшими в Вавилонии, царевичу Валтасару, назначил его своим соправителем и передал ему власть над Вавилоном. Сам же он с войском, набранным в Заречье, отправился в Аравию.

Расчет Набонида был точен. Халдейская армия с восторгом встретила назначение Валтасара, и олигархия ничего не могла предпринять против него. Вавилон оказался под властью военной диктатуры, облеченной полномочиями законным царем, а сам царь находился вне пределов досягаемости олигархов. Нельзя было справить Новый год и, следовательно, избрать вместо Набонида другого царя. Валтасар и халдеи сохраняли верность Набониду. Возможность нового государственного переворота была исключена.

Между тем Набонид углубился в аравийские степи и пустыни. Его сопровождало войско, набранное из арамеев западных провинций, преданное лично ему, а не Вавило-

ну. С ним он взял аравийский город Тему (Тейма) и перебил всех его жителей во главе с их царьком. Затем были покорены оазисы и города Дадану (Дедан, современная Эль-Ула), Падакку (Фадак), Хибра (Хайбар), Ядиху (Яди) и Ятрибу (Ясриб, Медина). Под властью Набонида оказалась вся северная половина Аравийского полуострова. Город Тема (современная Тейма) стал его резиденцией. Здесь он построил дворец наподобие вавилонского. В завоеванных оазисах были основаны вавилоно-арамейские колонии, в которых поселились люди различного этнического происхождения. Так, например, в Тейме найдена стела времен Набонида с арамейской надписью и рельефом в ассирийском стиле, изготовленная по заказу Цалам-шузуба, сына Петосири, то есть сына египтянина с вавилонизированным арамейским именем.

Набонид создал себе в Аравии обширное царство. В его власти находились все караванные пути через пустыню в Вавилонию, Заречье и Египет, с которыми он поддерживал регулярные связи. Из Вавилонии, в частности из Урука, ему постоянно доставляли в Тему продовольствие. Теперь даже потеря Харрана не привела бы к изоляции Вавилона. Стратегическое положение империи серьезно улучшилось. А главное, Набонид получил возможность вести борьбу с могущественной вавилонской олигархией. Валтасар, опираясь на армию, зорко следил за порядком в Вавилонии. Олигархам оставалось в бессильной ярости проклинать царя и заниматься злопахательством в его адрес. Образчик последнего сохранился в Библии, в Книге пророка Даниила, где в канонической редакции Набонид именуется Навуходносором. Это знаменитый рассказ о сне Навуходносора. Вот его содержание.

Царь увидел во сне посреди земли крепкое дерево высотой до неба, покрытое пышной листвой и множеством плодов. На нем гнездились птицы, его плодами и листьями питались полевые звери. По приказу небесного владыки срубили это дерево, но его главный корень в железных и медных узах оставили в земле. Вавилонские мудрецы, обаятели, халдеи и гадатели не могли разгадать сон. Тогда царь призвал Даниила. Тот объяснил ему, что дерево — это Вави-

лонское царство, а значение сна таково: «Тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травой будут кормить тебя, как вола, росой небесною ты будешь орошаем, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, это значит, что царство твое останется при тебе, когда ты познаешь власть небесную. Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой». Слова Даниила сбылись, и царь пробыл семь времен в обществе зверей, оброс волосами, как лев, у него выросли когти, как у птицы, он ел траву и орошался росой, пока не поумнел, после чего вернулся в Вавилон на царство²¹⁸.

В основе этого рассказа, несомненно, лежит вавилонский политический памфлет или анекдот того времени, возникший в среде, оппозиционной царю, и имевший хождение среди населения. Но Набонида трудно было смутить анекдотами. Пребывание в Теме несколько не мешало ему наносить олигархии удар за ударом. Главным своим противником — олигархическим кругам вавилонской Эсагилы, барсипской Эзиды, сиппарской Эбаббарры, то есть олигархии Вавилонского царства, — Набонид попытался противопоставить олигархию союзных вавилонских городов, в первую очередь Урука и Ура.

В Уруке в 553 г. он поставил у власти своих людей. Зерия, сын Ибны, потомка Эгиби, стал экономом храма Эанны (в 553—543 гг.). Рядом с ним появился новый сановник — Набу-шарру-уцур, царский голова, куратор храма Эанны (в 553—543 гг.), который был не выборным магистратом, а назначенным царем контролером храмового хозяйства и городской администрации²¹⁹. С помощью этих лиц Набонид и Валтасар полностью подчинили себе Урук с его храмом Эанной и черпали оттуда средства и людей для борьбы с вавилонской олигархией.

Набонид и Валтасар присвоили под видом держаний многие обширные имения храма Эанны и сдавали их в аренду своим людям. К последним относились, например, потомки

Басии — Шум-укин и Сидим-Бэл, сыновья Бэл-зери, и Кальба, сын Икиши. Они были уроженцами Вавилона, где занимались ростовщичеством, но не сумели пробиться в высшие сферы делового мира. Тогда в 559 г., распрощавшись со столицей, они отправились искать счастье в Уруке. Здесь они занялись арендой храмовых земель. С приходом Набонида к власти для них наступила золотая пора. Неудачливые вавилонские дельцы превратились в Уруке в крупнейших кондукторов храмовых земель. Они арендовали не только царские держания, но и другие храмовые имения, самые обширные и самые доходные, с которых в угоду им сгонялись местные урукские кондукторы. В руках Шум-укина, Сидим-Бэла и Кальбы находилось не менее 14 имений — десятки тысяч гектаров плодороднейшей земли, приносившие миллионы литров фиников, ячменя, сезама и других продуктов. Дельцы получили права урукского гражданства и заняли видные посты в администрации Урука. Они обзавелись домами в Уруке и окружили себя многочисленной клиентелой. Понятно, что засилье таких заезжих столичных акул возбуждало негодование урукитов, которые избавились от них только в 539 г., когда пал царь Набонид и Вавилоном овладели персы: потомков Басии и им подобных изгнали, а их земли и дома конфисковали²²⁰.

В Уре Набонид действовал несколько иначе. Используя лунное затмение, которое преданные ему прорицатели истолковали как желание бога луны Сина иметь невесту, он восстановил древний и давно забытый институт верховных жриц-иеродул бога Сина. После многократных, надлежащим образом истолкованных гаданий выяснилось, что такой жрицей должна стать дочь самого Набонида. Под именем Бэлшалти-Нанна («Владыка победы — бог луны Нанна»; Нанна — шумерийское имя бога Сина в Уре) она была посвящена в этот сан. Специально для нее восстановили давно исчезнувший храм-дворец Эгипар, древнюю резиденцию верховных жриц бога Сина. Так Ур с его древним храмом бога Сина Эгишширгалем превратился в оплот политики Набонида.

Не менее сильный удар нанесла олигархии «археологическая деятельность» Набонида. Характеризуя ее, английский археолог Леонард Вулли писал: «Многие нововведе-

ния Навуходоносора безусловно пришлось не по душе его более ортодоксальному преемнику, царю Набониду. Непопулярность этого царя можно отчасти объяснить его отходом от религиозной политики Навуходоносора, которая хотя и противоречила столь дорогим сердцу Набонида древним традициям, зато вполне подходила жрецам. Набонид перестраивал лишь недавно “восстановленные” храмы, вовсе не нуждавшиеся в перестройке. Он это делал лишь для того, чтобы исправить “ошибки” предшественника»²²¹.

В 552 г. по приказу Набонида началась перестройка храма Эбббарры в Сиппаре, восстановленного Навуходоносором II в 597 г. и не нуждавшегося ни в каком ремонте. Набонид заявил, что Навуходоносор не нашел древний закладной камень и потому искажил облик храма. На этом основании все постройки были снесены. После упорных раскопок обнаружили закладной камень древнего аккадского царя Нарамсина (2290–2254 гг. до н.э.) который, по вычислениям царских специалистов, жил якобы 3200 лет назад. По древнему плану Нарамсина и началось новое строительство Эбббарры и ее зиккурата Э-идиб-ан-азагги на месте снесенных построек.

В Сиппаре поднялась настоящая буря. Шутка ли сказать: несколько поколений сиппарцев, по мнению Набонида, вместо храма имели невесть что! Чтобы утихомирить разъяренных горожан и направить их гнев против жрецов и магистратов, по приказу Набонида собрали совет старейшин Сиппара и народное собрание вавилонских граждан и двинули на них всю рать царских специалистов — математиков, историков, мудрецов, тайноведцев академии Бит-Мумму, с которыми никто из сиппарцев тягаться не мог.

Вслед за тем город поразила еще более ошеломляющая новость: от имени Набонида объявили, что сиппарский истукан бога солнца Шамаша — грубая и невежественная подделка, ибо на его тиаре недостает эмблемы полумесяца, поскольку бог солнца Шамаш является сыном бога луны Сина. Сиппарцы окончательно вышли из равновесия: ну хорошо, у них не было настоящего храма, но если и вместо настоящего бога они из поколения в поколение служили какому-то чурбану — это уж чересчур! Особенно задело

их то, что бога Шамаша, палладия Сиппара, объявили ниже рангом, чем Сина, бога каких-то захудалых провинциальных Харрана и Ура. Страсти разгорелись. Трижды проводились гадания по печени и собирались вавилонские граждане Сиппара, перед которыми выступали крупнейшие ученые со своими малопонятными речами, а стянутые Вальтасаром солдаты не позволяли пустить в ход кулаки. И сиппарцам пришлось сдаться. После этой победы по распоряжению Набонида в соседнем с Сиппаром городе Агаде был заново перестроен Эульмаш, храм богини Анунит, тоже восстановленный Навуходоносором II, а в самом Сиппаре введен новый храм бога Бунене.

В 546 г. такая же участь постигла город Ларсу, где, как и в Сиппаре, почитался бог солнца Шамаш. Местный храм Эбаббарра и его зиккурат Эдуранна, восстановленные Навуходоносором II, были снесены и воздвигнуты заново на основании закладного камня вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.)²²². В Уре по древним образцам шумерийских царей Урнамму (2232—2214 гг. до н.э.) и Шульги (2214—2167 гг. до н.э.) перестроили Э-лугаль-мальга-сиди, зиккурат Эгишширгалья, храма бога Сина. И здесь Набонид был пойман с поличным, но не своими современниками, а через две с половиной тысячи лет англичанином Леонардом Вулли, раскапывавшим Ур в 1922—1934 гг. «Восстановленный» Набонидом якобы по шумерийскому образцу зиккурат был семиэтажным, тогда как на самом деле при царях Урнамму и Шульги он имел только три этажа!²²³ Так всплыли истинные познания Набонида и его «ученых» в области древних традиций.

Впрочем, увлечение Набонида археологией носило более чем странный характер. Пока производились все перестройки, приводившие в ужас совершенно сбитых с толку благочестивых и добропорядочных вавилонских обывателей, он продолжал безвыездно пребывать в Аравии. Царь-археолог, как часто именуют Набонида, не проявлял никакого желания взглянуть на реставрированные по его приказу храмы и зиккураты! Даже в 547 г., когда в возрасте 102 лет скончалась его мать Адда-гуппи, Набонид не явился на ее похороны. Последние почести матроне, сохранившей до конца

жизни ясность ума и отменное здоровье, оказали царевич Валтасар и его войска. Набонид же увековечил память матери двумя стелами, на которых начертал ее «автобиографию»; они были поставлены в харранском храме Эхулхул.

Набонида интересовала не археология. С ее помощью он хотел лишь публично доказать невежество ненавистных ему жрецов, обвинить их в ереси и безбожии и вырвать из рук олигархии руководство храмами. Ведь каждая «реставрация» храмов сопровождалась переменами в ритуале и сменой жречества. Одновременно Набонид восстанавливал давно исчезнувшие храмы и культы, во главе которых ставил своих людей. Он не трогал прямо богов Бэла-Мардука и Набу и их храмы Эсагилу и Эзиду, но в противовес им поднимал роль и значение богов Сина и Шамаша, культ которых процветал в Харране, Уре, Сиппаре и Ларсе. Тем самым подрывалось первенство Вавилона и Барсиппы, оплотов олигархической оппозиции, в делах религии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Набонид нанес олигархии жестокий удар. Прекращение праздников, особенно в связи с удалением царя в Тему праздника Нового года, больно ударило по вавилонским обывателям, извлекавшим неисчислимы выгоды и доходы от наплыва паломников в Вавилон и Барсиппу. Ко всему прочему добавилось несколько неурожайных лет подряд. В 546–544 гг. голод в Вавилонии достиг апогея²²⁴. Водочерпалки страдали от жажды. На полях не раздавался ликующий клич пахарей «Алала!». Лица людей изменились. По улицам не сновали толпы народа. Олигархи твердили, что это кара за беззакония Набонида, вынудившие богов оставить страну. А многочисленные гадатели и прорицатели, находившиеся на царском содержании, внушали вавилонянам, что боги разгневались на олигархов, которые заставили царя покинуть Вавилон. И им верили, потому что царь был далеко, а олигархи здесь, на месте.

Наконец, чрезвычайно обострилась международная обстановка. Персидский царь Кир, который в 553 г. восстал против мидийского царя Астиага и спас Вавилон от войны с Мидией, вопреки ожиданиям оказался далеко не мелким бунтовщиком. В 551 г. весь Ближний Восток охватила

тревога: Мидия явно терпела поражение в войне с персами. Набонид в Теме немедленно начал переговоры о создании антиперсидской коалиции. Египетский фараон Амасис, лидийский царь Крез, арабы и Астиаг откликнулись на его призыв. К союзу присоединились даже некоторые греческие полисы, в частности Спарта. Но было поздно. В 550 г. под ударами Кира пала Мидия, а в 547–546 гг. — Лидия. Две самые могущественные державы Ближнего Востока прекратили свое существование. Система международного равновесия рухнула, и Вавилон оказался один на один с персами, начавшими захват Заречья и остальных вавилонских владений. Путешественников убивали, купцам отрезали пути. Вавилонская торговля была парализована.

В таких условиях олигархии пришлось капитулировать перед Набонидом. Депутация вавилонских граждан просила у царя прощения и умоляла его вернуться в Вавилон. В 543 г. Набонид сменил гнев на милость и пожаловал в столицу. Первым делом он завершил строительство храма Эхулхул в Харране, с чем вавилонянам на этот раз пришлось смириться. В ознаменование этого события было созвано народное собрание, на котором состоялось освящение золотого истукана бога Сина, о чем рассказывается в Книге пророка Даниила:

«Царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, поставил его на поле Деире, в области Вавилонской. И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор. И собрались сатрапы, наместники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законоведцы, блюстители суда и все областные правители на открытие истукана, которого Навуходоносор царь поставил, и стали перед истуканом, которого воздвиг Навуходоносор. Тогда глашатай громко воскликнул: объявляется вам, народы, племена и языки: в то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истука-

ну, которого поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем. Посему, когда все народы слышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану, которого поставил Навуходоносор царь»²²⁵.

Олигархи распространяли слухи, что Набонид святотатствует, что его бог Син вообще не похож на бога, но открыто перечить ему не смели. Набонид одержал верх, но не сломил олигархию. Олигархия временно отступила и, затаившись, ждала часа мести. Этот час настал через четыре года.

Глава 10
Мене, мене, текел, упарсин

Кошка притворилась,
что у нее день рождения,
и пригласила кур на угошенье.
А когда они осторожно вошли,
то она заперла дверь и стала их
одну за другой пожирать.

Эзоп

В то самое время, когда Навуходоносор II создавал империю и систему международного равновесия, родился Кир, будущий царь персов и завоеватель Передней Азии. Его рождение, детство, юность, воцарение на персидском престоле и завоевание им Мидии окутаны плотным туманом легенд. Наиболее известной из них является та, которую привел отец истории Геродот²²⁶. Ее содержание вкратце таково.

У мидийского царя Астиага (585–550 гг.) была дочь Мандана. Маги предсказали, что рожденный ею сын свергнет Астиага и покорит всю Азию. Напуганный Астиаг решил обмануть судьбу и выдал Мандану замуж за своего клиента,

персидского царька Камбиза, будучи уверенным, что завоеватель Азии никак не может родиться среди персов. Мандана родила сына, названного Киrom, и маги повторили Астиагу свое предсказание. Тогда Астиаг приказал вельможе Гарпагу тайно убить внука. Но Гарпаг не захотел лично обагрять свои руки кровью младенца и доверил это дело царскому пастуху Митрадату. Тот же, узнав, кто такой Кир, подменил его своим мертворожденным сыном. Митрадат и его жена Спако вырастили и воспитали Кира как своего сына.

Когда Киру исполнилось десять лет, мальчишки во время игры избрали его царем. Однако один из них, сын знатного мидянина Артембара, не захотел подчиняться сыну простого пастуха. Тогда Кир велел отхлестать ослушника бичом. За этот проступок Кира привели к царю Астиагу, его господину, и тут выяснилось, что он сын Манданы и внук Астиага. Маги успокоили царя, заявив, что предсказание сбылось: Кира, мол, уже избрали на царство и его нечего больше опасаться. Астиаг оставил внука у себя, но Гарпага, не выполнившего царский приказ, жестоко наказал. Он велел тайно убить его сыновей и их мясом накормил ничего не подозревавшего отца.

Шли годы. Кир вырос и в 558 г., после смерти своего отца Камбиза, занял персидский престол. Персы с трудом переносили иго мидян, и Гарпаг, жаждавший мести, подговорил Кира поднять восстание против Астиага. С этого времени история Кира перестает быть только легендарной. Мы уже знаем, что восстание началось в 553 г., а закончилось в 550 г. полной победой Кира и завоеванием им Мидии. Затем в 547—546 гг. персы покорили Лидию. Возникла могучая и воинственная Персидская держава. Теперь жертвой ее экспансии предстояло стать Вавилону.

Кир не торопился наносить решительный удар. Он стремился овладеть Вавилоном без серьезных боев. С конца 40-х гг. годов персы начали захват внешних владений Вавилона, постепенно отрезая его от остального мира. Одновременно многочисленные агенты успешно вели пропаганду в пользу Кира в самой Вавилонии. Вавилонская олигархия нуждалась в сильной власти, способной обеспечить ее классовое господство. Вместе с тем, не желая поступаться своими

привилегиями, она яростно сопротивлялась попыткам Набонида и Валтасара установить царскую диктатуру. Поэтому олигархи все больше склоняются к мысли, что необходимую им сильную власть с сохранением всех их привилегий способен обеспечить только Кир.

Они рассуждали так. Кир располагает войском, равных которому нет в мире. Он и его персы — варвары, не искушенные прелестями цивилизации. А что, если предоставить Киру вавилонскую корону на соответствующих, разумеется, условиях? Ведь за великую честь стать законным царем священного Вавилона этот дикарь будет свято блюсти права и привилегии вавилонского гражданства и наводить тот «порядок», который нужен олигархии. Не удастся ли наконец таким путем разрешить дилемму, не дававшую покоя верхам вавилонского общества? Так в головах некоторых представителей вавилонской олигархии зрела мысль об измене родине. Одних толкала на это ненависть к Набониду и Валтасару, других — надежда избежать тяжелой и кровопролитной войны, третьих прельщали посулы персидских лазутчиков.

А что думали на этот счет рядовые вавилоняне? Да ничего не думали. Поглощенные будничными делами, нескончаемыми заботами о завтрашнем дне, задавленные нищетой и беспросветным трудом, они мало интересовались судьбами империи, от которой не видели ничего, кроме гнета и нужды. За такую родину жертвовать жизнью никому не хотелось.

Не все ли равно было земледельцу, садоводу, пахарю или опутанному долгами мелкому хозяйчику, кому платить ренту и проценты — своему вавилонскому или чужому персидскому господину. Среди широких слоев вавилонского народа преобладало равнодушие к судьбам родины. А у многих даже брезжила надежда, внушаемая персидскими эмиссарами, что Кир — добрый царь и при нем жить станет легче.

С особой силой упования на Кира и персов пробудились среди вавилонских рабов-пленников. Они стремились к свободе и возвращению на родину, связывая свои мечты с Киром, который, по их мнению, покончит с распутным Вавилоном.

Набонид и Валтасар в борьбе с персами могли рассчитывать на единственную силу — халдейское воинство: ему победа

Кира грозила потерей всех привилегий, которыми оно пользовалось при царях-халдеях. Однако это воинство представляло слабую опору. Его экономическая база — мелкое и среднее землевладение — была подорвана. Численность халдеев, способных нести военную службу, резко сократилась.

Короче говоря, Вавилонию, богатейшую страну мира с многочисленным населением, фактически некому было защищать. Ее способность к сопротивлению оказалась подорванной изнутри. Вавилон созрел для падения, и никакие укрепления не могли спасти его от персов.

Завладев всеми вавилонскими провинциями, персы стояли у рубежей страны. На их сторону перешли некоторые вавилонские наместники, ненавидевшие Набонида и Валтасара. В их числе находился Угбару (Гобрий), наместник страны Гутиум, лежавшей на границе с Мидией. Его измена позволила Киру вплотную подойти к Мидийской стене, преграждавшей персам путь в глубь Вавилонии. Не рискуя штурмовать эту мощную линию укреплений, Кир готовился обойти ее с флангов. Здесь ему мешала река Гинд (Дияла), которая в случае неудачного исхода сражения, находясь в тылу у персов, помешала бы их отступлению. Весь 540 г. Кир занимался укрощением этой реки, о чем рассказывает Геродот:

«Когда Кир в походе на Вавилон достиг судоходной реки Гинд... и попытался перейти ее, одна из его священных белых лошадей отважно бросилась в реку, стремясь переплыть ее, но река поглотила и унесла ее. Кир сильно вознегодовал на реку за такое насилие и пригрозил сделать ее настолько незначительной чтобы впредь ее могли переходить и женщины, не замочив себе колен. Произнеся эту угрозу, он приостановил поход на Вавилон, разделил свое войско на две части и расположил его длинными рядами по обоим берегам реки. Он отмерил на обоих берегах Гинда шнуром в различных направлениях по сто восемьдесят канав, отвел каждому отряду его место и приказал копать. Хотя эту работу производило большое число людей, на выполнение ее ушло все лето. Когда Кир наказал реку Гинд, разделив ее на триста шестьдесят каналов, и когда наступила следующая весна, он пошел на Вавилон»²²⁷.

Приготовления Кира не являлись секретом для вавилонян, и царь Набонид принимал меры для отражения врага. Прежде всего он пытался поднять моральный дух войска и народа. По этому случаю празднование Нового года в Вавилоне в апреле 539 г. было отмечено столь грандиозным пиршеством, что упоминание о нем попало в хронику. Солдатам и горожанам раздали большое количество вина из царских запасов. Набонид посетил Эсагилу, оплот своих политических противников, и в святилище Этурка-ламма «взял руку бога Бэла», то есть был переизбран царем на следующий год. По его приказу Вавилон запасался продовольствием и готовился к осаде. Чтобы не распылять силы, Набонид не стал ставить гарнизоны в прочих городах и, на случай вторжения персов, велел вывезти из них в Вавилон самое ценное — истуканы их богов. Эта мера осуществлялась вплоть до последних чисел сентября 539 г. В Вавилон прибыли идолы из Киша, Хурсаг-каламмы, Марада и других городов. Набонид хотел внушить вавилонянам мысль о необходимости сражаться до последнего вздоха. Однако Барсиппа, Сиппар и Кута, крупнейшие после Вавилона города страны, наотрез отказались прислать своих богов в столицу. Их жители ясно дали понять Набониду, что не желают ради него жертвовать своими домами и жизнями, что вообще не считают Кира врагом и не хотят воевать с ним. Вавилонский тыл полностью разложился, и в это время Кир перешел в наступление.

Все внимание Набонида было приковано к восточному флангу Мидийской стены. С армией он стоял лагерем у города Описа, прикрывая переправы через Тигр. Но Кир перехитрил его. Как только закончился паводок на реках Вавилонии, в двадцатых числах сентября, он неожиданно обошел Мидийскую стену с запада. В руках персов очутились головные сооружения канала Паллукат; дорога на Вавилон была открыта. Посланный Киrom корпус Угбару, наместника страны Гутиум, осадил город, в котором находился сильный гарнизон во главе с царевичем Валтасаром. Сам же Кир ударил по армии Набонида с тыла. В самом конце сентября произошло сражение при Описе. Вавилонская армия потерпела сокрушительное поражение. Персы овладели ее лагерем

и сожгли его. Набонид бежал. Но путь в Вавилон, окруженный персами, был для него уже закрыт, и он укрылся в Барсиппе.

О дальнейших событиях Геродот повествует так: «Когда Кир подошел близко к городу (Вавилону. — *В. Б.*), вавилоняне дали ему сражение, но потерпели поражение и были оттеснены в город. Так как они еще раньше знали Кира как человека беспокойного и видели, что он нападает без разбору на все народы, то они запаслись провиантом на долгие годы. Поэтому они не обращали никакого внимания на осаду. Между тем Кир испытывал затруднения: времени уходило много, а дело нисколько не двигалось вперед. То ли ему посоветовал кто-то в его трудном положении, то ли он сам понял, что ему нужно делать, только Кир поступил так. Часть войска он поставил у того места реки, где она входит в город, а другую часть расположил позади города, где река выходит из него, приказав войску вступить в город по руслу реки, когда увидят, что оно станет проходимым. Так он распределил части войска и такой отдал приказ, а сам с неспособными к сражению воинами отступил. Прибыв к озеру (к каналу Паллукат. — *В. Б.*), Кир проделал с рекой и озером то же самое, что прежде сделала вавилонская царица. С помощью канала он отвел реку в озеро, превратившееся было в болото, и, когда река спала, старое русло ее стало проходимым. Когда река Евфрат убывла настолько, что не доставала человеку до середины бедра, персы, поставленные вдоль реки, по ее руслу вступили в Вавилон. Если бы вавилоняне заранее знали или как-нибудь заметили, что было сделано Киром, они позволили бы персам войти в город, а потом жестоко истребили бы их. Для этого им оставалось лишь запереть все ворота, которые вели к реке, а самим занять набережные, тянувшиеся вдоль берегов реки. Они захватили бы персов, как рыбу в верше. Теперь же персы предстали перед ними неожиданно. Как рассказывают тамошние жители, из-за обширности города вавилоняне, проживавшие в центре, не знали о том, что жители окраин уже взяты в плен. По случаю праздника они в это время танцевали, веселились, пока, наконец, не узнали с полной достоверностью о случившемся. Так был взят Вавилон в первый раз»²²⁸.

Этот рассказ основан на том, что Геродоту сообщили сами вавилоняне, внуки и правнуки тех, кто был очевидцем вступления персов в Вавилон. Вероятно, известная доля вымысла здесь есть, но есть и истина. Кстати сказать, отвести воды Евфрата не представляло особого труда: для этого нужно было лишь открыть шлюзы канала Паллукат, что Кир и сделал, по словам Геродота. Вавилонская хроника молчит о подробностях событий. В ней сказано только, что 10 октября 539 г. персам без боя сдался Сиппар, а 12 октября 539 г. войска Угбару, наместника страны Гутиум, без боя вступили в Вавилон. Царевич Валтасар, пиروвавший в это время во дворце, был захвачен персами врасплох и убит. В пятой главе Книги пророка Даниила так описывается пир Валтасара:

«Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами тысячи пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, женам его и наложницам его. Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища дома Божия в Иерусалиме; и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славилы богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных. В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое. Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, Халдеев и гадателей. Царь начал говорить, и сказал мудрецам Вавилонским: кто прочитает это написанное и объяснит мне значение его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве. И вошли все мудрецы царя, но не могли прочесть написанного и объяснить царю значения его. Царь Валтасар чрезвычайно встревожился, и вид лица его изменился на нем, и вельможи его смутились»²²⁹.

В пиршественную залу вошла царица-мать Нитокрис, которая посоветовала Валтасару обратиться к Даниилу.

Привели Даниила. Валтасар обещал облачить его в пурпур, надеть на шею ему золотую цепь и сделать его третьим властелином в царстве, то есть соправителем Набонида и Валтасара, если он прочтет и растолкует надпись. Даниил от почестей отказался, но надпись объяснил. Напомнив Валтасару беззакония, творимые Набонидом (Навуходоносором), и его собственную гордыню, а также осквернение сосудов из Иерусалимского храма, Даниил продолжал:

«И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. Тогда по повелению Валтасара облекли Даниила в багряницу и возложили золотую цепь на шею его, и провозгласили его третьим властелином в царстве. В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит...»²³⁰

Сказочный, аллегорический характер повествования, конечно, не вызывает сомнений, но сказка сказке рознь. По сути дела, здесь нет никаких конкретных фактов, связанных с падением Вавилона и гибелью Валтасара, ибо автора интересовали не сами факты, а историко-философский смысл происшедшего. Этой цели и подчинены изумительные по силе, образности и поэтичности, особенно в арамейском оригинале, фабула и форма этой главы Книги Даниила. Весь рассказ пронизан мыслью об обреченности Вавилона, Валтасара и его власти. Она точно и ярко выражена в словах «мене, мене, текел, упарсин» (по-арамейски они значат: «исчислен, исчислен, взвешен и разделен»). Вавилону пришел конец. Это по-своему понял и донес до нас пророк Даниил.

Итак, 12 октября 539 г. персы вступили в Вавилон. В официальной вавилонской историографии дело было изображено так, будто вообще никакой войны с Киром не было, а если и имели место отдельные инциденты вроде битвы при Описе, то в них повинен был только Набонид, но никак не Вавилон. Кир охотно принял эту версию вавилонской олигархии, ибо она вполне отвечала его интересам, и постарался подкрепить ее делами.

Угбару, командовавший персидскими войсками, вступившими в Вавилон, немедленно принял меры по предотвра-

шению в городе резни и грабежей. В хронике говорится: «До конца месяца (ташриту, то есть до 26 октября 539 г.) шиты страны Гутиум окружали ворота Эсагилы. Ничье оружие не было положено в Эсагиле и святилищах, и ритуал не был нарушен». Набонид, узнав о падении Вавилона и гибели Валтасара, покинул Барсиппу, вернулся в Вавилон и добровольно сдался в плен. Он понял, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. В это же время завоеватели вкуче с вавилонскими олигархами сумели обработать общественное мнение и подготовить Киру торжественную встречу в Вавилоне, благо в столице не было недостатка в зеваках, падких до зрелищ и дарового угощения. «3 арахсамну (29 октября 539 г.), — продолжает хроника, — Кир вступил в Вавилон. [Улицы] перед ним были устланы ветвями. Мир в городе был установлен. Кир объявил мир всему Вавилону».

Началось установление новой персидской власти. Кир назначил сатрапом (по-вавилонски *bel-pahati* — «областена-чальник») Вавилона и Заречья, то есть всей Нововавилонской империи, знатного перса Гаубаруву, которого вавилоняне звали Губару, а греки — Гобрием. Губару же, в свою очередь, назначил власти в Вавилоне. Пленный Набонид без лишнего шума был отправлен в почетную ссылку в отдаленную Караманию на востоке Ирана, где и окончил свои дни. Кир никакого зла лично к нему не питал. Далее в хронике отмечено: «27 аддару (20 марта 538 г.) умерла [супруга] царя; с 27 аддару по 3 нисану (с 20 по 26 марта 538 г.) в стране Аккад [был] траур, все люди обрили себе головы». Речь идет о кончине царицы Нитокрис, вдовы Навуходоносора II и Набонида, которая пользовалась у вавилонян большой популярностью. Кир тактично разрешил торжественно похоронить ее и справить по ней семидневный траур. У Геродота приведен анекдот, связанный с кончиной Нитокрис и ходивший среди вавилонян два десятилетия спустя, при персидском царе Дарии:

«Эта же царица обманула потомство вот какой хитростью. Она повелела воздвигнуть себе гробницу над воротами в самом оживленном месте города (гробница находилась непосредственно над самими воротами) и вырезать на ней надпись, гласящую вот что: “Если кто-нибудь из вавилон-

ских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы вовсе [не открывать гробницы]”. Так эта гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию. Дарию казалось даже странным, почему он не воспользовался [этой гробницей над] воротами, хотя там лежат сокровища, которые к тому же [как бы] сами приглашают завладеть ими. Царь, однако, не захотел пройти через эти ворота, потому что над головой [у него] оказался бы мертвец. Открыв же гробницу, он не нашел там никаких сокровищ, а только покойника и вот такую надпись: “Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников”. Вот что рассказывают об этой царице»²³¹.

Как уже говорилось, вавилонская олигархия отстаивала принцип выборности царя. Кир сделал вид, что готов удовлетворить ее желание. Он не принял титул царя Вавилона, и вавилонский престол после низложения Набонида до ближайшего Нового года формально оставался вакантным. Вавилонские деловые документы в это время датировались «годом начала царствования Кира, царя стран». 4 нисану следующего года (27 марта 538 г.), на другой день после окончания траура по царице Нитокрис, началось празднование Нового года и состоялись выборы царя Вавилона. Им был избран с соблюдением всех тонкостей ритуала Камбиз, старший сын и наследник Кира. Таким образом, Вавилон получил собственного царя, подчиненного, однако, Киру. В связи с этим Новый год получил официальное наименование: «1-й год Камбиза, царя Вавилона, когда Кир, его отец, — царь стран»²³².

Примерно в это время появился политический памфлет, написанный по-вавилонски и для вавилонян представителями вавилонской олигархии, — «Поэма о Набониде». В ней в резко отрицательных тонах расписывались «безобразия», творимые Набонидом во время своего царствования, а в конце воздавалась хвала Киру и Камбизу, которые по воле бога Мардука освободили Вавилон от злодеев Набонида и Валтасара и покарали их приспешников. Это была олигархически-проперсидская оценка событий, усиленно внушавшаяся вавилонским обывателям.

Кира вполне устраивала такая пропаганда в его пользу. Но, уступая олигархии по форме, он исподволь проводил собственную линию в отношении Вавилона. Прежде всего он сохранил над ним свою верховную власть. Юрисдикция Камбиза как царя Вавилона была ограничена территорией страны Аккад. На всей остальной территории Вавилонской империи, в том числе в городах Уруке, Ниппуре и Уре, признавалась юрисдикция только Кира, царя стран, и его сатрапа Губару. Камбиз был чисто декоративной фигурой на вавилонском престоле. Сам он не относился к вавилонской короне всерьез и не считал нужным скрывать это. Подобное положение сохранялось в течение десяти месяцев, после чего Камбиз, которому надоело ломать комедию, сложил с себя, а Кир принял титул «царя Вавилона» и год соответственно был переименован в «1-й год Кира, царя Вавилона, царя стран»²³³. Ни о какой выборности царя в Вавилоне теперь не могло быть и речи. Олигархии пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Более того, в это время появился еще один документ, написанный по-вавилонски и для вавилонян, на этот раз официальный, — «Манифест Кира». Составили его тоже проперсидски настроенные олигархи, хотя некоторые положения, выдвинутые в нем, едва ли были им по душе.

В довольно пространном предисловии «Манифеста» снова живописуются «безобразия» Набонида и обиды, которые он причинил богу Мардуку, храму Эсагиле и Вавилону. Когда терпение бога Мардука иссякло, он отыскал Кира, царя Аншана (Персиды), вручил ему власть над народами и, наконец, вверил его заботам Вавилон, народ которого встречал его с великой радостью как избавителя от нечестивого царя Набонида. В конце «Манифеста» помещена молитва к вавилонским богам о ниспослании благополучия Киру и его сыну и наследнику Камбизу. В этом обрамлении помещен собственно текст манифеста, написанный от лица Кира.

Он открывается полной титулатурой Кира, составленной на вавилонский лад: «Я — Кир, царь множеств, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбиза, царя великого, царя Аншана, потомок Шишпиша, царя великого, царя Аншана, вечное царственное семя, правление которого любят боги

Бэл и Набу, владычество которого приятно для их сердечной радости». Читая эту титулатуру, можно подумать (не будь генеалогии), что Кир вовсе не перс и не иноземный завоеватель, а самый что ни на есть прирожденный вавилонский царь. Эту мысль и стремились внушить вавилонянам авторы «Манифеста».

Затем в «Манифесте» от лица Кира говорится, как его многочисленные войска мирно вступили в Вавилон (все детали, зазорные для вавилонян, конечно, опущены). После этого следует перечисление мероприятий, осуществленных Киrom, которые полностью подтверждаются другими источниками. Кир претендовал на роль царя-освободителя, и он выполнил свои обещания, данные покорившимся его власти народам. Случай в истории исключительный, но вполне объяснимый. Стремясь к мировому владычеству, Кир хорошо понимал, что при помощи одного персидского войска только насилием ему этой цели не достичь. Он понимал также, что страны древней цивилизации, ставшие объектом персидских завоеваний, поражены смертельным недугом и готовы видеть в нем своего спасителя и исцелителя. Кир умело использовал это обстоятельство, чем и объясняются как его поразительные военные успехи, так и репутация «отца» и «освободителя», которая закрепилась за ним в памяти не только персов, но и покоренных им народов, в том числе вавилонян, греков и иудеев.

Кир в «Манифесте» говорил: «От... до Ашшура и Суз, Агаде, Эшнунны, Замбана, Метурну, до пределов страны Кути, городов [по ту сторону] Тигра, жилища которых были основаны в глубокой древности, богов, живших в них, я вернул на их места и устроил их вечные жилища. Я собрал всех их людей и вернул в их селения. И богов Шумера и Аккада, которых Набонид во гневе владыки богов перенес в Вавилон, по приказанию бога Мардука, великого господина, я благополучно поместил в их чертоги, жилище радости сердца».

Осуществление этой меры, имевшей первостепенное значение для судеб создаваемой им Персидской империи, Кир начал тотчас же после завоевания Вавилона. «С кислиму по аддару-месяц (с 25 ноября 539 г. по 23 марта 538 г.) боги страны Аккад, которых Набонид свез в Вавилон, вернулись

в свои резиденции», — сообщает вавилонская хроника. Этот шаг вызвал всеобщее одобрение вавилонян. Он символизировал возврат к миру и привычному порядку, а кроме того, послужил поводом для нескончаемых религиозных церемоний и праздников по случаю проводов из Вавилона и встречи в соответствующих городах возвращавшихся богов.

Но под шумок этих торжеств Кир выполнил свое обещание вавилонским пленникам-рабам: он даровал им свободу и право вернуться на родину. Это была вторая горькая пилюля, которую пришлось проглотить вавилонской олигархии, но перечить Киру она не посмела. Более того, в «Манифесте», как мы только что видели, освобождение пленников было объявлено осуществлением воли бога Мардука.

Кир понимал, что далеко не все пленники смогут и пожелают вернуться на родину, что многие из них останутся в Вавилонии, где они родились и обжились. Но теперь они стали не рабами, а свободными людьми, обязанными свободой Киру. Так и случилось. В Вавилонии осталось много евреев, сирийцев и других бывших пленников, ставших опорой персидского владычества в стране.

Вавилонянам Кир обещал избавление от ига Набонида и его клеветов. За словами последовали дела. Ликвидация режима Набонида прежде всего коснулась вопросов религии. Здесь Кир предоставил олигархии полную свободу действий. От имени Кира храмы, перестроенные Набонидом, сносились и возводились заново в том виде, в каком они были при Навуходоносоре II. Одновременно восстанавливался прежний ритуал богослужения²³⁴.

Гораздо осторожнее поступал Кир в отношении отдельных лиц, связанных с Набонидом и Валтасаром. Официально на их головы сыпались проклятия и угрозы суровой кары, но на деле никаких репрессий не последовало. Кир ограничился тем, что убрал из государственного аппарата наиболее одиозные фигуры, причем сделал это скорее в угоду их политическим противникам, чем в собственных интересах: оставшись без хозяев, эти люди готовы были служить кому угодно, в том числе и персам. Кир вообще избегал без особой надобности вмешиваться во внутренние вавилонские дела. В административном аппарате, особенно на постах город-

ских магистратов, остались в основном те же лица, что и при Набониде. Кир сохранил введенные Набонидом должности царских кураторов при храмах и даже не сменил назначенных им на эти посты сановников. Персов в государственном аппарате Вавилонии при Кире и Камбизе насчитывалось очень мало. Даже служащие личного хозяйства царя и царевича Камбиза в Вавилонии были вавилонянами, а не персами.

Несмотря на то что никаких репрессий в Вавилонии не произошло, на первых порах официальные громы и молнии нагнали на сторонников Набонида и Валтасара порядочно страха. В этом отношении характерна история, приключившаяся с нашим старым знакомым Итти-Мардук-балату, сыном Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби.

Связи дома Эгиби с прежней династией, и особенно с царевичем Валтасаром, были известны всему Вавилону, и Итти-Мардук-балату изрядно струсил, когда Вавилоном завладели персы. Весной 538 г. в сопровождении нескольких клиентов он отправился вслед за двором Кира в Мидию вымаливать себе прощение. Итти-Мардук-балату не был уверен в успехе своего путешествия и, оставляя хозяйство семьи на свою жену Нупту, как истый сын Вавилона принял меры, чтобы его смерть от руки персидских дикарей не нанесла дому Эгиби непоправимого ущерба. Он отправился в путь с небольшими деньгами, чтобы не потерять их много в случае беды. Однако его опасения оказались преувеличенными. Никто не собирался карать его смертью, а персидские сановники оказались совсем не такими дикарями, как это ему представлялось, но они непрерывно тянули с него деньги. Опытный банкир, отлично знавший двор Набонида и Валтасара, сразу сообразил, что к чему, но своими деньгами все же не рисковал. Вместо того чтобы запросить деньги из дому, он занимал их у знакомых вавилонян, тоже оказавшихся в Мидии. Расчет был простой: если все обойдется благополучно, то он без труда расплатится с кредиторами (если, конечно, те останутся живы) в Вавилоне, а иметь при себе много собственных денег — опасно, так как персы, прельстясь ими, могут лишить его жизни. Свыше двух лет провел Итти-Мардук-балату в Мидии и только летом 536 г.,

добившись амнистии, вернулся в Вавилон. Позже он еще не раз ездил в Иран (например, в 533 и 523 гг.), но уже по делам, не опасаясь за свою голову²³⁵.

Деловая жизнь Вавилона не испытала никаких потрясений от персидского завоевания. Наоборот, установление мира и включение Вавилонской империи на правах личной унии в состав громадной Персидской державы дали новый толчок экономическому оживлению. Вавилон стал, наряду с Персеполем, Сузами и Экбатаной, одной из четырех столиц персидского царя и пожинал от этого обильные плоды. Казалось, расчет вавилонской олигархии на Кира оправдался с лихвой. Однако идиллия длилась недолго: после пира неминуемо следует похмелье. Персидская знать, опьяненная легкими победами и баснословными богатствами, попавшими в ее руки, очень скоро вкусила блага цивилизации и не собиралась в угоду вавилонским толстосумам довольствоваться малым. Ее аппетиты росли, и покоренные народы, в том числе и вавилоняне, скоро почувствовали это на себе.

В 530 г. Кир погиб во время похода в Среднюю Азию против массагетов — персы впервые столкнулись с народом, который не желал быть покоренным, и потерпели поражение. Камбиз, старший сын Кира, вступив на персидский престол, наследовал также титул царя Вавилона. Ни о каких выборах вавилонского царя никто даже не заикнулся. Камбиз не обладал политическим тактом отца и вообще не считал нужным маскировать персидское господство. Недаром покоренные называли его «деспотом», а не «отцом», как Кира.

В 525 г. персы двинулись против Египта, единственной великой державы Ближнего Востока, сохранявшей независимость. По приказу Камбиза в поход отправилось и вавилонское ополчение. Персы завоевали Египет в короткий срок. Но это был последний крупный успех персов. Среди покоренных народов нарастало глухое недовольство. В самой Персии началось брожение, вызванное как тяготами военной службы, так и деспотизмом царской власти. И вот 11 марта 522 г. в Персии произошел переворот. Некий маг Гаумата (он же Смердис) выдал себя за Бардию, младшего сына Кира, тайно убитого по приказу Камбиза, и захватил персид-

ский престол. Камбиз с армией тотчас же двинулся из Египта в Персию, но по пути погиб при загадочных обстоятельствах. Он якобы упал с лошади и напоролся на собственный кинжал. Тайной окутана и личность Гауматы: не исключено, что он на самом деле был Бардией, а не самозванцем.

В Вавилоне Бардию, или Барзию, признали царем сразу же, как пришла весть о перевороте, хотя Камбиз тогда был еще жив. Так же быстро и легко Бардию признали остальные покоренные народы. Это объясняется во многом непопулярностью Камбиза и тем, что Бардия немедленно после захвата власти разослал по всем странам указ об освобождении подданных на три года от военной службы. Но 29 сентября 522 г. Бардия-Гаумата был убит персидскими аристократами, которые избрали царем одного из участников заговора, Дария, сына Гистаспа, принадлежавшего к царскому роду Ахеменидов. Немедленно многие народы Персидской империи, включая самих персов, восстали против Дария, на стороне которого остались только персидская аристократия и армия. Началась длительная гражданская война.

Вавилон восстал при первом же известии об убийстве Бардии. Датировки деловых документов показывают, что еще 20 сентября 522 г. вавилоняне признавали царем Вавилона Бардию, а уже через четыре дня после его убийства царем у них был Навуходоносор III — самый ранний из известных документов, датированный по нему, составлен 3 октября 522 г. О вавилонском восстании существует два рассказа: один, основанный на устных преданиях вавилонян, принадлежит Геродоту; другой, подтверждаемый датировками вавилонских документов, содержится в Бехистунской надписи самого царя Дария.

Рассказ Геродота вкратце таков. Как только маг-самозванец Смердис (Гаумата) захватил власть в Персии, вавилоняне начали готовиться к восстанию и неизбежно связанной с ним осаде Вавилона персами. Чтобы сберечь на возможно более долгий срок запасы провианта, они сами перебили всех своих женщин, кроме матерей и жен. Восстание вспыхнуло сразу же после убийства Смердиса и воцарения Дария. Персы не замедлили осадить Вавилон. Чувствуя себя в полной безопасности, вавилоняне с высоты своих стен дразни-

ли их: «Зачем, персы, вы праздно сидите здесь и не уходите? Ведь вы овладеете нами лишь тогда, когда ожеребится мул!»

Так прошли год и семь месяцев. Дарий не мог взять Вавилон. Но на двадцатом месяце осады у Зопира, сына Мегабиза, одного из семи персов, участвовавших в убийстве Смердиса, неожиданно ожеребилась мулица. Зофир вспомнил издевательства вавилонян и решил, что теперь Вавилон должен пасть. Он отрезал себе нос, уши, остриг волосы в кружок, исполосовал свое тело бичом и в таком виде предстал перед Дарием. Тот ужаснулся, но Зофир успокоил царя и изложил ему свой план взятия Вавилона. Договорившись с Дарием о деталях, он приступил к делу.

Под видом перебежчика, которого якобы изуродовал Дарий, Зофир проник в Вавилон. На народном собрании он поведал вавилонянам свою вымышленную историю и умолял их дать ему возможность отомстить Дарию. Вавилоняне поверили ему и поручили командование отрядом. Как и было заранее условлено с Дарием, Зофир сделал три вылазки и перебил крупные отряды персидских вспомогательных войск. Тогда восхищенные вавилоняне поручили ему главное командование и оборону стен. В это время, на 57-й день после «измены» Зофира, Дарий начал общий штурм Вавилона. Воспользовавшись тем, что внимание вавилонян отвлечено сражением, Зофир открыл Киссийские ворота (Ворота бога Забабы) и Ворота бога Бэла (Ворота Гишшу), через которые персы ворвались в город. Вавилон пал.

Дарий велел срыть стены и снять ворота Вавилона. По его приказу 3000 самых знатных вавилонян повесили на кольях. Остальных он простил и даже прислал им 50 000 женщин из других стран взамен перебитых ими в начале осады, чтобы у них было потомство. Зофира за его заслуги осыпали неслыханными почестями. Дарий предоставил ему в пожизненное управление Вавилонию, освободив от уплаты дани²³⁶.

Рассказ самого царя Дария не столь романтичен, но зато более достоверен. Вавилоняне сразу же после убийства Гауматы провозгласили царем некоего Нидинту-Бэла, сына Анири, который выдавал себя за Навуходоносора, сына царя Набонида. Следовательно, они действительно, как утверждает Геродот, заранее подготовились к восстанию.

Подавив восстание в Эламе, Дарий двинулся на Вавилон. 13 декабря 522 г. он разбил вавилонян на Тигре, а 18 декабря — у города Зазанну на Евфрате, после чего овладел Вавилоном. Нидинту-Бэл (Навуходоносор III) попал в плен и был казнен. С 22 декабря 522 г. вавилонские документы датировались уже по Дарию, царю Вавилона, царю стран.

Пока Дарий вел борьбу с мятежниками в других концах огромной империи, в Вавилонии началось новое восстание. Армянин Араха, сын Халдита, тоже выдавая себя за Навуходоносора, сына царя Набонида, поднял мятеж в местности Дубала на юге страны и был принят в Вавилоне. Деловые документы показывают следующую картину: с 22 декабря 522 г. по 8 сентября 521 г. они датировались по Дарию, но уже с 25 августа 521 г. появились датировки по Навуходоносору (IV), царю Вавилона. Дарий послал против Вавилона войско во главе с персом Виндафарной. Последний известный документ, датированный по Навуходоносору IV, относится к 3 ноября 521 г., а 27 ноября Виндафарна одержал над вавилонянами полную победу. Самозванца Араху-Навуходоносора IV и его сподвижников повесили на кольях, о чем сообщает и Геродот. Восстание в Вавилоне было подавлено. Первый известный документ, датированный после этих событий по Дарию, составлен 25 декабря 521 г.²³⁷

Итак, в некоторых важных деталях оба рассказа совпадают. Совпадает, в частности, и продолжительность восстаний: по Геродоту — 22 месяца, по Дарию и вавилонским деловым документам между воцарением Гауматы и полным подавлением восстания Вавилона прошло тоже около 22 месяцев. Характерно другое: Геродот ничего не знает о том, что было не одно, а два восстания; в его рассказе вавилонские цари-самозванцы вообще не упоминаются. И это понятно: для вавилонян, как показывают датировки документов, Навуходоносор III (Нидинту-Бэл) и Навуходоносор IV (Араха) являлись одним и тем же лицом. Поэтому у Навуходоносора IV не было «года начала царствования», а только 1-й год, а Навуходоносор III не дожил до Нового года. Иначе говоря, рядовые вавилоняне почти ничего не знали о своем царе и даже не подозревали, что у них под одним и тем же именем царствовали два разных человека, которые никакой реальной роли не играли.

Восстания организовала вавилонская олигархия, разочаровавшаяся в персах. Она давно желала иметь на престоле безликих марионеток, которых и нашла в лице самозванцев. Но ей, кроме того, надо было привлечь к восстанию народ, прежде всего халдейских воинов. По этой причине самозванцы и приняли имя Навуходоносора, сына Набонида, причем остается неизвестным, существовало ли вообще такое лицо в действительности, или же оно просто было выдуманно олигархами, чтобы увлечь за собой народ знаменем старой халдейской династии. Иными словами говоря, идея фикс вавилонской олигархии — выборность царя — стала настолько непопулярной, что о ней нельзя было даже говорить открыто. А это свидетельствует о том, что вавилонский античный город-государство умер и все попытки гальванизировать его труп были обречены на провал.

Ну а как жили и что делали в это беспокойное время рядовые вавилонские граждане? Персидского завоевания в 539 г. многие из них даже не заметили. Для обывателей оно запечатлелось лишь цепью празднеств, устроенных сначала Набонидом и Валтасаром, а затем Киrom, во время которых произошли какие-то перемены, никак не отразившиеся на жизни города. Теперь же Вавилону пришлось испытать настоящую войну с грабежами, конфискациями и репрессиями, последовавшими за поражением. События 539 г. не оставили никаких следов в деловых документах, зато в 522—521 гг. такие следы налицо, но они говорят не о патриотическом подъеме, а о стремлении извлечь выгоду из переполюха и уберечь себя и свое имущество.

По авторитетному свидетельству Александра Дюма, осенью 1648 г. во время Фронды, накануне осады Парижа королевскими войсками, между шевалье д'Артаньяном, лейтенантом королевских мушкетеров, и Мадлен Тюркен, хозяйкой гостиницы «Козочка» на Тиктонской улице, состоялся следующий разговор:

«— Любезная мадам Тюркен, — сказал д'Артаньян, — если у вас есть деньги, закопайте их поскорее; если есть драгоценности, припрячьте их немедленно; если есть должники, выжмите из них деньги; если есть кредиторы, не платите им.

— Почему так? — спросила Мадлен.

— Потому что Париж будет превращен в груды пепла, подобно Вавилону, о котором вы, должно быть, слышали».

Трудно сказать, какое разрушение Вавилона имел в виду д'Артаньян и что слышала об этом прекрасная Мадлен, но он советовал ей поступить именно так, как вели себя в 522 г. до н.э. в аналогичной ситуации многие вавилоняне.

Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, поздней осенью 523 г. находился где-то в Иране (видимо, в Эламе). Здесь 29 ноября 523 г. ему удалось купить у местных жителей за $2\frac{2}{3}$ мины (842 грамма) серебра двух рабынь-ковровщиц, которых звали Кардара и Патиза. Время было тревожное, и бывалый делец почувствовал, что следует ожидать крупных потрясений. И действительно, вскоре Бардия захватил персидский престол. Итти-Мардук-балату в это время в Вавилоне занимал деньги, где только мог. Так, у некоего Мардук-шум-уцура, сына Аплы, потомка Бэл-этеру, он лично и через подставных лиц в короткий срок получил ряд займов на общую сумму $24\frac{1}{2}$ мины (12,353 килограмма) серебра. Итти-Мардук-балату рассчитывал на то, что кредиторы могут погибнуть и их деньги останутся у него.

Но осенью 522 г. стало ясно, что вавилонское восстание обречено и что после его поражения неизбежно последуют грабежи и конфискации. Тогда Итти-Мардук-балату начал лихорадочно прятать свои деньги, размещать их мелкими вкладами по различным банкирским конторам, желая свести к минимуму неминуемые потери после захвата Вавилона персами. Ему удалось спасти деньги, но не жизнь. В декабре 522 г. Итти-Мардук-балату, его брат Иддин-Набу, его кредитор Мардук-шум-уцур и многие другие вавилоняне погибли. Персы убили их не столько как мятежников, сколько за то, что они слыли богатыми людьми²³⁸.

В числе пострадавших была и семья Илута-бани, халдейская по происхождению. Два ее члена — Ширикту-Мардук и его сын Набу-буллитсу — либо пали на поле боя, либо окончили жизнь на колу в конце 521 г. Их родственник Мушезиб-Бэл уцелел, но был разорен. Во время военных действий его имения сильно пострадали. Финиковые пальмы и фруктовые деревья были вырублены, вместо них пришлось сеять ячмень, что привело к резкому падению размеров рен-

ты. 24 ноября 522 г., накануне разгрома первого восстания, Мушезиб-Бэл, опасаясь конфискаций, перевел на имя своей жены Амти-Сутити одно из имений и рабыню²³⁹. Так вели себя многие вавилонские граждане в годину потрясений.

Утвердив свою власть над империей Ахеменидов, Дарий провел ряд важных реформ, которые затронули и Вавилонию. Всю территорию своего государства он разделил на двадцать провинций-сатрапий, наложив на каждую из них постоянную дань определенного размера. Целостность Вавилонской империи, сохранявшаяся при Кире и Камбизе, была ликвидирована. Вавилония вместе с Ассирией составила IX сатрапию, обязанную ежегодно платить персидскому царю дань в 1000 талантов (30,3 тонны) серебра и 500 мальчиков-евнухов. Все Заречье было отторгнуто от Вавилона и вместе с Кипром вошло в V сатрапию, платившую 360 талантов (10,908 тонны) серебра дани в год. Наконец, арабов, некогда покоренных Набонидом и теперь освобожденных от власти Вавилона, обязали ежегодно приносить персидскому царю в виде дара 1000 талантов (30,3 тонны) ладана.

У Дария было намерение увезти палладий Вавилона — золотой истукан бога Бэла — и тем самым лишить Вавилон государственного существования. Но он все же отказался от этой мысли, принял титул царя Вавилона и сохранил фикцию вавилонской автономии. Это, однако, не мешало ему открыто пренебрегать вавилонской религией и богом Мардуком. В Вавилонии Дарий демонстративно не признавал никаких богов, кроме иранского верховного бога Ахурамазды. Между тем в Египте в качестве фараона Дарий принял египетское тронное имя и оказывал официальные почести египетским богам.

В свою очередь, и вавилоняне платили Дарию плохо скрываемой антипатией. У них, как и других подданных Персидской империи, этот царь получил прозвище «торгаша». О его корыстолюбии ходили анекдоты, с одним из которых — о гробнице царицы Нитокрис — читатели уже знакомы. Такую репутацию Дарию создали, несомненно, его финансовые реформы, наложившие на Вавилонию и другие сатрапии впервые за все годы персидского владычества тяжелую регулярную дань, к чему вавилоняне не привыкли.

Персы провели крупные конфискации земель у вавилонских граждан. Часть их была роздана персидским аристократам, офицерам и чиновникам. С этого времени в Вавилонии появилось персидское землевладение. Так, персидский полковник Багасару стал владельцем части имения семьи Эгиби на канале Тупашу, в связи с чем все имение получило название Бит-раб-кацир («Дом полковника»). Мардук-нацир-апли, ставший главой семьи Эгиби после гибели своего отца Итти-Мардук-балату, сумел приобрести покровителя в лице этого перса и с его помощью уберечься от дальнейших потерь²⁴⁰.

Другая часть конфискованных земель была использована для наделения держателей, обязанных нести военную службу. В зависимости от рода службы эти держания назывались «Дом лука», «Дом коня», «Дом колесницы». Держатели рекрутировались как из вавилонян, так и из иноземцев, проживавших в Вавилонии, бывших вавилонских пленников. Обычно вместо несения службы они платили налоги или выставляли заместителей. За счет держателей возникла и окрепла новая прослойка средних землевладельцев, начавшая теснить коренных вавилонян и халдеев. Одним из таких новых землевладельцев стал Шаттинну, сын Балатсу, потомка Бэл-яу, судя по фамилии, вавилонизированный еврей. При Кире и Камбизе он был скромным жителем города Барсиппы, а при Дарии стал быстро богатеть. В короткий срок он скупил у разорившихся вавилонян не менее семи имений и превратился в состоятельного землевладельца²⁴¹.

Такие люди, как Шаттинну, не связанные с вавилонскими традициями и обязанные своим благополучием Дарию, становятся опорой персидского господства в Вавилонии. Напротив, коренным вавилонянам и халдеям Дарий не доверял. Страну наводняли шпионы и сыщики, зорко следившие за населением.

Помимо уплаты дани вавилоняне обязаны были нести военную службу. Состоятельные люди от нее откупались, нанимая заместителей. Так, например, в 517 г. поступил Мардук-нацир-апли, глава дома Эгиби, которому предстояло отправиться в качестве колесничего на подавление восстания в Эламе²⁴². Но прочим вавилонянам приходилось

служить. Вавилонские солдаты гибли во славу персидского царя царей в Эламе и Индии, во Фракии и в скифских степях Причерноморья, под стенами Милета и на поле Марафона — словом, везде, где Дарий вел войны. А их хозяйства в это время приходили в упадок.

Но самым тяжелым ударом для Вавилонии была инфляция — падение курса серебра, которое с особой силой дало себя знать в царствование Дария (522—486 гг.), когда цены по сравнению с ценами середины VI в. выросли в среднем в два-три раза. Инфляция подорвала доверие к денежному богатству. Особенно сильно она ударила по купцам, банкирам, домовладельцам, держателям храмовых доходов, ремесленникам, рабовладельцам, сдававшим рабов внаем или отпускавшим их на оброк, — в общем, по всем, кто получал доходы в денежной форме. В лучшем положении оказались землевладельцы, получавшие доход натурой. Доходность товарного земледелия не только не упала, но даже поднялась, поскольку цены на сельскохозяйственные продукты росли в первую очередь. В то же время цены на землю оставались стабильными. Поэтому процесс мобилизации земельной собственности чрезвычайно ускорился: стало выгоднее вкладывать деньги в землю.

Инфляция явилась неизбежным результатом социально-экономического развития Вавилонии. Как и везде, она была порождена относительным сокращением товарной и увеличением денежной массы в обращении в результате роста непроизводительных затрат, то есть роста паразитического потребления. Инфляция нарастала постепенно по мере выделения богатой паразитической верхушки общества, тратившей бешеные деньги на роскошь. Персидское завоевание чрезвычайно ускорило и обострило этот процесс. В руках персов оказалась колоссальная добыча, награбленная в завоеванных странах. Они получали громадную дань с покоренных народов. Часть этих богатств и виде слитков золота и серебра оседала в царских сокровищницах Суз, Персеполя и Экбатаны, но немалая доля перепадала персидским аристократам, чиновникам и солдатам. И персы не стеснялись в тратах. Они быстро привыкли к роскоши и научились сорить деньгами, легко им доставшимися. В обращении ока-

залось слишком много денег, тогда как производство товаров падало из-за разорения персидских подданных в результате грабежей и насилий, чинимых завоевателями. Это и привело к стремительному росту цен при Дарии.

Инфляция в сочетании с другими причинами нанесла вавилонскому обществу смертельный удар. Кризис вавилонского античного общества усилился. То же самое происходило и в прочих странах древней цивилизации, ставших персидскими сатрапиями. Персы были бессильны возродить и упрочить античный строй. Более того, превратившись в паразитов и став нахлебниками на шее покоренных народов, они только усилили развал и хаос на одряхлевшем античном Востоке, особенно в Вавилонии. Вавилонская олигархия, возлагавшая надежды на персов, просчиталась и на этот раз жестоко и непоправимо.

Дряхлость античного Востока и бессилие Персидской империи стали очевидными, когда они столкнулись с поднимающимся античным Западом в лице полисов Эллады. Греки по сравнению с вавилонянами, египтянами, финикийцами и сирийцами были отсталым варварским народом. Но греческое общество только что пережило революцию, которая привела к победе античного строя, того самого, который на Востоке вступил в стадию кризиса. Греческое общество было здоровым и полным сил, когда в первой половине V в. до н.э. ему пришлось вступить в борьбу с Персидской империей. На полях Марафона и Платеи, в водах Саламина, Микале и Эвримедонта эллины наголову разгромили полчища персидских царей Дария и Ксеркса и изгнали их со своей земли.

Поражения персов послужили сигналом к восстаниям покоренных народов. В 486–484 гг. восстал Египет. Его примеру последовал Вавилон, где в августе 484 г. появился Бэл-шиманни, претендовавший на титул «царя Вавилона, царя стран», то есть на титул персидского великого царя. Персы легко подавили этот мятеж. В ноябре 486 г. скончался царь Дарий, и на персидский престол вступил его сын Ксеркс (486–465 гг.). Расправившись с восстанием в Египте, он начал готовить грандиозный поход против Эллады. В это время, осенью 482 г., Вавилон снова поднял восстание и провозгласил царем некоего Шамаш-эрибу, сумевшего

продержаться около двух месяцев. Восстание было подавлено без особого труда. А затем последовала расправа не столько с повстанцами, сколько с самим Вавилоном. Ксеркс увез из Эсагилы золотой истукан бога Бэла, палладий Вавилона. Вавилонское царство, основанное в 1894 г. до н.э. аморейским вождем Сумуабумом, прекратило свое существование, и на этот раз окончательно²⁴³.

Вавилонское гражданство было ликвидировано. Вавилоняне лишились своих земель. Их конфисковали и раздали персам. Вавилония стала рядовой персидской сатрапией, а ее жители — подданными и данниками персидского царя, обрабатывавшими в качестве арендаторов и батраков земли персидских землевладельцев. Вавилонская олигархия, непосредственная виновница этой катастрофы, сама погибла под пятой завоевателей.

Вавилон, лишившийся своей государственности и автономии, продолжал оставаться большим городом. Время от времени в нем жили персидские цари. Но город хирел, угасал, терял былое экономическое значение. В V—III вв. до н.э. на первое место в Вавилонии выдвинулись города Ниппур и Урук, сохранившие свой статус городов-государств и свое гражданство²⁴⁴.

В 324 г. до н.э. закончился поход Александра Македонского. Великий завоеватель прибыл в Вавилон, который он избрал столицей своей колоссальной державы. Казалось, древнему городу предстоял новый небывалый расцвет. Но летом 323 г. Александр умер в царском дворце, построенном еще Навуходоносором II. Началась борьба диadoхов, во время которой Вавилон неоднократно переходил из рук в руки и подвергался опустошению. В 312 г. в Вавилонии утвердился Селевк, один из диadoхов, создавший обширную монархию в Передней Азии. Однако столицами его державы стали вновь основанные эллинистические города Селевкия на Тигре (на месте Описа) и Антиохия на Оронте (в Сирии), а не Вавилон.

Вавилон тоже превратился в эллинизированный город и даже завел у себя греческий театр, но это не спасло его от упадка. Селевкия скоро затмила его, и часть вавилонян, наиболее активная и богатая, переселилась туда. В 129 г. до н.э.

Вавилонию завоевали парфяне, которые в 126 г. до н.э. разгромили и сожгли Вавилон за его эллинистические симпатии. От этого погрома древний город уже не смог оправиться. Он пустел, жители покидали его, и к началу нашей эры от него остались одни руины. В первые века нашей эры на месте Вавилона существовало небольшое поселение иудеев и сирийских христиан, которые показывали путешественникам руины дворца Навуходоносора II, остатки Вавилонской башни, ров львиный и «пещь огненную». Затем и эти следы затянуло землей. От Вавилона остались одни холмы, в которых в Средние века арабы добывали кирпич для строительства Багдада и других соседних городов и селений.

Так незаметно исчезли с лица земли Вавилон и вавилоняне, и только археологические раскопки и упорный труд нескольких поколений ученых-ассириологов в XIX—XX вв. позволили шаг за шагом восстановить историю этого замечательного народа, прямого наследника шумерийцев, создателей древнейшей на земле цивилизации, ровесницы египетской.

Однажды в лагере немецкой археологической экспедиции, занимавшейся раскопками Вавилона, появился странный посетитель в совершенно истрепанной одежде европейского покроя, с измятой шляпой на голове, сломанным зонтиком и узелком с жалкими пожитками в руках. Он, едва не принятый сначала за бродягу, оказался патером Джонсом из колледжа Св. Марии в Иерусалиме. Этот старик в одиночестве пешком проделал невероятно трудный путь из Палестины через раскаленную Сирийскую пустыню, чтобы на закате жизни взглянуть на то, что осталось от священного Вавилона. Роберт Кольдевей, начальник экспедиции, понял его и принял с почетом.

Как только начались раскопки Вавилона, к руинам этого города потянулись толпы людей разного цвета кожи, национальности и вероисповедания. Этот

поток не прекращается и по сей день, и все стремятся увидеть своими глазами Вавилон. Почему? Мы снова возвращаемся к вопросу, который стоит в начале книги. Почему именно Вавилон вызывает такой интерес?

Раскопки Вавилона относятся к числу самых грандиозных и дорогостоящих в истории археологии. Тем не менее в свое время они были признаны неудачными. Столпы официальной науки сочли себя обманутыми в своих самых лучших ожиданиях. Их бесконечные нападки попортили немало крови Роберту Кольдевею и раньше времени свели его в могилу. Ему ставилось в вину, что он не нашел ни золотых кладов, вроде тех, что обнаружил Леонард Вулли в царских гробницах Ура, ни библиотек, ни статуй, ни рельефов, подобных открытым в развалинах ассирийских городов Ниневии, Дур-Шаррукина, Ашшура и Кальху.

Роберт Кольдевей — неудачник! Архивы деловых документов нашли в вавилонских холмах за много лет до его раскопок. Вызвавший сенсацию базальтовый столб с текстом Законов вавилонского царя Хаммурапи открыли в 1901 г. в Сузах французские археологи, а не он, копавшийся в это самое время в Вавилоне. Грунтовые воды не позволили ему раскопать Вавилон II тысячелетия до н.э. Единственным сюрпризом его раскопок были Ворота богини Иштар, но и тут Кольдевею не повезло: он умер в 1925 г., за год до того, как этот замечательный памятник был восстановлен во всем своем великолепии в берлинском Переднеазиатском музее.

Роберт Кольдевей открыл Вавилон эпохи Навуходоносора II. Он нашел остатки Вавилонской башни, Эсагилы, висячих садов, царского дворца, моста через Евфрат, стены, улицы и дома Вавилона. Но не этого от него ждали. Все это было известно науке и до раскопок.

Такова была официальная оценка труда, которому Роберт Кольдевей отдал жизнь. Однако люди XX в. идут и идут поклониться своему прошлому, развалинам проклятого Вавилона, раскопанным Робертом Кольдевеем. Что же влечет их к ним? А то, что раскопки Роберта Кольдевея воочию продемонстрировали существование Вавилона и его чудес, известных всему человечеству, и люди, не имеющие никакого отношения ни к археологии, ни к истории, подобно пате-

ру Джонсу, испытывают неодолимую потребность убедиться в этом собственными глазами. В этом-то и состоит бессмертная заслуга Роберта Кольдевея перед наукой, чего не могли и не хотели понять травившие его академические жрецы.

Читатель уже знает о многом, чем обязана Вавилону и вавилонянам мировая цивилизация. Но не в этом таится причина неослабевающего интереса к Вавилону. Интерес вызывает не Вавилон вообще, а именно Вавилон эпохи Навуходоносора II, эпохи Вавилонского столпотворения, открытый Робертом Кольдевеем, то есть Вавилон, пораженный смертельным недугом. Здесь и заключается ответ на интересующий нас вопрос: почему?

Вавилон эпохи столпотворения был первым обществом античного мира, вступившим в стадию кризиса. В нем впервые пороки и язвы цивилизации предстали во всей своей наготе. Вид их поразил и ужаснул соседние народы, особенно древних евреев и эллинов, произвел на них неизгладимое впечатление, которое они сумели передать остальному человечеству. С этого времени Вавилон стал образом и символом всякого разлагающегося общественного организма.

Вавилона давно не существует, однако слова «Вавилон», «Вавилонское столпотворение», «Вавилонская блудница» и вешее изречение «мене, мене, текел, упарсин» вот уже двадцать пять веков не сходят с уст людей.

- ¹ Шумером называлась южная, приморская, часть страны, а Аккадом — северная; граница между ними проходила несколько выше города Ниппура.
- ² Ж. Сюрэ-Каналь. Традиционные общества Тропической Африки и марксистская концепция «азиатского способа производства». — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.
- ³ Так называют Палестину, Финикию (современный Ливан), Сирию и Месопотамию, которые протянулись в форме полумесяца от Средиземного моря до Персидского залива.
- ⁴ Исаия, I, 5—7.
- ⁵ На аккадском (ассиро-вавилонском) языке глагол *pasahu* значит «вырывать с корнем», «искоренять».
- ⁶ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, с. 118 сл.
- ⁷ Г. Светоний Транквилл. Тиберий, 32, 2; Иосиф Флавий. Иудейские древности, XVIII, 6, 5.
- ⁸ Анналы Синаххериба (Призма Тейлора), II 69 — III 29.
- ⁹ Она была уроженкой Сирии, где ее звали Наки'а («Чистая» по-арамейски), что в ассирийском переводе стало звучать Закуту.
- ¹⁰ Borger. *Asarhaddon*, § 27, S. 40 f.
- ¹¹ 4 Книга Царств, XIX, 37; Исаия, XXXVII, 38; *H. Hirschberg*. *Studien zur Geschichte Esarhaddons, König von Assyrien (681—669)*. Ohlau in Schlesien, 1932. S. 11—14.
- ¹² ABL 1216.
- ¹³ Borger. *Asarhaddon*, § 11, S. 12 f.

¹⁴ Там же, § 11, S. 15.

¹⁵ Там же, § 11, S. 20 f.

¹⁶ Вавилонская хроника BM 92 502, IV 1–2, Хроника Асархаддона BM 25 091, лиц. 10–11; Borger. Asarhaddon, § 21, 27, S. 33, 52; ABL 258, 336, 756.

¹⁷ L. W. King. Babylonian Boundary-Stones and Memorial-Tablets in the British Museum. London, 1912, pls. 6–10, p. 70–75.

¹⁸ В. А. Белявский. Симптомы кризиса рабовладельческого строя в Новом Вавилоне (VI в. до н.э.). — «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 8, с. 60.

¹⁹ Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), I 11–12; Borger. Asarhaddon, § 43–46; ABL 4, 33, 35, 47, 51, 53, 77–83, 204, 354, 356, 362, 369, 370, 384, 386, 404–407, 539, 598, 604, 628, 689, 692, 693, 694, 696, 697, 885, 1097, 1383.

²⁰ ABL 32.

²¹ ABL 308.

²² ABL 126.

²³ ABL 34, 117, 118, 594, 656.

²⁴ Вавилонская хроника BM 92 502, IV 29; Хроника Асархаддона BM 25 901; об. 4; ABL 1217.

²⁵ Это восстание Египта было подавлено в 667 г. Такая же участь постигла и восстание 664 г. Но в 654 г. Египет, объединившийся под властью фараона Псамметиха I, навсегда сбросил ассирийское иго.

²⁶ ABL 1105, 1239.

²⁷ ABL 202, 472.

²⁸ J. Knudtzon. Assyrische Gebete an den Sonnengott. Leipzig, 1893. Nr. 104, 106, 149.

²⁹ M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Niniveh's. Leipzig, 1916, S. 226–248, 262–270; Borger. Asarhaddon, § 57, 59.

³⁰ Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), III 72–77.

³¹ ABL 878.

³² ABL 119, 120.

³³ ABL 176, 255, 301, 347, 778, 782, 847, 1247.

³⁴ Вавилонская хроника BM 92 502, IV 38; Хроника Асархаддона BM 25 901, об. 16; ABL 137, 415, 416, 702, 928, 1111.

³⁵ ABL 1215.

³⁶ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 2. Л., 1936, с. 53 сл.

³⁷ Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), III 78–106; Хроника BM 86 379, лиц. 9–11; ABL 301.

³⁸ ABL 259, 260, 262, 1117.

³⁹ Хроника BM 86 379, лиц. 12 — об. 3.

- ⁴⁰ Н. Н. Figulla. Der Briefwechsel Bêlibni's. Leipzig, 1912.
- ⁴¹ ABL 804–808, 1339.
- ⁴² A. L. Oppenheim. «Siege-Documents» from Nippur. — «Iraq», 17, 1956, p. 76–77.
- ⁴³ ABL 1186.
- ⁴⁴ ABL 522.
- ⁴⁵ ABL 349.
- ⁴⁶ ABL 1339.
- ⁴⁷ ABL 844, 926, 951, 971, 975; Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), IV 77–91.
- ⁴⁸ Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), IV 92–96
- ⁴⁹ В. А. Белявский. Этнос в древнем мире. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Л., 1967, с. 23–27.
- ⁵⁰ ABL 892; В. А. Белявский. Потомки Эа-илута-бани. — «Вестник древней истории», 1968, № 1, с. 101–102.
- ⁵¹ M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergange Niniveh's. Leipzig, 1916, S. 248–252.
- ⁵² ABL 283, 793.
- ⁵³ A. L. Oppenheim. «Siege-Documents» from Nippur. — «Iraq», 17, 1955.
- ⁵⁴ Иеремия, VI, 22–23.
- ⁵⁵ Наум, III, 1–4.
- ⁵⁶ Диодор, II, 28.
- ⁵⁷ Наум, II, 2–13; III, 18–19.
- ⁵⁸ 4 Книга Царств, XXIII, 29–30; 2 Книга Паралипоменон, XXXV, 20–25; Иосиф Флавий. Иудейские древности, 10, 74–78; Геродот, II, 159.
- ⁵⁹ NBK.I, S. 68, Набопаласар № 4, 17–21.
- ⁶⁰ NBK.I, S. 272 f., Набонид № 8. II 1–41.
- ⁶¹ Пер. В. А. Белявского.
- ⁶² Второзаконие, XV, 12–14.
- ⁶³ 4 Книга Царств, XXIV, 6–18; 2 Книга Паралипоменон, XXXVI, 6–16; Иеремия, XXII, 18–19; XXIX, 2; LII, 28; Иезекииль, XVII, 12–14; Иосиф Флавий. Иудейские древности, 10, 96–103.
- ⁶⁴ Nbk 56, 82.
- ⁶⁵ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 2. Л., 1936, с. 86.
- ⁶⁶ Геродот, I, 73.
- ⁶⁷ Иеремия XXXVII, 9–10.
- ⁶⁸ Плач Иеремии, IV, 17.
- ⁶⁹ Иеремия, XXXII, 14–15.
- ⁷⁰ Геродот, I, 74; R. Ph. Dougherty. Nabonidus and Belshazzar. New Haven, 1929, p. 33 ff.
- ⁷¹ Иезекииль, XXVII, 4–9, 14–18.

⁷² Иезекииль, XXIX, 18.

⁷³ Иосиф Флавий. Против Апиона, I, 21; Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. III. Stuttgart, 1937, S. 177 f.; O. Eissfeldt. Das Datum der Belagenmg von Tyros durch Nebukadnezar, in Ras Schamra and Sanchunjonaton. — «Beiträge zur Rel. Geschichte des Altertums», 1939, Nr. 4, S. 4–8.

⁷⁴ Nbk 329; Иезекииль, XXIX, 19–21; Геродот, II, 161–163; IV. 159; J. H. Breasted. Ancient Records of Egypt, vol. IV. Chicago, 1907, § 996–1007, p. 509–512; Б. А. Тураев, указ. соч., с. 87.

⁷⁵ NBK.I, S. 166 f., Навуходоносор № 19, VI 60–76; S. 92, № 9 II 10–17; S. 134, № 15, VI 39–56; Геродот, I, 185.

⁷⁶ NBK.I, S. 124, Навуходоносор № 15, II 12–39.

⁷⁷ Геродот, I, 193.

⁷⁸ Арриан. Поход Александра, VII, 21; B. Meissner. Palacottas. — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», 1891, I.

⁷⁹ Ксенофонт. Анабасис II, 3, 10; 4, 13.

⁸⁰ Ирригационная система и канал Паллукат, построенные в VI в. до н.э., функционировали вплоть до середины XIII в. Они были разрушены во время монгольского нашествия.

⁸¹ NBK.I, S. 64, Набопаласар, № 2.

⁸² YOS III 25.

⁸³ VAS VI 84.

⁸⁴ В. А. Белявский. Потомки Эа-илута-бани. — «Вестник древней истории», 1968, № 1, с. 110–111, прим. 100.

⁸⁵ TCL XIII 150.

⁸⁶ VAS VI 66; ср. VAS III 7, 35, 39, 50, 52; VAS V 12, 19, 22; VAS VI 50, 60, 300.

⁸⁷ TuM II/III 195.

⁸⁸ Онагр — вид дикого осла, водящийся в Передней Азии.

⁸⁹ YOS VI 40.

⁹⁰ Геродот, I, 193.

⁹¹ Ксенофонт. Анабасис, II, 3, 10.

⁹² Nbn 462, 1054; Camb 248; VAS VI 76.

⁹³ Nbk 266.

⁹⁴ А. Г. Кифишин. Топография Лагаша и родовая организация шумеров (доклад, прочитанный на заседании отделения этнографии Географического общества СССР 24 мая 1968 г.). У древних греков родовые профессии назывались «мойра» (судьба, рок, предопределение), что точно соответствует шумерийскому «ме». Пережитком родовых профессий были также «цехи», введенные у римлян царем Нумой Помпидием в начале VII в. до н.э. (Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. М., 1958, с. 333; Плутарх. Нума Помпидий, 17.)

- ⁹⁵ YOS VI 11.
- ⁹⁶ YOS VI 150.
- ⁹⁷ Nbn 2, 119; GCCI 1322; YOS VII 233.
- ⁹⁸ Nbk 98, 153, 215, 220, 234, 354, 372, 393, 394, 430; Ev. M 4; Ner 18. 54; Nbn 97, 185, 270, 318; 362, 382, 384, 462, 483, 505, 506, 521, 561, 568, 596, 774, 882, 899, 902. 985, 993, 1002, 1028, 1071, 1085, 1126; Cyr 34, 36, 53, 67, 158, 184, 204, 247, 258, 260, 333, 350, 364; Camb 54, 76, 327; Dar 110, 111, 148, 317, 343, 359, 533, 547; TCL XII 73; TCL XIII 163; VAS VI 67; YOS III 42; CT XXII 8, 78, и др.
- ⁹⁹ Аналогичные формы крупной аренды сложились в Римской империи, например в императорских сальтусах (поместьях) в провинции Африка. Здесь такие арендаторы-откупщики назывались «кондукторами».
- ¹⁰⁰ Nbn 372, 442, 470, 477, 504, 720, 755, 1111; TCL XIII 192, 219; Cyr 129/130; Camb 174, 214, 215; M. San Nicolò. *Ein urteil des königlichen gerichtes in Babylon aus der zeit des Nabonid.* — «Symbolae ad iura orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae». Leiden, 1939.
- ¹⁰¹ Nbk 281, 290, 301. 309, 314, 357, 358, 367, 384, 387, 389, 397, 400, 402, 406; Ev. M 2, 8, 11, 12, 21; Ner 8, 10, 15, 21, 22, 32, 35, 38, 43, 44, 50, 66, 67, 68, 69, 71; Lab 3; Nbn 4, 5, 11, 17, 18, 19, 30, 34. 36, 52, 71, 83, 100, 103, 107, 122, 123, 128, 130, 134, 141, 145, 148, 151, 152, 157, 160, 169, 1716, 210, 260, 261, 263, 268, 280, 287, 294, 325, 344, 369, 427, 445/1109, 515, 562, 576/577, 619/375, 663, 678, 722, 756, 808, 820, 943, 1014, 1020; Cyr 12, 27, 45, 65, 76, 91, 141, 169, 376; Camb 46, 272; Dar 260; TCL XII 72; Liv 21, 27, 123; Moldenke 25; CT XXII 80, 81, 157, 182.
- ¹⁰² Nbk 115; Nbn 570, 578; Cvr 236; Camb 280; Sm 8; Dar 257, 286, 290, 300, 329, 348, 371, 385, 386, 448; Liv 33.
- ¹⁰³ VAS III 14, 16, 17, 29, 45; VAS VI 80.
- ¹⁰⁴ VAS III 54, 92, 93, 113; VAS V 26.
- ¹⁰⁵ Nbn 570, 1008; Cyr 141, 146, 154, 362; Camb 135, 164, 167, 218, 257, 321, 329, 369, 391, 409; Dar 177, 261, 308, 309, 345, 360, 369, 376, 384, 400, 405, 429, 430, 452, 459, 509; Liv 27; TCL XIII 193; CT XXII 8, 73, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 215, 243; T. G. Pinches. *A Babylonian Dower-Contract.* — «The Babylonian and Oriental Record», vol. II. no. 1. London, 1887/1888; T. G. Pinches. *Inscribed Babylonian Tablets in the Possession of Sir Henry Peek*, vol. IV. London, 1894, no. 22.
- ¹⁰⁶ Nbn 973; Cyr 217; Camb 334, 335, 348, 362.
- ¹⁰⁷ Колумелла, II, 12.
- ¹⁰⁸ Маркетри — инкрустация из разноцветных кусочков дерева.
- ¹⁰⁹ TCL XII 84; Nbn 571.
- ¹¹⁰ Cyr 64, 315.

- ¹¹¹ Cyr 248, 325; Camb 245; Dar 457; T. G. Pinches. Tablets referring to the Apprenticeship of Slaves at Babylon. — «The Babylonian and Oriental Record», vol. I. London, 1886/1887.
- ¹¹² Cyr 313.
- ¹¹³ Nbn 340.
- ¹¹⁴ VAS V 15; Nbn 113; Cyr 339.
- ¹¹⁵ Nbp 2; Nbk 14, 295, 375; Nbn 41, 225, 452, 460, 775, 898, 927, 978, 1023, 1099; Cyr 100, 157, 162; Camb 140, 181, 183, 227, 234, 271, 289, 367; Dar 58, 162, 442; YOS III 140; YOS VI 1, 87; 133; TCL XII 102, 104; VAS IV 37; VAS VI 5, 8 и др.
- ¹¹⁶ Nbk 415, 445; Nbn 104, 125, 290, 662, 824, 896, 1090; Cyr 19; Camb 21, 302; YOS VI 218; YOS VII 42, 78, 183, и т. д.
- ¹¹⁷ Nbk 307.
- ¹¹⁸ VAS VI 141.
- ¹¹⁹ Nbn 824, 963, 1088; Camb 175, 199, 202, и т. д.
- ¹²⁰ VAS VI 15, 16, 17, 23, 24, 26, 28, 41, 71; Nbk 87, 305; Ner 29, 65; Nbn 159, 174, 217, 242, 284, 285, 302, 349, 361, 465, 492, 494, 532, 544, 546, 547, 705, 723, 726, 751, 783, 788, 789, 794, 826, 879, 880, 885, 898, 908, 948, 952, 979, 1015; Cyr 104, 186, 191, 202, 259, 296, 352; Camb 133; CT IV 608.
- ¹²¹ Так, в немецком городе Франкфурте-на-Майне в XIV—XV вв. в металлообрабатывающей промышленности насчитывалось 35 различных профессий, в деревообрабатывающей — 17, в строительном деле — 19 профессий, каждая из которых имела свою цеховую организацию (K. Bücher. Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV—XV Jahrhundert, Bd. I. Tübingen, 1886, S. 141—147.).
- ¹²² Геродот, I, 194.
- ¹²³ Nbk 31, 83, 266, 322, 369, 411, 413, 430, 431; VAS III 36; Иеремия, XXXIX, 3, 13; E. Unger. Babylon. Berlin — Leipzig, 1931, S. 285, Константинопольская призма № 7834, IV 22; Иосиф Флавий. Против Апиона, I, 20; Иосиф Флавий. Иудейские древности, 10, 231.
- ¹²⁴ Nbk 185, 189, 196, 199/108, 200, 327/179; Ev. М 9, 14, 16, 19, 22, Ner 9; Liv 10; Moldenke 11, 12; Nbn 238/239; V. A. Beljawski. Der politische Kampf in Babylon in den Jahren 562—556. Chr. — «In memoriam Eckhard Unger. Beiträge zu Geschichte, Kultur und Religion des Alten Orients». Baden-Baden, 1971.
- ¹²⁵ Ner 7, 39, 55, 58; Nbn 270, 581, 688; V. A. Beljawski, *ibidem*.
- ¹²⁶ Nbn 68, 69.
- ¹²⁷ Camb. 384.
- ¹²⁸ Nbn 44.
- ¹²⁹ Греки называли город Βαβυλών, что в византийском произношении превратилось в «Вавилон» и в таком виде перешло в русский язык.

- ¹³⁰ Геродот, I, 178.
- ¹³¹ Диодор, II, 7.
- ¹³² Страбон, XVI, 1, 5; Кв. Курций Руф, V, 4.
- ¹³³ Ниневия при Ашшурбанипале занимала площадь 7,3 кв. км (в кольце стен), Афины эпохи Перикла — 2 кв. км (в кольце стен Фемистокла), Рим времен Суллы и Цезаря — около 3 кв. км, а в императорскую эпоху — около 16 кв. км.
- ¹³⁴ Летопись Ашшурбанипала (Цилиндр Рассама), VI 107–124; Хроника BM 25 127, лиц. 15–17; NBK.I, S. 276, Набонид № 8, III, 34–43.
- ¹³⁵ Бог Набу считался сыном Бэла и по рангу стоял ниже его, но выше Мардука, бога собственно Вавилона.
- ¹³⁶ Геродот, I, 183.
- ¹³⁷ Бытие, XI, 1–9.
- ¹³⁸ Геродот, I, 181.
- ¹³⁹ Иосиф Флавий. Иудейские древности, II: 226; ср. Иосиф Флавий. Против Апиона, I, 19: «В этом дворце он воздвиг каменные возвышения, которым придал вид гор. Затем он обсадил их разными деревьями и искусственно создал так называемый “висячий сад”, потому что его жена, выросшая в Мидийской стране, любила гористую местность». В обоих случаях Иосиф Флавий цитировал вавилонского историка Бероса.
- ¹⁴⁰ На самом деле, как показали раскопки, это был неправильный четырехугольник с наибольшей длиной около 42 м, наибольшей шириной около 30 м и площадью около 1000 кв. м.
- ¹⁴¹ Диодор, II, 10.
- ¹⁴² Наружная часть Ворот богини Иштар и участок процессионной дороги воссозданы в натуральную величину с использованием их подлинной облицовки, доставленной из Вавилона, в Переднеазиатском музее в Берлине.
- ¹⁴³ NBK.I, S. 138, Навуходоносор № 15, VIII 64 — IX 2; S. 116 f., № 14, II 31 ff.; S. 188, № 21, II 21 ff.; Иосиф Флавий. Иудейские древности, II: 225; Иосиф Флавий. Против Апиона, I, 19.
- ¹⁴⁴ Геродот, I, 178–179; см. также прим. 2 и 3. По Ктесию, вавилонские стены имели 50 оргий (92,5 м) высоты и такую ширину, что по ним могли ехать шесть колесниц в ряд; они насчитывали 250 башен. Другие греческие путешественники писали, что стены достигали 50 локтей (25 м) высоты, 32 футов (10 м) толщины и имели 50 башен высотой 60 локтей (30 м) каждая.
- ¹⁴⁵ Геродот, I, 185–186.
- ¹⁴⁶ Геродот, I, 180.
- ¹⁴⁷ Nbn 53.
- ¹⁴⁸ Camb 182, 226, 253; Dar 129, 423, 424.

- ¹⁴⁹ Dar 75, 140, 379, 428.
- ¹⁵⁰ Ner 1; Liv 14; Nbn 367, 434, 451, 508, 572, 653; Cyr 378.
- ¹⁵¹ Camb 330, 331.
- ¹⁵² Нана-ана-битишу: Nbn 314, 668, 669; TCL XII 122; Dar 168; Хашта: Nbk 12.
- ¹⁵³ VAS IV 29; VAS VI 238; Dar 9.
- ¹⁵⁴ Berens 103.
- ¹⁵⁵ TCL XII 60.
- ¹⁵⁶ BIN I 93.
- ¹⁵⁷ Nbn 335, 390, 391, 392; TCL XII 94.
- ¹⁵⁸ Геродот, I, 197.
- ¹⁵⁹ Аналогичные порядки известны и в Риме, где знаменитые авгуры и гаруспики тоже были не жрецами, а специалистами в области религии, услугами которых пользовались римские магистраты (в том числе и жрецы — понтифики, фламины и пр.) и частные лица.
- ¹⁶⁰ Вот, например, что писал по этому поводу греко-римский писатель Плутарх в биографии Перикла (гл. 2): «Ни один юноша, благородный и одаренный, посмотрев на Зевса в Писе, не пожелает сделаться Фидием или, посмотрев Геру в Аргосе, — Поликлетом, а равно Анакреонтом, или Филемоном, или Архилохом, прельстившись их сочинениями: если произведение доставляет удовольствие, из этого еще не следует, чтобы автор его заслуживал подражания». Плутарх не случайно назвал самых знаменитых греческих скульпторов и поэтов: их слава считалась позорной для всякого уважающего себя гражданина, которому пристало быть лишь хорошим землевладельцем и доблестным солдатом. Таковы были понятия о чести в древности.
- ¹⁶¹ Геродот, I, 195.
- ¹⁶² Nbn 697, 755, 802; Cyr 49, 64, 129, 130; Camb 97; CT XXII 6, 110.
- ¹⁶³ KB IV, S. 238; Nbn 380.
- ¹⁶⁴ VAS IV 207; VAS V 35; VAS VI 97, 101/102.
- ¹⁶⁵ Cyr 311, 312; ср. Cyr 178, 243, 364; Camb 326; Dar 42.
- ¹⁶⁶ Эксомида (*греч.*) — короткая рубашка, туника без рукавов.
- ¹⁶⁷ TuM II/III 2; TCL XIII 200.
- ¹⁶⁸ Cyr 277, 320, 323/346, 334, 366; Camb 217.
- ¹⁶⁹ Nbn 85, 187, 356, 1104.
- ¹⁷⁰ Nbk 147, 254, 265; Nbn 15, 82, 351, 466, 508, 611, 657, 697, 727, 741, 753, 757, 820; Cyr 27, 48, 51, 65, 160/161, 284, 303, 321; Camb 165, 263, 279, 307, 341, 351, 356, 370, 372; Dar 93, 410; CT XXII 6.
- ¹⁷¹ Nbn 71, 122, 268, 280, 441, 466, 613, 858, 1123; Cyr 12, 27, 223, 224, 377; Camb, 43, 54, 68, 86, 125, 127, 135, 161, 167, 253, 285; Dar 379, 410; CT XXII 9.

- ¹⁷² Cyr 129, 130.
- ¹⁷³ Nbk 216, 254, 265; Ev. M 11; Nbn 68, 69, 474, 697.
- ¹⁷⁴ Nbn 71, 966, 967; Cyr 315; Camb 184, 214, 217; Nbk 13; Dar 35, 114, 123, 124, 126, 171, 194, 266, 305, 310, 319, 336, 338, 353, 379, 465, 466, 467, 468, 488, 492; Moldenke 21, 31.
- ¹⁷⁵ VAS V 47, 57/58; VAS IV 78, 79.
- ¹⁷⁶ Nbk 359; Nbn 314, 609, 626, 665, 668, 669, 679, 682, 760; TCL XII 122.
- ¹⁷⁷ Nbn 336, 340, 348, 367, 388, 400, 434, 479, 495, 501, 508, 509, 516, 518, 526, 533, 605, 674, 681, 716, 769, 776, 815, 827, 838, 845, 858, 874, 875, 931, 945, 954, 1030, 1103, 1114, 1120; Liv 1; Cyr 337; Moldenke 22, 25.
- ¹⁷⁸ Nbn 715, 787, 1031; Cyr 177, 316; Camb 2, 31, 143, 144, 326, 365, 372; CT XXII 6; Liv 19; Dar 80, 265.
- ¹⁷⁹ Nbn 367, 383; Cyr 340; Camb 287, 305, 307, 330, 331, 334, 335, 338, 360, 372, 376; Dar 26, 95, 119, 142, 172, 193, 202, 236, 246, 273, 289, 340, 379, 429, 457, 470, 473; T. G. Pinches. A Babylonian Dower-Contract. — «The Babylonian and Oriental Record», vol. II, no. I. London, 1887/1888; TCL XIII 193.
- ¹⁸⁰ В. В. Струве. История Древнего Востока. М., 1941. — «Всемирная история», т. I. М., 1955; В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1970, и др.
- ¹⁸¹ Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4; И. А. Стучевский. Зависимое население Древнего Египта. М., 1966.
- ¹⁸² M. San Nicolò. Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung. München, 1941.
- ¹⁸³ Nbk 301.314; ср. Nbn 103.
- ¹⁸⁴ Camb 319, 362.
- ¹⁸⁵ В. В. Струве. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине. — «Палестинский сборник», 1958, № 3 (66).
- ¹⁸⁶ Nbk70; YOS VI 154.
- ¹⁸⁷ Dar 379.
- ¹⁸⁸ Я исследовал 162 нововавилонские купчие, в которых зафиксирована продажа 232 рабов, в том числе 103 мужчин (около 44%) и 129 женщин (около 56%). На заре становления античного общества преобладали рабыни, поскольку господствовало домашнее патриархальное рабство, а в пору расцвета, когда имела место широкая завоевательная политика и рабы были дешевы, — рабы-мужчины. Новый Вавилон уже миновал эти фазы развития. Вавилонское общество было к этому времени настолько насыщено рабами, что размножение рабского стада стало одним из основных источников его воспроизводства и пополнения.
- ¹⁸⁹ Camb 85.
- ¹⁹⁰ Иеремия XXIX, 4–7.

- ¹⁹¹ Эта легенда легла в основу «пешного действия», церковного обряда-мистерии, справлявшегося ежегодно в декабре в допетровской Руси. При царе Алексее Михайловиче на этот сюжет Симеон Полоцкий написал силлабическим стихом первую русскую театральную пьесу «Комедия о Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отрощех в печи не сожженных»; Даниил, III.
- ¹⁹² YOS VI 154.
- ¹⁹³ YOS VI 208; YOS VII 7, 31, 35, 46, 58, 70, 73, 82, 96, 102, 111, 149, 198; YOS I 8, 158; YOS III 8, 19, 182, 185, 198; TCL IX 85, 86, 92, 95, 104; TCL XIII 125, 134, 181, 182, 183; BIN I 19, 33, 63; R. Ph. Dougherty. *The Shirkûtu of Babylonian Deities*. New Haven, 1923, p. 47–49, 61–65; M. San Nicolò. *Der Monsterprozeb des Gimillu, eines širku von Eanna*. — «Archiv Orientáni», vol. 5, no. 1, 1933; A. T. Olmstead. *History of the Persian Empire*. Chicago, 1948, p. 72–73, 134.
- ¹⁹⁴ Этих рабов редко называли «рабами» (*ardu*). Обычно их звали «холоп» (*qallu*), «холопка» (*qallatu*) — в смысле «маленький, подневольный человек». Рабынь иногда называли «малая» (*sahirtu*), «рабыня» (*amtu*), «служанка» (*aštarīgu*). Совокупность рабов обоего пола называли также *lamutanu*, *latanu* — «находящиеся вокруг», слуги, или просто *amelutu* — «людьё». Рабов, принадлежавших одному владельцу, обозначали термином *niše-biti* — «люди дома» (лат. *familia*), а раба, рожденного в доме рабовладельца, — *maḡbuti* — «сын дома» (лат. *verna*).
- ¹⁹⁵ «Цельная семья состоит из рабов и свободных... Первые и самые малые части семьи суть: господин и раб, муж и жена, отец и дети». Гражданину «самой природой предназначены женщина и раб» — первая дает продолжение жизни семье, а второй обслуживает семью (см. Аристотель. *Политика*, 1, 1 (2), 5, 6; 2 (3), 1).
- ¹⁹⁶ VAS VI 86.
- ¹⁹⁷ VAS VI 116; Nbn 990.
- ¹⁹⁸ Camb 290.
- ¹⁹⁹ Nbn 564, 573.
- ²⁰⁰ Nbk 346, 379, 408; Nbn 1113.
- ²⁰¹ TCL XII 88; Nbn 218, 232, 244, 738; Camb 361, 365.
- ²⁰² Nbn 182, 274/126, 353, 499; Liv 12; CT XXII 9.
- ²⁰³ Nbk 96, 117, 203; Nbn 300.
- ²⁰⁴ Пекулий — здесь имущество, предоставленное господином в распоряжение раба.
- ²⁰⁵ VAS III 42; VAS V 9, 23, 24; VAS VI 53, 60.
- ²⁰⁶ Dar 395/396; cp. Camb 119, 125, 279, 308, 351, 369; Nbk 17; TCL XIII 184; Dar 97, 134, 243, 269, 349, 361, 379, 412, 413, 428, 480, 492, 526.
- ²⁰⁷ TCL XII 117; cp. YOS VI 108.
- ²⁰⁸ An. Or. VIII 21.

- 209 YOS VII 97.
- 210 TCL XIII 163; BIN I 54.
- 211 Пер. В. А. Белявского.
- 212 Nbk 372, 381, 382, 393; VAS III 25
- 213 Исаия, XXI, 9.
- 214 G. G. Cameron. *History of Early Iran*. Chicago, 1936, p. 221-222; Ю. Б. Юсифов. Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов. — «Вестник древней истории», 1958, № 3, с. 24.
- 215 4 Книга Царств, XXV, 7–30.
- 216 Neg 13.
- 217 NBK.I, S. 276, Набонид № 8, IV 14–33.
- 218 Даниил, IV.
- 219 M. San Nicolò. *Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung*. Munchen, 1941. S. 16, 18–19, 29–30.
- 220 TCL XII 40, 48, 64, 66, 68, 90; YOS VI 4, 5, 11, 12, 16, 21, 22, 24, 25, 32, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 55, 57, 59, 63, 65, 67, 73, 78, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 92, 94, 101, 107, 111, 129, 130, 143, 158, 159, 183, 185, 194, 199, 207, 209, 242, 243; An. Or. VIII 19, 21, 70; GCC I 167.
- 221 Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, с. 232–233.
- 222 NBK.I, S. 234 f., Набонид № 3.
- 223 Л. Вулли. Указ. соч., с. 222.
- 224 YOS VI 154.
- 225 Даниил, III, 1–7.
- 226 Геродот, I, 107–130.
- 227 Геродот, I, 189; этот рассказ может показаться сказкой, но не следует торопиться с выводами. Для современников Кира наказание реки было вполне осмысленной мерой, даже если оставить в стороне чисто военные соображения. Точно так же другой персидский царь, Ксеркс, в 480 г. во время похода на Грецию разгневался на морской пролив Геллеспонт (Дарданеллы) за то, что буря разметала наплавной мост. Он приказал высечь море плетью и бросить в его воды цепи, а затем, испугавшись, стал задабривать то же море дарами. И никому из людей того времени, ни персам, ни грекам, действия Ксеркса не казались нелепыми.
- 228 Геродот, I, 190–191.
- 229 Даниил, V, 1–9.
- 230 Даниил, V, 24–30.
- 231 Геродот, I, 187.
- 232 M. San Nicolò. *Beiträge zu einer Prosopographie neubabylonischer Beamten der Zivil- und Tempelverwaltung*. Munchen, 1936, S. 51–64.
- 233 M. San Nicolò, loc. cit.

- ²³⁴ Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, с. 229–230, 246; S. Smith, *op. cit.*, p. 57.
- ²³⁵ Сур 15, 29, 37, 58, 60, 227; СТ XXII 6. Camb 384.
- ²³⁶ Геродот, I, 150–160.
- ²³⁷ BE VIII, 1, no. 103; R. A. Parker and W. H. Dubberstein, *op. cit.*, p. 15–16.
- ²³⁸ Camb 384; Sm 2, Dar 15, 95, 266, 501; Nbk 3, 5, 8; Б. А. Тураев, указ. соч., с. 130.
- ²³⁹ В. А. Белявский. Потомки Эа-илута-бани. — «Вестник древней истории», 1968, № 1, с. 114–117.
- ²⁴⁰ В. А. Белявский. Землевладение дома Эгиби. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 5. Л., 1968, с. 166; В. А. Белявский. Семья Кузнецовых. — «Доклады по этнографии (Геогр. об-во СССР. Отделение этнографии)», вып. 6. Л., 1968, с. 81.
- ²⁴¹ В. А. Белявский. Шаттинну, сын Балатсу, потомок Бэл-яу. — «Страны Ближнего и Среднего Востока. История, Экономика». М., 1969.
- ²⁴² Dar 154.
- ²⁴³ F. M. Th. Böhl. Die babylonischen Prätendenten zur Zeit des Xerxes. — «Bibliotheca Orientalis», 19, no. 3/4, 1962.
- ²⁴⁴ G. Cardascia. Les archives des Murašû. Paris, 1951.

Источники и литература

Белявский В. А. Война Вавилонии за независимость (627–605 гг. до н.э.) и гегемония скифов в Передней Азии. — «Исследования по истории стран Востока». ЛГУ, 1964.

Белявский В. А. Землевладение дома Эгиби. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 5. Л., 1968.

Белявский В. А. Канал Паллукат. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 4.

Белявский В. А. Потомки Эа-илута-бани. — «Вестник древней истории», 1968, № 1.

Белявский В. А. Семья Кузнецовых. — «Доклады по этнографии (Географическое общество СССР. Отделение этнографии)», вып. 6. Л., 1968.

Белявский В. А. Семья Син-или. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15. Л., 1970.

Белявский В. А. Симптомы кризиса рабовладельческого строя в Новом Вавилоне (VI в. до н.э.). — «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 8.

Белявский В. А. Шаттинну, сын Балатсу, потомок Бэл-яу. — «Страны Ближнего и Среднего Востока. История. Экономика». М., 1969.

Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III–I тысячелетия до н.э. М., 1961.

Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра в Древнем мире. М., 1967.

«Очерки по истории техники Древнего Востока». М. — Л., 1940.

Тураев Б. А. История Древнего Востока, т. 2. Л., 1936.

Bohl F. M. Th. Die Tochter des Königs Nabonid. — «Symbolae ad iura Orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae». Leiden, 1939;

Borger R. Der Aufstieg des Neubabylonischen Reiches. — «Journal of Cuneiform Studies», 19, 3, 1965.

Borger R. Mesopotamien in den Jahren 629–621 v. Chr. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 55, 1959.

Cameron G. G. History of Early Iran. Chicago, 1936.

Dougherty R. Ph. Nabonidus and Belshazzar. New Haven, 1929.

Dougherty R. Ph. The Shirkûtu of Babylonian Deities. New Haven, 1923.

Ehrenkranz M. Beiträge zur Geschichte den Bodenpacht in neubabylonischer Zeit. München, 1936.

Jastrow M. Die Religion Babyloniens und Assyriens, Bd. 1–2. Giessen, 1902–1907.

Kienitz F. K. Die politische Geschichte Agyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin. 1953.

Kohler J. und *Peiser F. E.* Aus dem babylonischen Rechtsleben, Bd. I–IV. Leipzig, 1890–1898.

Koldewey R. Das wieder erstehende Babylon. Leipzig, 1925.

Koschaker P. Babylonisch-assyrisches Bürgerschaftsrecht. Berlin — Leipzig, 1911.

Lutz H. F. Textiles and Costumes among the Peoples of the Ancient Near East. Leipzig, 1923.

Malamat A. A New Record of Nebuchadrezzar's Palestinian Campaigns. — «Israel Exploration Journal», 6, 1956.

Marx V. Die Stellung der Frauen in Babylonien gemäss den Kontrakten aus der Zeit von Nebukadnezar bis Darius. — «Beiträge zur Assyriologie», 4, 1902.

Meissner B. Babylonien und Assyrien, Bd. I–II. Heidelberg, 1920–1925.

Mendelsohn I. Slavery in the Ancient Near East. New York, 1949.

Olmstead A. T. E. History of Assyria. New York — London, 1923.

Olmstead A. T. E. History of the Persian Empire. Chicago, 1948.

Parker R. A. and *Dubberstein W. H.* Babylonian Chronology 626 B. C — A. D. 75.

Peiser F. E. Skizze der babylonischen Gesellschaft. — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», 1896, Nr. 3.

Reuther O. Die Innenstadt von Babylon. — «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft», 47, 1926.

Smith S. Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon. London, 1924.

Thureau-Dangin F. Rituels accadiens. Paris, 1921.

Unger E. Babylon. Berlin — Leipzig, 1931.

Ungnad A. Die Religion der Babylonier und Assyrer, Bd. 1-2. Giessen, 1905—1912.

Wiseman D. J. Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum. London, 1956.

- ABL* R. F. Harper. Assyrian and Babylonian Letters belonging to the Kouyunjik Collection of the British Museum. Vol. I–XIV. London, 1892–1914.
- An. Or. VIII* A. Pohl. Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen, Bd. I. Roma, 1933 (Analecta Orientalia. 8).
- BE VIII, 1* A. T. Clay. Legal and Commercial Transactions dated in the Assyrian, Neo-Babylonian and Persian Periods chiefly from Nippur. Philadelphia, 1908 (The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A. Vol. VIII, I).
- Berens* Th. G. Pinches. The Babylonian Tablets of the Berens Collection. London, 1915.
- BIN I* C. E. Keiser. Letters and Contracts from Erech. New Haven, 1918 (Babylonian Inscriptions in the Collection J. B. Nies, I).
- Borger. Asarhaddon* R. Borger. Die Inschriften Asarhaddons, Kcinigs von Assyrien. Graz, 1956.
- Camb* J. N. Strassmaier. Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Leipzig, 1890.

- CT* Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. London.
- Cyr* J. N. Strassmaier. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Leipzig, 1890.
- Dar* J. N. Strassmaier. Inschriften von Darius, König von Babylon. Leipzig, 1892–1897.
- Ev. M* B. T. A. Evetts. Inscriptions of the Reigns of Evil-Merodach, Neriglissar and Laborosoarchod. Leipzig, 1892.
- GCCI* R. Ph. Dougherty. Archives from Erech, vol. I. New Haven, 1923 (Goucher College Cuneiform Inscriptions).
- KB IV* Keilinschriftliche Bibliothek, Bd. IV. Berlin. 1896.
- Lab* см. Ev. M.
- Liv* J. N. Strassmaier. Die babylonischen Inschriften im Museum zu Liverpool. — «Actes du VI Congrès International des orientalistes, tenu en 1883 à Leide». Leide, 1885.
- Moldenke* A. Moldenke. Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1893.
- Nbk* J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon. Leipzig, 1889.
- NBK.I* S. Langdon. Die neubabylonischen Königsinschriften. Leipzig, 1912.
- Nbn* J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabonidus. König von Babylon. Leipzig, 1887–1889.
- Nbp* J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabopalassar und Smerdis. — «Zeitschrift für Assyriologie», 4, 1889.
- Ner* см. Ev. M.
- Sm* см. Nbp.
- TCL IX* G. Contenau. Contrats et lettres d'Assyrie et de Babylonie. Paris, 1926 (Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales. Textes Cuneiformes, IX).
- TCL XII–XIII* G. Contenau. Contrats neo-babyloniens I–II. Paris, 1927–1929 (Musée du Louvre,

- Departement des Antiquites Orientales. Textes Cuneiformes, XII–XIII).
- TuM II/III* O. Krückmann. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Leipzig, 1933 (Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities im Eigentum der Universität Jena, II/III).
- VAS III–VI* Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin. Leipzig, 1907–1908.
- YOS I* A. T. Clay. Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection. New Haven, 1915 (Yale Oriental Series. Babylonian Texts. I).
- YOS III* A. T. Clay. Neo-babylonian Letters from Erech. New Haven, 1919 (Yale Oriental Series. Babylonian Texts. III).
- YOS VI* R. Ph. Dougherty. Records from Erech. Time of Nabonidus. New Haven, 1920 (Yale Oriental Series. Babylonian Texts. VI).
- YOS VII* A. Tremayne. Records from Erech. Time of Cyrus and Cambyses. New Haven, 1925 (Yale Oriental Series. Babylonian Texts. VII).

Содержание

От автора	5
Глава 1. Рождение нового Вавилона	13
Глава 2. Возмездие.	43
Глава 3. Величие Вавилона.	59
Глава 4. Райский сад	80
Глава 5. Вавилонские умельцы и дельцы	105
Глава 6. «Врата Божьи»	130
Глава 7. Дети Вавилона	152
Глава 8. Вавилонская блудница	179
Глава 9. Перед закатом	205
Глава 10. Мене, мене, текел, упарсин	220
Вместо эпилога: почему?	246
Примечания	249
Источники и литература	261
Сокращения	264

Белявский В.

- Б44** Вавилон легендарный и Вавилон исторический / Виталий Белявский. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 272 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-106-9

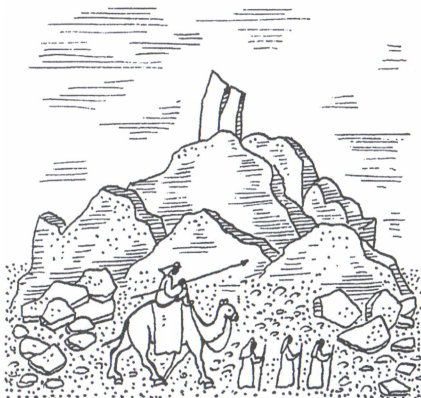
Вавилония в пору своего расцвета была центром Древнего мира, а столица его — Вавилон — одним из крупнейших и красивейших городов на земле. С Вавилоном связано множество событий, вошедших в историю человечества, и не меньше мифов и легенд. Вавилонская башня, Вавилонское столпотворение, Вавилонский плен, Вавилонская блудница, Висячие сады Семирамиды, безумие великого царя Навуходоносора и пиры Валтасара — это все Вавилон. Он переживал взлеты и падения, его разрушали до основания, а потом восстанавливали в еще большем блеске и величии. Александр Македонский стремился в Вавилон, сделал его столицей своей державы, и это был последний подъем великого города.

Так каким же он был, Вавилон, чье имя долгое время служило синонимом богатства и преуспевания? Кто его населял? Как жили и к чему стремились эти люди? Об этом рассказывает книга Виталия Белявского, выдающегося знатока Ассирии и Вавилона.

История. География. Этнография

Виталий Белявский

Вавилон легендарный и Вавилон исторический

Редактор В. Петров
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 29.01.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 6522.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. Земля — вид сверху

Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»

Владислав Петров. Три карты усатой княгини

Свен Хедин В сердце Азии

Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина

Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао

Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля

Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений

Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль

Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо

Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку

Светлана Плетнева. Половцы

Ким Малаховский. Пираты британской короны

Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Алексис Трубецкой. Крымская война

Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити

Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения
Свена Хедина
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета
Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивик. История сексуальных запретов и предписаний
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. Русская Америка:
от первых поселений до продажи Аляски
Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы
и прочие...
Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира
Георгий Вернадский. Монголы и Русь
Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины
в Древней Руси и Московии: невеста, жена,
любовница

Виталий
Белявский
Вавилон
легендарный
и Вавилон
исторический

Эта книга посвящена едва ли не самому загадочному древнему царству — Вавилонии и столице его — Вавилону, одному из крупнейших городов Древнего мира. Соседним народам Вавилония представлялась райским садом. Александр Македонский, завоевав ее, сделал Вавилон столицей своей империи и умер здесь в зените своей славы. У нас Вавилон, чье название переводится как «Врата Божьи», ассоциируется с Вавилонской башней, Вавилонским столпотворением, Вавилонским пленом, Вавилонской блудницей, Висячими садами Семирамиды, безумием великого царя Навуходоносора и пирами Валтасара. Так каким же он был, этот великий город, в пору своего расцвета, кто его населял, как жили и к чему стремились эти люди?

Об этом рассказывает книга Виталия Белявского, выдающегося знатока Ассирии и Вавилона и соратника Льва Гумилева.

ISBN 978-591-678-106-9

9 785916 781069